

Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»

ПЯТЬ СТОЛЕТИЙ ЮГРЫ

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Коллективная монография

Часть VI

**Издательство
Нижевартовского
государственного
университета**

ББК 63.3(253.3-6Хан)

П 99

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»

Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в
сфере научной деятельности, задание № 2014/801

Авторы:

Я.Г. Солодкин (разд. 1, гл. 1—2); *В.В. Цысь, О.П. Цысь* (разд. 1, гл. 3);
Л.В. Алексеева (разд. 2, гл. 1; разд. 3, гл. 2);
К.Г. Букренева, Л.В. Алексеева (разд. 2, гл. 2);
Л.В. Алексеева, В.С. Книжников (разд. 2, гл. 3); *А.И. Прищепина* (разд. 2, гл. 4);
В.В. Митрофанов (разд. 3, гл. 1); *А.А. Любимов, А.В. Чичулин* (разд. 3, гл. 4);
Н.В. Сапожникова (разд. 3, гл. 3)

Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессора *Л.В. Алексеевой*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Южно-Уральского государственного
университета (филиал в г. Нижневартовске) *В.В. Митрофанов*;

кандидат исторических наук, преподаватель Нижневартовского социально-
гуманитарного колледжа *Н.С. Салимова*

П 99 Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы:

Коллективная монография / Под общ. ред. Л.В. Алексеевой. — Нижне-
вартовск: Изд-во НВГУ, 2016. Ч. VI. 193 с.

ISBN 978-5-00047-324-5

В монографии рассматривается широкий спектр проблем политиче-
ской, экономической и социокультурной истории Ханты-Мансийского
национального (автономного) округа и сопредельных территорий.

Книга предназначена для студентов-историков, аспирантов, специали-
стов, а также всех, кто интересуется историей Югры и сопредельных тер-
риторий. Монография может быть использована при подготовке лекцион-
ных курсов и для выполнения обобщающих работ по истории Сибири.

ББК 63.3(253.3-6Хан)

ISBN 978-5-00047-324-5

© Издательство НВГУ, 2016

Уважаемые читатели!

Перед вами шестой выпуск коллективной монографии «Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы», посвященный юбилею известного ученого, выдающегося специалиста в области историографии и источниковедения, заведующего научно-исследовательской лабораторией региональных исторических исследований Нижневартовского государственного университета профессора Я.Г. Солодкина. 18 августа Якову Григорьевичу исполняется 65 лет. Профессор Я.Г. Солодкин внес неоценимый вклад в становление исторических исследований университета, формирование научного коллектива кафедры истории России и научно-исследовательской лаборатории. В настоящее время под руководством Я.Г. Солодкина лаборатория занимается изучением темы: Западная Сибирь в составе Российского государства: проблемы истории, историографии, источниковедения, методологии и методики преподавания.

В подготовке шестой части коллективной монографии приняли участие ученые из Нижневартовска, Ханты-Мансийска, Сургута, Ишима, Тары. В их статьях отражены результаты научных исследований последнего времени.

Всем авторам большое спасибо! Выражаем надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Л.В. Алексеева
профессор, заслуженный деятель науки ХМАО — Югры

Заведующий лабораторией региональных исторических исследований Нижневартовского государственного университета, доктор исторических наук, профессор Яков Григорьевич Солодкин

Яков Григорьевич Солодкин родился 18 августа 1951 г. в г. Курске в семье служащих. В 1973 г. окончил с отличием исторический факультет Воронежского государственного университета. Учителя: проф. В.П. Лысцов, проф. В.П. Загоровский. Кандидатская диссертация «Авраамий Палицын — русский политический деятель и публицист начала XVII в.» (1973 г., Воронежский государственный университет). Докторская диссертация «Русская публицистика начала XVII века: проблемы происхождения крупнейших летописных памятников и “Временника” Ивана Тимофеева (1991 г., Московский государственный историко-архивный институт). В период 1979—1994 гг. — старший преподаватель, доцент, профессор Кустанайского пединститута (госуниверситета), республика Казахстан. С 1995 г. — профессор кафедры истории Нижневартовского педагогического института, 17 лет возглавлял кафедру истории России в НГПИ (НГГУ), с 2014 г. — заведующий научно-исследовательской лабораторией региональных исторических исследований. Является основоположником

научного краеведения в Нижневартовске, основателем ряда научных направлений на кафедре истории России. Осенью 1998 г. под его руководством на кафедре была открыта аспирантура по двум историческим специальностям. Подготовил 20 кандидатов и одного доктора исторических наук. Внес огромный вклад в становление и развитие исторического образования в ХМАО — Югре. По его инициативе проведено большое количество научных конференций различного уровня, начато издание серий научных трудов, в том числе сборников статей, коллективных монографий, краеведческих записок.

Сфера научных интересов: источниковедение, историография, книжная культура, политическое развитие России, история ее южных окраин и Сибири XVI—XVII вв. Автор почти тысячи научных трудов. Яков Григорьевич — Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный деятель науки ХМАО — Югры.

Л.В. Алексеева

Раздел 1

ЮГОРСКАЯ ЗЕМЛЯ ДО НАЧАЛА XX в.

Глава 1

УДК 93/94

О ДВУХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВРЕМЕНИ ЕЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К МОСКОВСКОМУ ГОСУДАРСТВУ

Аннотация. В главе показывается, что сподвижника Ермака атамана Матвея Мещеряка вопреки сообщению Строгановской летописи нет оснований включать в число строителей Обского (Мансуровского) городка, а наиболее вероятной датой возникновения Березова, как часто считалось и ранее, является 1593 г.

Ключевые слова: Северо-Западная Сибирь, начало ее русской колонизации; Матвей Мещеряк; Обский (Мансуровский) городок; Березов, хронология его основания.

Abstract. In the chapter it is said that ataman Matvei Meshcheryak, Yermak's associate, wasn't a builder of the Ob (Mansurovsky) town; the most probable date of emergence of Beryozovo is 1593 as often considered and earlier.

Key words: Northwest Siberia, beginning of her Russian colonization; Matvei Meshcheryak; Ob (Mansurovsky) town; Berezov, chronology of his founding.

Немало вопросов вхождения Югорской земли в состав России остаются дискуссионными. Двум таким вопросам посвящена настоящая глава, продолжающая серию публикаций автора по проблемам ранней истории «русской» Сибири.

1. Участвовали ли соратники Ермака в основании мансуровского (обского) городка?

Поздней осенью 1585 г., всего через несколько месяцев после того, как уцелевшие ермаковцы и стрельцы князя С.Д. Болховского вернулись из Кашлыка на «Русь», у слияния Иртыша и «великой» Оби был заложен т. н. Мансуровский городок, ставший первым российским укрепленным поселением на северо-западе Си-

бири. Годовальщики, которые несли службу в этом остроге в течение восьми лет — со времени, когда воевода И.А. Мансуров отправился в «царствующий град», до кануна «поставления» Сургута, сыграли значительную роль в закреплении за Московским государством земель Нижнего Приобья.

Нередко считается, что в сооружении городка, прозванного окрестными остяками Русским (Руть-ват или Руш-ваш), принимали участие соратники «прехраброго» Ермака¹. Эта версия основана на Строгановской летописи (далее — СтЛ), где сказано, что, направляясь к Кашлыку, Мансуров встретил возвращавшийся оттуда отряд атамана Матвея Мещеряка и вместе с ним двинулся вниз по Туре, Иртышу и Тоболу, а потом, не решившись вступить в сражение с многочисленным татарским войском, собравшимся для защиты бывшей столицы Кучума, «срубил» на Оби городок, где с «ермаковыми казаками» и зазимовал². Р.Г. Скрынников, подобно Г.Е. Катанаеву, думал, что «мещеряковцы» присоединились к нескольким сотням казаков и стрельцов, посланным московским правительством за Урал³. Но видный историк последних десятилетий сам отмечал, что летом 1585 г. атаман, входивший в окружение Ермака, уже находился на Яике, а в октябре следующего года прибыл в Самару, где вскоре воеводой князем Г.О. Засекиным был брошен в тюрьму и казнен⁴. Приведенное свидетельство СтЛ — кстати, фактически единственного источника, благодаря которому известно об участии Мещеряка в «зауральской эпопее»⁵ — явно противоречит показаниям всех остальных нарративных и документальных памятников, начиная с «Повести о Сибири и о сибирском взятии» Саввы Есипова, и никак не может считаться достоверным⁶.

Д.И. Копылов и А.Т. Шашков полагали, что Мансурова сопровождал за «Камень» другой атаман «Ермакова войска» — Иван Гроза (Гроза Иванов), который вместе с головой (вероятно, стрелецким) И.С. Киреевым привез в Москву плененного вольными казаками царевича Маметкула⁷. Известно, что племянник Кучума появился в столице России не позднее начала февраля 1585 г., не исключено, еще поздней осенью — в первые недели зимы. Мансуров же, который прибыл к Искеру скорее всего в октябре того же года, возможно, выступил в сибирский поход с наступлением лета. Иван Гроза (принимавший участие в основании Тобольска,

Тары и Томска), как допустимо считать, вернулся в «Сибирскую землю» со снаряженной в Москве новой экспедицией, хотя такой взгляд прямо не подтверждается источниками, которыми мы располагаем. Ведь Гроза едва ли мог успеть возвратиться в Кашлык до ухода оттуда Глухова и Мещеряка (вероятно, в конце весны — самом начале лета 1585 г.), к тому же они, покидая этот «град» «беззапасными» «до конца»⁸, не знали, что за Урал скоро придет войско «святоцаря» Федора. Недаром Грозы не было среди первостроителей Тюмени⁹. Быть может, он вернулся в Москву с Мансуровым либо остался «годовать» в Обском городке, а затем присоединился к отряду письменного головы Д.Д. Чулкова, «поставившему» Тобольск.

2. К датировке основания Березова (еще раз о современных историографических мифах)

Больше всего споров в исторической урбанистике ранней «русской» Сибири вызывает, пожалуй, вопрос о хронологии «поставления» Березова.

Г.Ф. Миллер пришел к выводу, что этот город был заложен отрядом воеводы Н.В. Траханиотова на левом берегу Сосьвы, в 20 верстах от ее впадения в Обь, в 1593 г. При этом «отец сибирской истории» ссылался не только на полученный им в Березове перечень местных администраторов, как порой считается¹⁰, но и наказ князю П.И. Горчакову, который должен был совместно с Н.В. Траханиотовым основать Пелым¹¹. (Упоминаемые в этом документе и памятях Горчакову наказ (за «приписью» думного дьяка А.Я. Щелкалова) и указы Траханиотову¹² до нас не дошли). Предположение Г.Ф. Миллера о сооружении Березова там, где ранее существовал русский острог, было воспринято многими исследователями¹³, хотя в источниках конца XVI—XVII вв. о таком остроге нет даже косвенных данных. Д.Я. Резун допускал, что какое-то русское поселение на месте будущего Березова (по аналогии с Сургутом и Мангазеей) возникло еще тогда, когда с прибытием в Кашлык вскоре после гибели Ермака стрельцов князя С.Д. Болховского, т.е. осенью 1584 г., произошел раскол среди казаков, и часть из них, не пожелавших сделаться государевыми или служилыми, а решившая остаться вольными, отошла к устью

Северной Сосьвы¹⁴. Эту мысль следует признать безосновательной. (Известие «Краткого описания о Сибирстей земли ...» о возвращении уцелевших ермаковцев и служилых людей под началом головы И.В. Глухова из Кашлыка на Русь через Березов¹⁵ — явная ошибка, которую отчасти можно объяснить тем, что протограф этого сочинения, по-видимому, возник в Москве в связи с учреждением тобольской епархии). Ряд историков вслед за А.И. Андреевым считали, что Березов был построен одновременно с Тюменью и Тобольском, в 1587 — 1588 гг.¹⁶ Напомним, однако, что два последних города русские служилые люди основали в 1586 и 1587 гг. Недаром Е.К. Ромодановская писала о попытке создания острога на месте будущего Березова в то время¹⁷. Как заметил А.Т. Шашков, версия Н.А. Миненко о закладке Березова отрядом воеводы И.А. Мансурова (находившегося в Сибири, кстати, осенью 1585 — весной 1586 гг.), не подтверждается источниками¹⁸. Эту версию заставляет отклонить и давно опубликованная царская грамота от 17 мая 1610 г. березовским воеводам С.И. Волынскому и Ю.Я. Стромилову, посланная в ответ на челобитную казымского князя Ю. Ладькина «с товарыщи». В челобитной говорилось о том, что согласно жалованной грамоте Федора Ивановича (1586/87 г.) владевшему казымскими городками Цынгону (Цынгопу или Сенгепу) мурзе, он обязывался вносить ясак в размере четырех сороков соболей и двух лисиц «черных лутчих» за два года, а как «поставили» Березов, «с тех мест ... емлют с них (остяков. — Я.С.) ... ясаку» по семнадцать сороков соболей «на год»¹⁹. Стало быть, этот город возник после 1586/87 г., не ранее следующего года.

А.А. Бродников недавно, впрочем, обходясь без аргументации, рассудил, что Березов, сооруженный в 1587 г., через 6 лет был перенесен на новое место²⁰. И.Л. Манькова, ранее относившая закладку русской крепости на территории (по определению А.Т. Шашкова) Куноватско-Ляпинского княжества к 1593 г., недавно посчитала, что Березов «срубили» в 1587/88 г.²¹, т.е., получается, вскоре после «создания» Тобольска.

Как не исключал В.Д. Пузанов, Березову предшествовал острог, где служили годовальщики. Вместе с тем исследователь писал, что стены и башни Березова поднялись на месте остяцкого городка²². Однако В.Д. Пузанов сам указывал, что первые сибир-

ские годовальщики составляли гарнизон Обского городка, который «до строительства Березова и Сургута являлся здесь главным русским форпостом»²³. Какие задачи выполняли годовальщики, если их направляли в Березовский острог, историк не разъясняет.

Про основание Березова в 1593 г., о чем аргументированно писали многие ученые²⁴, известно, в частности, кроме «пелымского» наказа²⁵, по березовскому городовому списку 1634/35 г. и материалам березовского сыска, проведенного тобольским сыном боярским П. Хмелевским в 1636 — 1637 гг.²⁶, Книге записной и зависимой от нее Академической редакции СЛС²⁷, Вычегодско-Вымской (Мисаило-Евтихиевской) летописи²⁸, разрядным записям²⁹. Точнее, в этих источниках, как мы видим, довольно многочисленных, сказано о пребывании Н.В. Траханиотова³⁰ в «новом городе на Оби» с 1592/93 г. Суждения же о «поставлении» этой крепости во второй половине 1580-х гг. или закладке Березова на месте какого-то острога либо зимовья нельзя признать оправданными.

Согласно царской грамоте от 19 декабря 7030 (1621 г.), березовские служилые литвин К. Григорьев, казаки П. Яковлев, Т. Иванов «сказывали» в Казанском приказе, что «Березов город и острог поставлены» при царе Федоре Ивановиче 28 лет тому назад³¹, т.е. в 7102 г. Вероятно, или названные березовцы немного ошиблись, или же, вероятнее, их «скаска» относится к 7129 (1620/21) г., тем более что С.И. Волынский, который воеводствовал в Березове в пору московской Смуты, расспрашивался в Казанском дворце еще в апреле 1621 г. о возможности (про это «подал письмо» воевода Томска Ф.В. Бабарыкин) перевода «в Томской город» гарнизонов Березова и Сургута и «посылки» взамен, как в Мангазею, годовальщиков³². Не исключено, что интересующая нас дата была известна К. Григорьеву³³, П. Яковлеву и Т. Иванову, если они не помнили ее сами, по послужным спискам и сообщениям березовских старожил.

Как писал В.И. Сергеев, в том же 1593 г., когда был заложен Березов, «начальные крепости Тюмень и Тобольск ... получают рубленные кремни, т.е. они каждый официально разделяются на военно-административный центры и посады»³⁴. Точнее, согласно двум редакциям СЛС, в Тюмени рубленый город выстроили в 1592/93, в Тобольске — в следующем году³⁵.

С основанием Березова и Пельма возобновилось российское градостроительство в «Сибирской стране». Сооружение этих крепостей, как и Мансуровского городка, «срубленного» еще поздней осенью 1585 г., привело к окончательному закреплению за Московским государством Югорской земли и во многом способствовало дальнейшей русской колонизации необъятного края, раскинувшегося к востоку от Урала.

Примечания

¹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 10. Примеч. 33; Миненко Н.А. Русское население Нижнего Приобья в XVIII — первой половине XIX в. (источники, динамика, размещение и сословный состав) // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. С. 249 (Бахрушинские чтения, 1969); Она же. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 36; История Сибири: Учеб. пособие. Томск, 1987. С. 101. Заметим, что «первым опорным оборонительным пунктом» «русских в Сибири» явился не Тюменский острог (Балюк Н.А. Тюменский уезд в конце XVI — XVII веках // Ежегодник Тюмен. обл. краевед. музея им. И.Я. Словцова: 2000. Тюмень, 2001. С. 160), а Усть-городок, как называется в одной из многочисленных разновидностей Основной редакции Есиповской летописи острог, «срубленный» по распоряжению Мансурова (Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1987. Т. 36. С. 64. Примеч. 51, 62—63).

² Сибирские летописи (далее — СЛ). СПб., 1907. С. 39—40, 85, 86, 102—103. Утверждать, будто после гибели Ермака Мещеряка избрали «великим агаманом», как он называется в СтЛ (Дубман Э. Князь Григорий Засекин (Хроника жизни и деятельности строителя волжских городов). Самара, 1995. С. 55), нет оснований. Судя по всем редакциям этой исторической повести, со смертью предводителя сибирской экспедиции Мещеряк остался единственным агаманом «товарства», разгромившего «прегордого салтана» (СЛ. С. 38, 40. Примеч. 3; С. 83, 84, 90, 102. Ср.: С. 8, 55, 98).

³ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 264. См. также: Копылов Д.И. Ермак. Иркутск, 1989. С. 175.

Д.И. Копылов включал Мещеряка в число основателей Тобольска (Копылов Д., Прибыльский Ю. Тобольск. 2-е изд., перераб. и доп. Свердловск, 1975. С. 5, 6). Это представление восходит к СтЛ Распространенной редакции, где говорится о том, что в Тобольск, занятый Д. Чулковым, прибыли Мансуров и Мещеряк (СЛ. С. 87—88. Ср.: С. 43, 90). В Погодинском летописце, сохранившем наиболее подробные сведения о возникновении будущей столицы Сибири, об этом, однако, умалчивается (ПСРЛ. Т. 36. С. 136), да и версия строгановского «историографа» о начале Тобольска как русского города должна считаться баснословной.

⁴ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 144, 147. См. также: Шашков А. Лодейный город // Родина. 2004. Спец. вып.: Тобольск — живая былина (далее — Тобольск). С. 7; Дубман Э. Князь Григорий Засекин ... С. 32, 55—58; Он же. Поволжский фронт в середине XVI — XVII вв.: Очерки истории. Самара, 2012. С. 95 (Юго-Восток Европейской России. Ч. 1).

Считая заложенное Мансуровым укрепленное поселение первым русским городом «на сибирской почве» (Бахрушин С.В. Науч. тр. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 145; Он же. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 1999. Т. 1. С. 40), выдающийся историк прошлого века допустил преувеличение. Это просуществовавшее до весны 1594 г. поселение, как, кстати, поначалу и Тюмень с Тобольском, представляло собой острог.

⁵ Сохраненные другими летописями сведения о Мещеряке как сподвижнике Ермака (ПСРЛ. Т. 36. С. 32, 120, 125) явно вторичны относительно СтЛ.

⁶ См., напр.: Солодкин Я.Г. Являлся ли Матвей Мещеряк «последним атаманом» дружины Ермака? // Присоединение Сибири к России: новые данные: Матлы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Тюмень, 9—10 декабря 2014 г.). Тюмень, 2014. С. 191.

⁷ Копылов Д.И. Ермак. С. 173; Шашков А.Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 38, 39; Он же. Лодейный город. С. 7. Утверждать, будто отряд В.Б. Сукина и И.Н. Мясного, заложивший в 1586 г. Тюменский острог, включал всех ермаковцев, вернувшихся на «Русь» после гибели своего предводителя, в том числе Матвея Мещеряка (Акишин М. «Благородные мужи» Чулоквы // Тобольск. С. 43), нет оснований.

⁸ ПСРЛ. Т. 36. С. 135.

По утверждению Ю.С. Худякова, еще до гибели Ермака «царским правительством было отправлено в Сибирь несколько хорошо вооруженных и оснащенных военных отрядов» (Худяков Ю.С. Оборона южных рубежей Западной Сибири русскими воинами в конце XVI — первой трети XVII в. Ч. 1 // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1. С. 4). Речь должна идти только об одном таком отряде — князя С.Д. Болховского. Подавляющее большинство его стрельцов, однако, не сумело пережить первой сибирской зимы из-за отсутствия запасов продовольствия.

⁹ О.В. Внукова находила, что отряд В.Б. Сукина и И.Н. Мясного, заложивший в 1586 г. Тюмень, «очевидно, соединился с остатками дружины Ермака, ратей С. Болховского и И. Мансурова в верховьях Лозьвы» (Внукова О.В. Формирование первых сибирских гарнизонов в конце XVI — начале XVII веков // Россия и страны Запада: Проблемы истории и филологии. Нижневартовск, 2002. Ч. 1. С. 75. Ср.: С. 78). Однако казаки и стрельцы возвращались на Русь северным уральским путем — Собью и через Пустозерск, причем первые из них — летом 1585 г., тогда как третья по счету правительственная экспедиция конца XVI в. за Урал двигалась, как и Ермак «с товарищи», по Чусовой, Тагилу и Туре (ПСРЛ. Т. 36. С. 130—131, 133—135), т.е. встреча, о которой писал строгановский «слогатель», состояться не могла.

Считать, как поступил А.Ю. Конев, что отряд И. Глухова покинул Кашлык в конце лета 1585 г., почти через год после гибели Ермака (Загороднюк Н.И.,

Квашнин Ю.Н., Конев А.Ю., Ломакин И.А., Усманов В.Г. Самаровский край: История Ханты-Мансийского района. Тюмень, 2003. С. 15), нет оснований, это произошло на несколько месяцев раньше. Кстати, Мансуровский городок был «разломан» не в феврале 1594 г. (Там же), а спустя три — четыре месяца, в канун основания Сургута, который тот же тюменский историк напрасно причислил к острогам.

¹⁰ Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. Переизд. Ханты-Мансийск, 2007. С. 41. Считать этот перечень городской летописью (см., напр.: Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер ... С. 35 — 36), думается, не стоит, скорее всего, он представлял собой выборку сведений о воеводах и письменных грамотах Березова из Сибирского летописного свода (далее — СЛС) (Солодкин Я.Г. Велось ли летописание в Березове? // Нижневартовский район в судьбах Югры и России: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 85-летию со дня образования Нижневартовского района (г. Нижневартовск, 7 июня 2013 г.). Нижневартовск, 2013. С. 63—65).

Об историографии проблемы возникновения Березова см., напр.: Леонтьев В.М. Торговля Березова в XVII веке или русские в Сибири. Новосибирск, 1995. С. 42—44, 46, 53—54, 90.

¹¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 277. Изложенный в относящемся к концу 1592 или самому началу 1593 г. (см., напр.: Там же. С. 488; Книжные сокровища Югры: Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска. Екатеринбург, 2003. С. 377, 381) наказе П.И. Горчакову «план закрепления России на северо-западе Сибири», вопреки мнению М.О. Акишина, отнюдь не предусматривал сооружение кроме Пельма и Березова также Сургута (Акишин М. Дьяки Посольского приказа и присоединение Сибири // Российская история. 2015. № 3. С. 52).

¹² См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 339—340, 345. Утверждение, будто сведений о Н.В. Траханиотове сохранилось очень мало (Альманах Тобольск и вся Сибирь. 2013. № 22: Березов. Тобольск. С. 20. Примеч. 2), неверно. См., напр.: Солодкин Я. Основатель Березова Никифор Траханиотов // Югра. 1998. № 7. С. 18—19; Он же. Траханиотовы во второй половине XVI — начале XVII веков // Третьи Тюменские родословные чтения: Мат-лы тез. и докл. Тюмень, 2003. С. 32.

Разрядная запись о «посылке» Н.В. Траханиотова «ставить» Пелым в 1591/92 г. (Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 292), вопреки мнению А.А. Зимина (указавшего, впрочем, на И.В. Траханиотова, ведавшего в 1595—1598 гг. Лозьвой), должна считаться неточной.

¹³ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 264, 265, 277; Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века. Новосибирск, 1982. С. 33, 101; Со времен князя Самара ... С. 41, и др.

¹⁴ Резун Д.Я. Куда и с кем ушли казаки после гибели Ермака? // Изв. Сибир. отделения АН СССР. Сер. обществ. наук. 1981. № 11. Вып. 3. С. 19, 20.

¹⁵ СЛ. С. 310; ПСРЛ. Т. 36. С. 74. В Новом летописце старшей редакции и повторено данное известие (по протографу «Краткого описания ...»), и говорится о последующей закладке Березова (ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 34, 43).

Оставление русскими Кашлыка следует приурочить к поздней весне или самому началу лета 1585 г.

¹⁶ См., напр.: Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 108—109. Мнение, что до района Березова доходили ермаковцы (Там же), лишено оснований.

Бездоказательно и отнесение «создания» этого города приблизительно к 1590 г. (Очерки истории СССР: Период феодализма: Конец XV в. — начало XVII в. М., 1955. С. 696). Не приходится также считать, что в начале 1590-х гг. в Березове воеводствовал П. Годунов (Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 25). Кстати, речь должна идти о Горчакове, вскоре принявшем участие в основании Пелыма и Обдорского острога.

¹⁷ Ромодановская Е.К. Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 233 (Избр. тр.). Ср.: Она же. Черкас Александров // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 229. Н.В. Траханиотова исследовательница ошибочно «произвела» в князя.

¹⁸ Шашков А.Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 51. Примеч. 113. Н.А. Миненко впоследствии, однако, повторила эту версию (Миненко Н.А. Тюмень: Летопись четырех столетий. СПб., 2004. С. 41). Поначалу Н.А. Миненко подобно А.И. Андрееву считала основателем Березова князя П.И. Горчакова (Она же. Северо-Западная Сибирь ... С. 34, и др.). Примечательно, что даже в одном и том же издании, подготовленном при участии Н.А. Миненко, говорится о закладке Березова и в 1586/87, и в 1593 г. См.: Сибирские реликвии: Из собрания Тобольского музея. Б. м., б. г. С. 55, 199.

¹⁹ Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2. Стлб. 200, 202.

²⁰ Бродников А.А. К вопросу о церковном строительстве в Сибири в XVII веке // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI—XX века): посвящается 45-летию научно-педагогической деятельности Елены Ивановны Дергачевой-Скоп. Новосибирск, 2011. С. 200. Нет оснований и полагать (см.: Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб., 1900. С. 8), что Березов возник в 1592 г., причем одновременно с Пелымом и Сургутом.

²¹ Манькова И.Л. Тобольские служилые люди Мокринские // Проблемы истории русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 323, 325; Она же. Реконструкция православного ландшафта Тобольска XVII — первой половины XVIII вв.: приходские церкви // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: Сб. науч. ст. Всерос. конф. с междунар. участием (г. Сургут (СурГУ), 14 ноября 2014 г.). Курган, 2015. С. 237.

²² Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири: Конец XVI — XVII вв. СПб., 2010. С. 189; Он же. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII в.). Сургут, 2011. С. 110; Он же. Служилые люди Березовского уезда в XVII в. // Северный регион: наука, образование, культура (далее — СР). 2012. № 1—2 (25—26). С. 182; Пять столетий Югры: Проблемы и решения, итоги и перспективы. Нижневартовск, 2014. Ч. IV. С. 20, 21, и др.

О возведении укреплений Березова на месте остяцкого городка писали и другие историки. См., напр.: Бахрушин С.В. Науч. тр. Т. 3. Ч. 1. С. 147; Со времен князя Самара ... С. 59.

²³ Пузанов В.Д. Военная служба годовальщиков в Сибири в XVII веке // СР. 2005. № 1 (11). С. 97. Ср.: С. 109, и др.

²⁴ См., напр.: Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3 (21). С. 118; Он же. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 177—179; Шашков А. Первые зауральские города и остроги. 1997. № 8. С. 19—20; Он же. К истории основания Березова и Пельма // Культурное наследие российской провинции: история и современность: К 400-летию г. Верхотурья: Тез. докл. и сообщ. Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург — Верхотурье, 26—28 мая 1998 г.). Екатеринбург, 1998. С. 251; Он же. Славен град Березов! // Родина. 2003. № 7. С. 49; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 124—125; Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 12—13; Солодкин Я.Г. О датировке «поставления» Березова и Кетска // СР. 2003. № 1 (7). С. 125—129; Он же. Когда был заложен Березов? // Сибирский исторический журнал. 2004. № 1. С. 38—42; Березово (Очерки истории с древности до наших дней). Екатеринбург, 2008. С. 63—66.

²⁵ К 1592/93 г. основание Пельма отнесено в челобитной пашенных вогулов Табаринской волости Михаилу Федоровичу. См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 2000. Т. 2. С. 287. Ср.: Там же. Т. 1. С. 342; Т. 2. С. 178, 241.

Учитывая практику делопроизводства сибирских приказных изб с конца XVI в., трудно согласиться с мнением, будто первые отписки воевод Березова и Пельма не содержали точных дат (Березово ... С. 66).

²⁶ См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 684; Резун Д.Я. К истории «поставления» городов и острогов в Сибири // Сибирские города XVII — начала XX века. Новосибирск, 1981. С. 36, 44; Он же. Очерки ... С. 75. Ср.: С. 87; Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск, 1996. С. 74 (История Сибири: Первоисточники. Вып. 7).

²⁷ См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 140, 369. В других редакциях этого свода, которыми располагал Г.Ф. Миллер, Березов назван в ряду сибирских городов и острогов, появившихся на протяжении 1590/91 — 1593/94 гг., а в продолжении Абрамовского вида Есиповской летописи говорится о возникновении Березова и Пельма в 1591 г. (Там же. С. 98, 190, 259, 315, 346; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 274).

²⁸ См.: Доронин П. Документы по истории Коми // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 267. Сообщение этой летописи об участии пермичей в закладке «Березова города» подтверждается документально (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 277, 340—342, 345, 346; Первое столетие ... С. 74) и СЛС.

²⁹ См.: Разрядная книга 1475—1598 гг. (далее — РК). М., 1966. С. 487; Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV

— начало XVII в. М., 2005. С. 409. В некоторых «разрядах» начала московской Смуты о Березове впервые говорится под 1591/92 г. (Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 292; Разрядная книга 1475—1605. М., 1989. Т. 3. Ч. 3. С. 41, 42).

³⁰ Многие исследователи утверждают, что накануне основания Березова Н.В. Траханиотов являлся чердынским воеводой (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 274, 606; Сергеев В.И. Первые сибирские города ... С. 115; Шашков А.Т. К истории возникновения в конце XVI в. первых русских городов и острогов на восточных склонах Урала // Уральский сборник: История: Религия: Культура. Екатеринбург, 1997. С. 177; Он же. Первые зауральские города и остроги. С. 19; Внукова О.В. Формирование первых сибирских гарнизонов ... С. 77; Березово ... С. 63; Никитин Н.И. Присоединение Сибири // Российская империя: от истоков до начала XIX века: Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 118, и др.). Однако этот представитель знатного рода (в 1591/92 г. «отпущенный» из Смоленска, где служил вторым воеводой, см.: РК. С. 469), судя по царской грамоте, на Орел и Чусовую Строгановым от 5 июля 1592 г. и наказу князю П.И. Горчакову о постройке города в «Тоборах», лишь направлялся из Перми через Лозьву, Тоборы и Тобольск, а из будущей сибирской столицы должен был выступить «на Березов остров». См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 338—341, 344—346).

Князь М. Волконский, «товарищ» Траханиотова в пору закладки Березова, присоединился к этому дворянину московскому в Перми, куда добирался из столицы вместе с Горчаковым (Там же. С. 339, 344—345).

³¹ Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Изд. подг. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1994. С. 183 (История Сибири: Первоисточники. Вып. 4).

³² Там же. С. 184.

Заметим, что считать Н.В. Траханиотова основателем и Обдорского (Носового) острога, как поступил ряд исследователей (см., напр.: Головнев А.В., Зайцев Г.С., Прибыльский Ю.П. История Ямала. Тобольск; Яр-Сале, 1994. С. 33; Казаки Тюменского региона от Ермака до наших дней (краткий очерк). Тюмень, 2010. С. 31), не приходится, этот острог был заложен князем П.И. Горчаковым (Шашков А. Березовское восстание 1595 года и основание Обдорского острога // Югра. 1999. № 1. С. 21; Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие служилых остяков ... С. 16, и др.) в 1596 г., когда первого березовского воеводы, вероятно, уже не было в Сибири (последнее упоминание о нем как этом «градодержателе» относится к 17 августа 1594 г., см.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 354; ср.: Разрядная книга 1475—1605. Т. 3. Ч. 3. С. 68, 79).

³³ Григорьев продолжал служить в Березове еще в 1627/28 г. См.: Березово ... С. 85.

³⁴ Сергеев В.И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 22. Ранее В.И. Сергеев утверждал, что в Тюмени рубленый город появился в 1593—1594 гг. (Он же. Первые сибирские города ... С. 120).

³⁵ ПСРЛ. Т. 36. С. 139, 368, 369.

Глава 2

УДК 93/94

К РЕКОНСТРУКЦИИ СОСТАВА СЛУЖИЛЫХ «МИРОВ» БЕРЕЗОВА И СУРГУТА В КОНЦЕ XVI — НАЧАЛЕ XVII в.

Аннотация. В главе на основании разнообразных источников, преимущественно документальных, реконструируется состав гарнизонов Березова и Сургута в первые годы их существования, определяется круг местных служилых людей, сыгравших тогда существенную роль в закреплении Северо-Западной Сибири за Московским государством.

Ключевые слова: Березов; Сургут; их гарнизоны; служилые люди; атаманы; стрельцы; казаки; «литва»; черкасы.

Abstract. In the chapter on the basis of various sources, mainly documentary, the structure of garrisons of Beryozovo and Surgut in the first years of their existence, a circle of the local serving people who have played then an essential role in fixing of Northwest Siberia to the Moscow state has been reconstructed.

Key words: Berezov; Surgut; their garrisons; sluzhily people; atamans; Sagittariuses; Cossacks; «Lithuania»; Cherkasy.

В 1593 г. после шестилетнего перерыва возобновился процесс русского градостроительства в «Сибирской земле». Почти одновременно со строительством крепости при впадении Пельма в Тавду набранные в Москве, Коломне и Рязани служилые люди под началом воеводы Н.В. Траханиотова и письменного головы И. Змеева неподалеку от устья Северной Сосьвы zaloжили Березов. Год спустя в Югре, теперь уже во владениях остяцкого князя Бардака, ставшего отныне вассалом московского самодержца, был возведен еще один город — Сургут.

Эти первые «государевы» крепости на Обском Севере поначалу населяли исключительно служилые люди, основными задачами которых являлись взимание ясака с местных «иноземцев», подавление их возможных мятежей, присоединение к новым русским уездам соседних «улусов».

Состав и функции служилых «миров» Березова и Сургута на рубеже XVI—XVII вв. интересовали, главным образом попутно, многих историков со времен Г.Ф. Миллера. При этом, однако, они обошли вниманием немало документальных данных, свидетельствующих о круге обязанностей казаков, стрельцов, «литвы», черкас, к примеру, об их участии в военных экспедициях и «посылках» за ясаком.

На первых порах гарнизон Березова насчитывал 300 казаков, прибывших с «Руси» за Урал через «Пермию» и Лозьву. Одним из этих казаков являлся Т. Семенов, в 1636 г. сообщивший в Тобольске о времени и обстоятельствах «поставления» Березова. К тому времени в Березове «исстари» жили лишь девять казаков и один пушкарь¹. (Относить Т. Семенова к числу тобольских казаков² не следует). В 1607 и 1608 гг. в городе, основанном Н.В. Траханиотовым, было уже 314 и 323 служилых соответственно³. Ветеранами среди них считаются казаки П. Яковлев и Т. Иванов, литвин К. Григорьев, которые в 1621 г. в Казанском приказе рассказали о времени сооружения Березова и его осаде остяками и «самоядью» несколько лет спустя⁴. Относительно К. Григорьева, который значится в березовской именной книге служилых людей, ружников и оброчников «з денежными оклады» за 1627/28 г., такое мнение едва ли справедливо, ибо этого литвина еще в 1638 г. послали на Лену «ставить» «Якутский город»⁵.

За первые годы существования Березова там числились в атаманах Д. Базаров (в 1594 г. со своими казаками входивший в состав сводного отряда, основавшего Сургут), А. Галкин (он прослужил 30 лет и погиб близ Мангазеи, где, очевидно, «годовал», при объяснении «иноземцев»), И. Пешнев (Пешей) и И. Аргунов, участвовавшие в 1597 г. в походе на Пегую Орду, И. Мокринский, возможно, происходивший из рязанских мелкопоместных дворян, позднее березовский сын боярский, Я. Чермной, в 1600 г. посылавшийся в бассейн Таза для строительства Мангазейского острога⁶. Кстати, в 1592/93 г., в пору русско-шведской войны, атаманы И. Аргунов и Я. Чермной с воеводами князьями П.А. Черкасским и М.М. Путятиным находились «у Спаса на Неве»⁷. Вероятно, оба эти атамана попали в Березов в 1596 г. в составе рати князя П.И. Горчакова, направленной за «Камень», чтобы покончить с восстанием, охватившим низовья Оби. Отряд не-

давнего пелымского воеводы, о чем известно документально, включал донских казаков⁸. Утверждать, что их послали в Березов для подавления мятежа 1607 г.⁹, кстати, нет оснований¹⁰, в рядах березовского гарнизона донцы могли очутиться еще в конце XVI в. Недаром один из 19 таких казаков, названных в именной книге выдачи денежного жалования служилым людям за 1627/28 г., — М. Кашмылов (Камышлов) — в 1606/07 г. объяснял тунгусов, будучи послан из Мангазеи на реку Нижнюю Тунгуску¹¹. Кроме того, в царской грамоте березовскому воеводе князю П.А. Черкасскому и его «товарищу» письменному голове И.И. Зубову от 10 января 1608 г. о пожаловании местных служилых людей «за городовое дело, сверх годового» в пору двухмесячной осады Березова среди челобитчиков, которым было выдано по полтине в Москве, упоминается казак Андрей Никифоров¹² — один из перечисленных в именной книге за 1627/28 г. донцов из гарнизона крепости, расположенной в двух десятках верст от впадения Северной Сосьвы в «великую» Обь. (Заметим, что в 1608 г. М. Кашмылов привез царскую грамоту «на Верхотурье», а через пять лет вновь побывал в Москве. Едва ли стоит утверждать, будто он ездил в столицу добиваться возвращения из Сибири¹³, этого казака могли отправить из Березова в Казанский приказ с ясачной «казной» либо отписками).

Березовский гарнизон, который тогда пополнялся и выходцами из Восточного Поморья (с Выми)¹⁴, включал и ссыльных. Так, в 1599 г. в город, «срубленный» близ устья Северной Сосьвы, на «житье» отправили сорок «опальных людей» — «литву», черкас, немцев и сибирских беглых казаков, а также одного из дворян Быкасовых, накануне служившего в Тобольске¹⁵.

За рассматриваемое время известны входившие в ряды гарнизона Березова (помимо переведенных в Сургут и Томск при их возникновении¹⁶) дети боярские П. Змеев и Г. Норов (которые летом 1594 г. доставили в Москву «животы» кондинского князя Агая, да и его самого с сыном и братом), казаки М. Казанец и А. Тутолмин, которых «громила самоядь» на пути к «Мангазейскому морю» в 1600 г., С. Прохоров, в 1597 г. бравший «городок» в Пегой Орде (тогда в походе против верхненарымского князя Во-ни участвовало 70 березовцев), И. Рябой, в 1607 г. во главе полусотни «кодичей» посылавшийся на «изменников на обдорских

остяков» (многих из них «переимали и на Березов ... привели»), И. Нестульцов, Д. Поменин и С. Коширянин, тогда же направленные в Носовой (Обдорский) городок «для ясаку и десятинной пошлины», И. Москвитин, Б. Телицын и Т. Жестея, с «литвой» (вскоре попытавшейся бежать из Березова) Н. Бреховым и С. Луцким собиравшие ясак с мангазейской «самояди» (очевидно, будучи годовальщиками), В. Юрьев, В. Роев, А. Никифоров, Мещерин, И. Лихачев, И. Смолнянин, М. Иванов, Л. Семенов, М. Федоров, Б. Егупов (они, как и литвины Ф. Волошенин и Н. Орехов, в 1607 г. во время «осадного сидения» в Березове ставили острог по рву, «город крепили» и немало изменников «переимали»), сопровождавший из Москвы в 1601 г. ссыльных В. Деев (принадлежавший к числу бывших донских казаков), посланный из «царствующего града» в Сибирь в 1613 г. И. Бессмертный, А. Гаврилов и Д. Иевлев — мангазейские годовальщики, собравшие ясак с кетских остяков на реках Сым, Кас и Енисей, Т. Анфилофьев, ездивший из Маковского острога в Кетск и Нарым, Т. Москвитянин, Л. Канкаров, П. Иванов, К.Г. Смирнов, Г. Чеглоков, новокрещен С. Пуртиев¹⁷. Кстати, А. Гаврилов, Б. Егупов, П. Иванов и А. Никифоров служили «на Березове» и в 1627/28 г. наряду с Л. Канкаровым и двумя его сыновьями, а также С. Нестульцевым¹⁸.

Заметим, что Ж. Ушаков являлся не березовским казаком¹⁹, а торговым человеком из Пустозерска²⁰. Зато к выходцам из основанного Н.В. Траханиотовым города можно причислить служилого К. Березовского, в 1620 г. находившегося в Кузнецком остроге²¹.

Как сетовали в 1610 г. местные администраторы С.И. Волынский и Ю.Я. Стромиллов, «служивых людей за мангазейской и за годовыми службами и за посылками остается на Березове меньше трети, и те с караулов не бывают»²². Впрочем, таким же являлось положение и в других сибирских городах, причем и накануне Смуты, и в течение нескольких последующих десятилетий. Следует, однако, учитывать, что в то время Березовский уезд по размерам являлся крупнейшим на новой «украине» России.

Попытки систематизации данных о служивых людях «Сургуцкого города» первых лет его существования уже предпринимались²³. К настоящему времени эти данные могут быть во многом дополнены, что позволит конкретизировать сложившиеся в исто-

риографии представления о роли гарнизона этой крепости (пятой по счету из «срубленных» в «Сибирской стране» вслед за ее «взятием» «дружиной» Ермака) в процессе становления Азиатской России.

Известно, что в 1596 г., через два года после основания Сургута, численность служивших там «ратных людей» возросла на 112 казаков, стрельцов и «литвы», до 267 человек, а к самому началу XVII в. их стало на 13 больше, теперь уже включая черкас²⁴. С точки зрения А.Е. Ульяновой, в крепость, сооруженную воеводой князем Ф.П. Барятинским и письменным головой В.В. Аничковым, «в полном составе» перевели годовальщиков из Обского (Мансуровского) городка. В.Д. Пузанов же писал о том, что этим годовальщикам «по наказу князя Федора Лобанова-Ростовского (тобольского воеводы. — Я.С.) следовало отправиться в Тобольск»²⁵. Вернее, согласно наказу, который в действительности исходил от царя Федора Ивановича и был вручен В.В. Аничкову в Москве, в будущую сибирскую столицу следовало отправиться только Г. Лутохину (вероятно, казачьему голове) с детьми боярскими, «годовавшим» же в остроге на Оби «против иртишского устья» казакам и «литве» надлежало пополнить отряд, вскоре заложивший стены и башни Сургута. (В.Д. Пузанов, кстати, сам отмечал, что годовальщиков из городка, «поставленного» еще в 1585 г. Мансуровым, перевели в крепость, основанную Барятинским и Аничковым, им предписывалось захватить с собой этих служилых, только не памятью²⁶, а наказом).

Вскоре после закладки Сургута, очевидно, осенью 1594 г., «годовую» службу там стала нести «присланная» из Пелыма станица «прибору» атамана Темира Иванова, включавшая донских, терских, «сольских» («польских», т.е. выходцев с Поля, или же волжских) казаков. Наказ новым сургутским администраторам воеводе О.Т. Плещееву и письменному голове И.И. Колемину от 10 февраля 1595 г. дал В.Д. Пузанову основание думать, что к сентябрю того же года эта станица вернулась в Пелым²⁷. Судя, однако, по отписке его воеводы И.М. Вельямина в Москву (1623 г.), Т. Иванов и его казаки из годовальщиков превратились в постоянный контингент сургутского гарнизона²⁸. Наказ же основателям Сургута не позволяет утверждать²⁹, будто пелымские казаки наряду с березовскими и тобольскими строили этот город.

Напомним, что в мангазейской экспедиции 1601 г., если следовать «инструкции» ее предводителям письменным головам князю В.М. Рубцу Мосальскому и С.Т. Пушкину, должны были участвовать 30 служилых из города, «поставленного» в «улусе» князя Бардака³⁰. Сургутяне (сколько именно, неизвестно), о чем, кстати, подчас не говорится³¹, находились и в составе отряда князя М.М. Шаховского и Д.П. Хрипунова³², совершившего поход в среднее течение Таза годом прежде³³. Возможно, в этом походе принимало участие тоже несколько десятков сургутских служилых. (В 1601 г. к «Мангазейскому морю» отправились 70 «литвы» и казаков из Березова. Участниками предыдущей такой экспедиции были, согласно их челобитной, 50 березовских казаков во главе с атаманом Я. Черным, посылали ли вместе с ними к Обской губе «литву», остается неизвестным. Любопытно, что в 1608 г. в качестве челобитчиков выступали и казаки, и «литва», служившие «на Березове»³⁴).

В 1595 г. в Сургут «с атаманом с Митию Гизиным» была прислана царская грамота, в которой излагался замысел предстоящего похода на Пегую Орду (князя Верхнего Нарыма Воюю)³⁵. По-видимому, Д. Гизин в то время являлся сослуживцем Т. Иванова. (В канун и с самого начала XVII в. в должностях сургутских атаманов упоминаются Т. Федоров и Б. Зубакин³⁶).

В первые годы после сооружения Нарымского и Кетского острогов их гарнизоны целиком состояли из годовальщиков, «присылавшихся» из Сургута. В остроге на Кети, в частности, несли службу в 1605 и 1608 гг. Г. Бутров, Т. Вершинин и М. Павлов, возившие отписки в Томск, С. Иванов и М. Мокеев, которые в 1609/10 г. ездили за ясаком на Кас, Сым и Енисей, Д. Елизаров, Г. Морж, В. Пшеничников и Я. Шпаковский (очевидно, поляк), в 1612—1613 гг. бывшие ясатчиками в «улусе» князца Намака, что в верховьях Кети, Л. Донской и А. Родюков, одновременно отправленные на волок до реки Тым, У. Антонов, в 1611 г. доставивший в Кетск грамоту из Москвы, Д. Городчиков (ему в 1617 г. вместе с тобольским казаком С. Неустроевым и промышленным человеком Ф. Тимофеевым поручили «тунгусские дороги проводить» из «стольного града» Сибири, а два года спустя послали из Маковского острога к тунгусам за ясаком), А. Григорьев, А. и П. Ивановы, В. Прокофьев, С. Тумач (Тумачев)³⁷. Новокрещен А.

Санбычеев (Сулбучеев) в 1618 г. служил в Нарыме, а год спустя с отпиской был направлен из Маковского острога в Тобольск. В 1610 г. по царскому указу князца Пегой Орды Тайбохту Вонина зачислили на службу в Нарымском остроге. В число «жильцов» этого острога тогда же входил П. Каргополец. Сохранились упоминания и о Д. Попове, Ю. Буйдыше (он в 1616 г. привез отписку из Сургута в Нарым), литвине Я. Сергунове (Сергуне), в 1619 г. посланном с отпиской из Маковского острога в Тобольск³⁸. (Этот острог, который, кстати, А.А. Бродников вслед за Н.А. Миненко путает с Тунгусским (Енисейским), «ставили» и сургутские служилые во главе с М. Перфирьевым, находясь в составе отряда пелымского сына боярского П. Албычева и тобольского стрелецкого сотника Ч. Рукина³⁹). В 1616 г. сургутяне И. Кайдалов, В. Хохол и И. Зубатый были перебиты «бардачниками» князя Кинемы. Двумя годами ранее сургутских стрельцов А. Лызлова, Ф. Аменова и Д. Данилова пожаловали за приезд «к Москве»⁴⁰. Литвин Я. Плешевский, сосланный в Сургут в 1619 г. и служивший в этом «понизовом» сибирском городе 7 лет спустя⁴¹, в 1623 г. во главе полусотни казаков достиг верховий Ангары и сумел получить ясак с тунгусских и «аплинских князцов»⁴². Заметим, что И.Р. Соколовский называет Плешевского енисейским литвином. Но подобно многим сургутянам⁴³ (в число которых, однако, нет оснований, как поступила А.Е. Ульянова, включать известного атамана Т. Федорова⁴⁴), этот ссыльный, по всей видимости, «годовал» в Енисейском остроге. У. Петров же, вероятно, был десятником в остроге на Кети не вскоре после его сооружения, как думалось Г.Ф. Миллеру, а вслед за появлением (1618 г.) Маковского острога, когда русским изменил князец Намак⁴⁵.

Приведенные сведения, таким образом, дают возможность более определенно, чем удавалось историкам ранее, судить о значении Березова и Сургута как военно-административных центров «русской» Сибири до начала второй четверти XVII в., круге обязанностей местных служилых людей и их участия в присоединении к Московскому государству новых земель в необъятной «восточной стране».

Примечания

¹ Первое столетие сибирских городов: XVII век // История Сибири: Первоисточники. Новосибирск, 1996. Вып. 7. С. 74.

² Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3 (21). С. 118; Скульмовский Д.О. К истории формирования сибирских гарнизонов (конец XVI — начало XVII в.) // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки (далее — ЗС). Тюмень, 2007. Вып. 9. С. 40; Пузанов В.Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII в.). Сургут, 2011. С. 114, и др.

³ См.: Сергеев В.И. Первые сибирские города ... С. 118; Пузанов В.Д. Военная политика ... С. 114, и др.

⁴ Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 15; Березово (Очерки истории с древности до наших дней). Екатеринбург, 2008. С. 68.

⁵ См.: Первое столетие ... С. 87; Березово ... С. 85.

⁶ См.: Русская историческая библиотека (далее — РИБ). СПб., 1875. Т. 2. Стлб. 159; Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 1999. Т. 1. С. 386, 400—401; Александров В.А. Русское население Сибири XVII—XVIII вв. (Енисейский край). М., 1964. С. 80. Примеч. 5; Очерки истории Югры (далее — ОИЮ). Екатеринбург, 2000. С. 198—199, 202; Манькова И.Л. Тобольские служилые люди Мокринские // Проблемы истории русской книжности, культуры, общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 323—324; Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие ... С. 15, 18; Солодкин Я.Г. Служилые люди Березова на рубеже XVI—XVII вв.: численность, состав, функции // Меншиковские чтения 2005: Мат-лы чтений. СПб., 2005. С. 6—8, и др.

⁷ Воскобойникова Н.П. Описание древнейших документов архивов московских приказов конца XVI — нач. XVII в. М., 1994. С. 158.

⁸ Солодкин Я.Г. Воеводы и письменные головы Пельыма первых лет его существования // ЗС. Тюмень, 2003. Вып. 5. С. 5; Пузанов В.Д. Служилый город Березов в XVII в. // Актуальные вопросы истории Западной Сибири. Сургут, 2011. С. 82; Он же. Военная политика ... С. 113, и др.

⁹ Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 27; Березово ... С. 81.

¹⁰ Сведения об этом отсутствуют. См.: Солодкин Я.Г. К оценке волнений «иноземцев» Березовского уезда в 1607 году: «шатость» или мятеж? // Меншиковские чтения 2011: Мат-лы чтений (Березово, 12—13 ноября 2011 г.). СПб., 2012. Вып. 8. С. 114—117.

Считая, что летописное известие о березовском восстании 1607 г. подтверждается документально (Пузанов В.Д. Военная политика ... С. 113; Он же. Служилые люди Березовского уезда в XVII в. // Северный регион: наука, образование, культура (далее — СР). 2012. № 1—2 (25—26). С. 182, и др.), сургутский, а ныне шадринский историк не избежал преувеличения.

¹¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 2000. Т. 2. С. 29. Ср.: С. 650.

¹² Там же. С. 240.

¹³ Там же. Т. 1. С. 416 — 417; Березово ... С. 81.

¹⁴ См.: Бахрушин С.В. Науч. тр. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 81; Скульмовский Д.О. К истории формирования ... С. 40—41.

¹⁵ Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в. (далее — ВГ). М., 1982. Вып. 1. С. 31—32; Симачкова Н. Становление воеводской системы управления в Сибири (конец XVI — начало XVII вв.). Тюмень, 2006. С. 39.

¹⁶ См., напр.: Березово ... С. 82—83.

¹⁷ См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической Экспедицией имп. Академии наук. СПб., 1836. Т. 2. С. 375—376; РИБ. Т. 2. Стлб. 159, 213—215; Андреев А.И. Описание актов, хранящихся в Археологической комиссии Академии Наук СССР // Летопись занятий Археологической комиссии за 1927—1928 годы. Л., 1929. Вып. 35. С. 267; Бахрушин С.В. Науч. тр. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 123; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 354, 386, 387, 400; Т. 2. С. 234, 235, 240, 248, 253, 254, 260, 290—292; Клитина Е.Н. Сибиряки по вкладным книгам Троице-Сергиева монастыря // Вопросы истории книжной культуры. Вып. 19. Новосибирск, 1975. С. 59; ВГ. Вып. 1. С. 108; Эскин Ю.М. Документы о Мангазее в Смутное время // Материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 51; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. М., 2002. Т. 3. С. 226; Солодкин Я.Г. О некоторых спорных вопросах раннего русского градостроительства в Сибири // Региональный компонент в системе общего и профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа: Мат-лы окруж. науч.-практ. конф. (Нижневартовск, 28—29 марта 2003 г.). Нижневартовск, 2003. С. 6—9; Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие ... С. 24, 27—27; Березово ... С. 81, 85, и др.

Березовский казак В. Юрьев, кстати, несколько лет (до 1621/22 г.) являлся приказчиком у туринских пашенных крестьян. См.: Покровский Н.Н. Сибирское общество XVII — начала XVIII в. по челобитным // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI—XX вв. Новосибирск, 2006. С. 189.

¹⁸ См.: Березово ... С. 85—88.

¹⁹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 768.

²⁰ Там же. С. 234—235.

²¹ См.: Там же. Т. 1. С. 445; Скульмовский Д.О. Разборная книга 1680/81 г. как источник по ранней истории томского казачества // Науч. тр. аспирантов и соискателей Нижневарт. гос. гуманит. ун-та (далее — НТАС). Нижневартовск, 2008. Вып. 5. С. 62.

²² Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 255. Ср.: С. 230.

²³ Солодкин Я.Г. Служилые люди Сургута в первые годы его существования // Очерки истории Сургута. Сургут, 2002. С. 25—35; Он же. Первые строители Сургута (к 415-летию города) // СР. 2009. № 1 (19). С. 7—11; Историографические и историографические аспекты сибирской истории: Кол. моногр. (далее — ИИАСИ). Нижневартовск, 2008. Ч. 3. С. 16—20; Скульмовский Д.О. Томская

разборная книга 1680—1681 гг. как источник по ранней истории сургутского казачества // Актуальные направления исследований молодых ученых: Мат-лы регион. науч.-практ. конф. аспирантов и соискателей. Нижневартовск, 2008. С. 92—98; Он же. Разборная книга 1680/81 г. ... С. 58—63. См. также: Раев Д.В. Именной и биографический словарь служилых людей XVII в. // Таможенные книги сибирских городов XVII в. Новосибирск, 2004. Вып. 6: Томск, Нарым, Березов. С. 85, 86; Скульмовский Д.О. Гарнизон Томска в первые годы своего существования // Малоизученные и дискуссионные проблемы отечественной истории. Нижневартовск, 2007. Вып. 2. С. 15, 16.

²⁴ Никитин Н.И. Служилые люди ... С. 28; Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 98, и др.

²⁵ Ульянова А.Е. Сургутское казачество в конце XVI—XVII вв.: численность, состав, материальное обеспечение // Актуальные проблемы истории Западной Сибири. Сургут, 2006. С. 10; Пузанов В.Д. Военная политика ... С. 98, и др.

²⁶ Пузанов В.Д. Военная служба годовальщиков в Сибири в XVII веке // СР. 2005. № 1 (11). С. 97; Он же. Годовальщики Сургута и Березова // Югра. 2005. № 12. С. 54; Он же. Военная политика ... С. 94, 193, и др.

²⁷ Пузанов В.Д. Военная политика ... С. 99. Ср.: С. 88. Кстати, имя атамана, переведенного из Пельма в Сургут, как оказалось, на постоянную службу вместо «годовой», — не Темир, как обычно утверждается, а Темир. Ср.: Зимин А.А. Опричина Ивана Грозного. М., 1964. С. 473; Он же. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 156, 159; Кром М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30—40-х годов XVI века. М., 2010. С. 509, 836, и др.

²⁸ См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 356.

²⁹ См., напр.: Древний город на Оби ... С. 99—100, 122; ОИЮ. С. 127, 199; Ульянова А.Е. Сургутское казачество ... С. 10; Скульмовский Д.О. «Годовая служба» в сибирских городах и острогах на рубеже XVI—XVII вв. // НТАС. Нижневартовск, 2007. Вып. 4. С. 65; ИИАСИ. Ч. 3. С. 16.

³⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 387, 388. «Сургутские» служилые должны были присоединиться к отряду В. Рубца Мосальского и С. Пушкина в Тобольске.

В изобилующей домыслами книге М.И. Белова сказано об участии в этой мангазейской экспедиции сотни сургутян. См.: Белов М.И. Мангазея. Л., 1969. С. 37.

³¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 303; История казачества Азиатской России: В 3 т. Екатеринбург, 1995. Т. 1. С. 26; Внукова О.В. Формирование первых сибирских гарнизонов в конце XVI — начале XVII веков // Россия и страны Запада: Проблемы истории и филологии. Ч. 1. Нижневартовск, 2002. С. 78; Ульянова А.Е. Функции сургутских казаков в конце XVI—XVII вв. // Проблемы истории Сибири XVI—XX вв. Нижневартовск, 2005. Вып. 1. С. 49; Скульмовский Д.О. К истории формирования ... С. 47; Пузанов В.Д. Военная политика ... С. 116, и др.

Как читаем в Головинской редакции Сибирского летописного свода, отряд князя М.М. Шаховского и Д.П. Хрипунова насчитывал 100 «литвы и казаков, и стрелцов», сына боярского и атамана из Тобольска и Березова (Полное собрание

русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1987. Т. 36. С. 191. Ср.: С. 259, 316, 369). На взгляд Г.Ф. Миллера, эти письменные головы построили Мангазею с сотней тобольских казаков и березовцами, которых, согласно известной ученому царской грамоте, было 50. Вместе с тем Г.Ф. Миллер писал (следуя наказу князю В.М. Рубцу Мосальскому и С.Т. Пушкину), что предводители экспедиции 1601 г. в бассейн Таза располагали вдвое большими силами, чем заложившие Мангазейский острог, упомянув, однако, опять-таки про 100 тоболяков, а также 70 березовцев и 30 сургутян (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 303, 304. Ср.: С. 387, 389), т.е. 200 служилых. Получается, что Шаховской и Хрипунов возглавляли отряд численностью вовсе не в два раза меньший, чем совершивший повторную экспедицию «в Енисею». Если же верить памяти Казанского приказа новым «разрядным» воеводам Ф.И. Шереметеву и Е.М. Пушкину о подготовке нового мангазейского похода, у Шаховского и Хрипунова имелась сотня тоболяков и березовцев (Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии: Сб. док. / Сост. Н.С. Орловой. М., 1951. С. 52). В обнаруженном «отцом сибирской истории» в туруханском архиве наказе князю В.М. Рубцу Мосальскому и С.Т. Пушкину, посланным следом на реку Таз, сказано, что в подчинении этих письменных голов, как и у тех «начальных людей», которые, возможно, успели «срубить» Мангазею, должно было находиться по 60 и 40 служилых соответственно. Недаром, о чем известили березовские администраторы власти Тобольска, в бою, состоявшемся «во днище» от Пура, Шаховской (тогда раненый) и Хрипунов потеряли 30 казаков, а 60 спаслись, «падчи на оленей душой да телом». Еще 10 «ратных людей», быть может, к тому времени отстали от сослуживцев, если не погибли. Думается, предводители экспедиции 1600 г. к Обской губе имели в своем распоряжении максимум 50 тоболяков; год спустя их было вдвое больше, березовских же «литвы» и казаков, повторим, — уже 70, «сургуцких» — 30. Учтем также, что в 1601 г. из Сургута послали 50 служилых «ставить» острог на Енисей. См.: Александров В.А. Русское население ... С. 34; Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие ... С. 20, 21.

³² Вопреки мнению Г.Ф. Миллера и И.В. Щеглова, в отличие от князя М.М. Шаховского, входившего в число «товарищей» первого тобольского разрядного воеводы окольничего С.Ф. Сабурова (см.: ПСРЛ. Т. 36. С. 140, 190, 259, 316, 369; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 322; Разрядные книги 1598—1638 гг. М., 1974. С. 87, 99, 118; Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1976. Т. 2. Вып. 1. С. 166—167; Разрядная книга 1475—1605. М., 1994. Т. 4. Ч. 1. С. 64—65, и др.), Д.П. Хрипунов-Дубенский (являвшийся в начале XVII в. выборным дворянином по Зубцову, кстати, как накануне и Шаховской), скорее всего, был не письменным, а казачьим или стрелецким головой (Солодкин Я.Г. Стрелецкие и казачьи головы в гарнизонах сибирских городов на рубеже XVI—XVII веков // Военно-юридический журнал. 2014. № 10. С. 31). К тому же в одном документе 1598/99 г. Д. Хрипунов значится сыном боярским, ехавшим через Верхотурье в Тобольск (ВГ. Вып. 1. С. 43—45). Напомним, кстати, что в 1604 г. тобольский сын боярский В.Ф. Тырков вместе с письменным головой Г.И. Писемским, управлявшим прежде Сургутом, заложили «Томский город». Письменным головой среди двух предводителей первой военной экспедиции «в Мангазею и Енисею» называли одного Шаховского и сибирские летописцы (ПСРЛ.

Т. 36. С. 140, 191, 259, 316, 369). Считать этих голов воеводами (см., напр.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 500. Ср.: Т. 2. С. 238; Александров В.А. Русское население ... С. 16, 17; Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея: Мангазейский морской ход. Л., 1980. Ч. 1. С. 36, 118; Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 244; Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века: Начало освоения Сибири русскими людьми. М., 1987. С. 24) не приходится, как и думать подобно Е.В. Вершинину, будто Шаховской имел чин воеводы, а Хрипунов — письменного головы. (М.И. Белов и А.А. Бродников же представили этих дворян и воеводами, и письменными головами).

³³ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 389. Заметим, что порой в наказе 1601 г. говорится лишь о бывших в распоряжении князя В.М. Рубца Мосальского и С.Т. Пушкина тобольских и березовских казаках, тогда как ранее упоминаются и сургутские (Там же. С. 387—389, 396).

³⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 240. На взгляд В.А. Александрова, весть о поражении отряда Шаховского и Хрипунова «каким-то путем вскоре дошла до Тобольска» (Александров В.А. Русское население Сибири ... С. 17). Видимо, она поступила туда из Березова, отписка воеводы которого, по наблюдению А.И. Андреева, использована в наказе сибирского «наместника» Ф.И. Шереметева письменным головам, посланным «в Мангазею и в Енисею». Согласно же царской грамоте от 9 апреля 1601 г., 50 березовцев во главе с атаманом Я. Черным и казаком М. Казанцем, отправленные туда в 1600 г., получили оклады на 1600/01 г.; новым воеводам Березова было приказано выдать этим казакам жалованье на тот же год сполна «для ... дальние службы и для их бедности» (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 386, 387, 500). Вероятно, челобитная Черного «с товарищи» из Мангазеи (не исключено, через Пустозерск) попала в Москву, где, следовательно, о судьбе экспедиции Шаховского и Хрипунова знали уже в начале весны 1601 г.

³⁵ Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие ... С. 19.

³⁶ См.: Там же. С. 19, 21, и др. Заметим, что Т. Федоров, насколько известно, принимал участие в сооружении не Томска (Внукова О.В. Складывание основных категорий служилого населения Западной Сибири на раннем этапе ее русской колонизации (конец XVI — начало XVII вв.) // Мат-лы регион. науч. конф., посвященной памяти профессора Ю.П. Прибыльского (Тобольск, 19 апреля 2013 г.). Тобольск, 2013. С. 47), а зимовья на Томи (Древний город на Оби ... С. 122; Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие ... С. 21), если даже не ограничился там сбором ясака.

³⁷ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 405—407; Т. 2. С. 244, 253, 254, 260, 264—266, 269, 270, 280—282, 285, 291—292, 297.

³⁸ Там же. Т. 1. С. 423, 432, 492; Т. 2. С. 273, 279, 290.

³⁹ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 85; Бродников А.А. Сибирский служилый человек Максим Перфирьев (опыт биографического исследования) // Книга и литература в культурном контексте: Сб. науч. ст., посвященный 35-летию начала археографической работы в Сибири: 1965—2000. Новосибирск, 2003. С. 216; ОИЮ. С. 199, и др.

⁴⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 273. Ср.: С. 664; Газенвинкель К. Расходная книга товарам и вещам Казенного приказа за 122 г. (1613—1614 гг.) (К вопросу о государственном жаловании послужникам сибирским). Б. м., 1893. С. 4.

⁴¹ См.: Ульянова А.Е. Сургутское казачество ... С. 11, и др.

⁴² Александров В.А. Русское население Сибири ... С. 37; Соколовский И.Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск) / Отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск, 2004. С. 93, 118.

⁴³ См.: Александров В.А. Русское население Сибири ... С. 37; Древний город на Оби ... С. 121.

⁴⁴ Ульянова А.Е. «Годовая служба» сургутских казаков в XVII веке // Северная цивилизация: становление, проблемы, перспективы: Мат-лы I Конгресса (Сургут, 10—11 июня 2004 г.). Сургут, 2004. С. 284; Она же. Функции ... С. 52.

⁴⁵ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 296, 449.

Глава 3

УДК 93/94

СТРОИТЕЛЬСТВО НИЖНЕ-ВАРТОВСКОЙ ЦЕРКВИ ВО ИМЯ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В 1913—1917 гг.

Аннотация. В разделе раскрываются подробности организации строительных работ по возведению Нижне-Вартовской Сергиевской церкви в начале XX в. Рассматриваются проблемы взаимодействия приходского духовенства и прихожан при выборе места возведения церкви, вопросы финансирования строительства, состав причта. Отмечается, что изучение данной темы дает возможность охарактеризовать многие аспекты повседневной жизни и быта нижевартовцев в ранний период существования населенного пункта.

Ключевые слова: Русская Православная церковь; духовенство; приход; причт; строительство; население.

CONSTRUCTION NIZHNEVARTOVSK CHURCH OF ST. SERGIUS OF RADONEZH IN THE 1913—1917

Abstract. In the disclosed details of the organization enforcement works on the construction of the Lower Vartovskoy Sergius church in the early twentieth century. The problems of interaction between the parish clergy and parishioners when choosing a place of erection of the church, construction financing matters, the composition of the clergy. It is noted that the study of the subject makes it possible to characterize many aspects of everyday life and everyday life nizhnevartovev in the early period of the existence of the village.

Key words: Russian Orthodox Church; clergy; parish clergy; population; coming; building.

Огромную роль в истории Нижневартовска сыграло строительство православной церкви. Создание Нижневартовского (Нижне-Вартовского в тогдашнем правописании) прихода можно с определенной долей условности признать удобной точкой от-

счета для изучения истории территории, на которой располагается современный город.

В дореволюционный период для населения храм являлся не только местом совершения религиозных обрядов, но и своеобразным духовным центром, притягивавшим православных людей разных званий и сословий. Вокруг церкви формировалась община, члены которой в большей или меньшей степени осознавали свое единство. Наличие церкви было также показателем высокого статуса поселения, повышало его привлекательность для мигрантов. Развитие пароходного сообщения во второй половине XIX в., рост численности населения, хозяйственное освоение обусловили необходимость совершенствования административно-территориального устройства края, изменения в системе управления, создания новых хозяйственных и социокультурных объектов. Одним из аспектов этой политики являлось, в том числе, строительство новых православных храмов и организация приходов, предназначенных для удовлетворения духовных потребностей местного населения, а также выполнения функций демографического учета. Примечательно, что в советский период почти вся территория прихода была включена в Нижневартовский сельсовет.

Первоначально Вартовская Сергиевская церковь была возведена на левом берегу Оби на территории русского поселения, возникшего в конце XIX в. поблизости от хантыйских Вартовских юрт. Ее строительство велось с 1904 по 1908 гг. на деньги, пожертвованные священником Петром Соколовым.

В ночь на 31 января 1911 г. по неизвестной причине в храме произошел пожар, уничтоживший его дотла вместе с антиминсом, иконами и церковной утварью. Удалось спасти только документы. Интерес представляет обнаруженное в томском архиве письмо, описывающее пожар в ночь на 31 января 1911 г., в результате которого церковь сгорела:

«Глубокоуважаемый Петр Николаевич! Очень тяжело, что даже рука не повинуется писать вам эти черные строки... Опишу Вам какое сокровище Бог взял у нас... В 24 часа пополудни услышан был с нашей матушки церкви тревожный звон, созывающий прихожан тушить пожар. И что же... видим глядим объят наш местный храм пламенем, как внутри, так и снаружи. Бросились все к месту пожара спасти что-либо из церковной утвари, и

что же уже поздно, кто-то сказал, что нет трапезника, он ушел на колокольню и там остался. Несколько человек бросилось к двери, ведущей в колокольню, и там увидели трапезника, лежащего без чувства. Одежда, волосы на нем сгорели, сам он весь обгорел до неузнаваемости. Пожар сильно усилился, первым делом все бросились спасать из алтаря. Когда разбили стекла и рамы, то уже и там сразу показалось пламя и все с поникшей головой отступили от храма, дабы не задавило кого во время падения колокольни и самого корпуса. Пожарных приспособлений у нас никаких нет, и пошел народ на пожар только с одними лопатами»¹.

Сгоревшая церковь была застрахована в Страховом обществе при Св. Синоде. Выплаченная сумма составила 7 972 руб. 20 коп. Деньги по решению епархиального совета сдаются в Тобольское отделение госбанка (из них 3 тыс. руб. вложены по книжке сберегательной кассы, а остальные 4972 руб. 20 коп. — по бессрочному вкладу до востребования). Сберегательные книжки отсылаются причту². Впоследствии службы и требы причт вынужден был временно исполнять в частном доме на переносном престоле, полученном в пользование из Ларьякской Знаменской церкви.

10 июля 1911 г. на церковно-приходском сходе в с. Нижне-Вартовском местные жители вынесли решение о создании строительного комитета для восстановления храма на полученные по страховому случаю деньги. В состав комитета вошли 8 человек: А.И. Кайдалов (председатель), М.М. Тырыков (его помощник), А.Я. Кушников (казначей), П.Д. Копылов (делопроизводитель), А. Павлов, Т.А. Слинкин, В.О. Сыкалев, И.А. Сыкалев (члены комитета)³.

Вскоре между местными жителями с одной стороны, причтом и благочинным — с другой разгорелся острый конфликт по поводу того, где именно следует восстанавливать сгоревшую церковь. Большинство сельчан хотело построить храм на прежнем месте. Соответствующее решение выносится на церковно-приходском сходе и направляется епархиальному архиерею 27 октября 1911 г. Под документом подписались русские жители села и еще 29 «инородцев»⁴.

Категорически против выступили священник А.В. Собрин, псаломщик А.Г. Вергунов и особенно благочинный И.А. Селихов. Именно через последнего в Тобольск пересылались из прихода

все документы, которые он считал необходимым сопровождать собственными комментариями и рапортами. «Покорнейшее прошение» прихожан на имя епископа Тобольского и Сибирского Евсевия (Гроздова) от 27 октября 1911 г. он снабдил следующей припиской:

«По моему мнению и др. беспристрастных лиц, Вартовский храм не следует строить там, где он был до пожара, т.к. это место низкое — нередко затопляется водою, и тот 1-й храм стоял на рязе в чем нет никакой необходимости, ибо у них есть отличное — высокое место на пристани (противоположный берег р. Оби), которое и раньше рекомендовалось многими, но два местных купца [вероятно, имеются в виду В.И. Панкин и А.Я. Кушников — *В.Ц., О.Ц.*] «перетянули» — из-за близости к своим грандиозным постройкам...»⁵.

11 января 1912 г. состоялся новый сход, на котором прихожане подтвердили свое прежнее постановление⁶. Тут же последовал рапорт, составленный членами причта:

«Приговор прихожан села Вартовского Сергиевской церкви при сем Вашему Высокоблагословию имеем честь представить. Представляя таковой долг имеем донести Вашему Высокоблагословию следующее: 1) Во время составления приговора некоторые из прихожан (старожилы) заявили, что несколько раз всю эту местность затопляло водой, например в 1890-м году, доходила вода до тех пор, что невозможно было проживать в домах и жили на вышках... Приговором считается целесообразным построить храм в виду того, что народонаселение в селе, но все это народонаселение состоит из 9 дворов, из коих четыре торговых, а остальные бедняки, коренных жителей в селе нет, по инициативе торговых строился как первый, так и предполагаемый храм на прежнем месте, нежелающих перевести свои дома на пристань, к тому же и сельское училище еще не построено, а находится в частной квартире. Общественные дома не достроены и прихожане затрудняются в переносе их на пристань. Со своей стороны находим то, что во всем Сургутском уезде нет ни одного храма построенного на водотопном лугу, а все находятся на твердом гористом месте, поэтому желательно бы было построить храм на пристани, как месте давно уже обитаемое несколькими домохозяевами...»⁷.

Однако прихожане продолжали стоять на своем. Их не могли переубедить никакие аргументы. Упрямство жителей села было понятно. Село и пристань располагались на противоположных берегах Оби на расстоянии около 4 верст друг от друга. Попасть на пристань в период распутицы было затруднительно. По численности населения село в то время превосходило пристань. Львиную долю расходов на перенос причтовых домов, приобретение церковной утвари и т.п. пришлось бы нести жителям села. Поэтому они считали вправе самим определять то место, где должна возводиться церковь. Очередные приговоры, «покорнейшие прошения» от нижевартовцев посылались в Тобольск еще, по меньшей мере, четырежды: 24 июня 1912 г., 15 ноября 1912 г., 24 февраля 1913 г., 1 апреля 1914 г.⁸

Дискуссия и переписка продолжались около двух лет. Аргументы сторон можно объединить в несколько групп. Сторонники строительства церкви на пристани высказывали следующие соображения:

1. Решения, принимаемые церковно-приходскими собраниями, не отражают мнения большинства жителей. Они связаны с давлением и «капризами» двух-трех «местных заправил, преследующих свои исключительно собственные интересы». Корыстная цель торговцев состоит в том, что «если будет построен храм в с. Вартовском, то каждый остяк, хотя бы раз приезжавший в год в церковь, не минует этих двух-трех торговцев села. Если же будет построен храм на пристани... то местным “торговцам” (2-3) придется разорять свои святые гнезда — дома и постройки. В противном случае, в образовавшемся новом селе то выгодное положение займут другие»⁹.

2. На территории Сургутского уезда все церкви построены на возвышенностях. Сгоревший храм находился в низине, регулярно затопляемой водою и «как говорят опытные люди, простоявши выстроенным 2—3 года, имел уже нижние бревна сильно погнившими»¹⁰.

3. Село Нижне-Вартовское стоит в очень неудобном и болотистом месте «так, что для будущего расселения жителей оно является... весьма непригодным»¹¹.

4. Нижне-Вартовская пристань занимает возвышенность «с прочным материком». Место «красиво и удобно для сообщения с пароходами. Там находится 6 домов жителей»¹².

5. Для сбора пожертвований пристань более удобна: «Командиры и др. служащие Обских пароходов высказывались о неуместности старого (сгоревшего) храма, удивляясь, почему не на пристани; а причт и рассчитывает главным образом, на пожертвования пароходских пассажиров»¹³.

6. Страховой премией распоряжается консистория, а не прихожане. Поэтому органы епархиального управления вправе самостоятельно выбирать место под строительство.

Контраргументы их противников выглядят следующим образом:

1. Рассказы о том, что место, где находилась сгоревшая церковь, сильно затапливается, преувеличены: «...В самую громадную воду в 1890 году, когда еще не было храма, то и тогда если на этот бугор — возвышенность и заливалась вода менее чем на $\frac{1}{4}$ аршина [18 см], то и то заливалась по логотине с реки, а в настоящее время этот лог жителями затрамбован так, что никакою прибытию воды его затопить не может, то место, на котором стоял храм и совсем не затапливало, а затапливало место вблизи его и тому назад 22 года уже»¹⁴.

2. Нижне-Вартовская пристань неудобна для заселения и хозяйственного освоения: «...Народонаселение наше, да и весь сургутский край, существует только рыболовством и скотоводством, все рыболовные места находятся на нашей стороне реки, на пристани или около нет совсем таковых а при наших почти постоянных ветрах нет возможности попасть через реку и жители пристани не то что заработать рыбалкою, а даже для пищи себе покупают у нас, или наших инородцев. Разведение же скотоводства на пристани и совсем немислимо: если говорят, что наше место жительства водою топит, то на пристани если и не топит, то только самый материк, вернее сказать небольшие гривки, окруженные с трех сторон болотами, а луга же сенокосные до того низкие, что их самую малою водою затопляет, так что скотине буквально пастись негде, в материке же кроме моху и тундры нет ничего, а на нашей стороне можно косить сена миллионы пудов. Эти пристанские три семьи хотя и занимаются скотоводством, но в самом малом виде в особенности рогатый скот, который должен кормиться

готовым сеном включительно до 15 июня, даже иногда и весь июнь, коней же по последнему зимнему пути переводят на нашу сторону и не видят их уже до тех пор, пока на следующую осень вполне не закончится рекостав, все конечно это сопряжено с лишними расходами и убытками»¹⁵.

3. Прежнее место было одобрено епископом Тобольским и Сибирским Антонием и не вызывало ни с чьей стороны никаких возражений.

4. Основная масса населения проживает на территории села, поэтому «построенный храм на пристани будет одинок и сиротлив, кто же будет о нем заботиться о украшении и боголепии его?»¹⁶.

5. На причаливающих к пристани пароходах «всегда имеется водка и разные вина», что дурно сказывается на местных жителях: «в каждый приход всегда можно видеть избитого в кровь инородца, валяющегося в грязи, или любующегося на них в самый момент ихней драки драколиями и буйства»¹⁷.

6. Остяки, голосующие за возведение храма на новом месте, введены в заблуждение причтом. Якобы 20% жителей селений по нижнему течению Ваха не были не то что в храме, но даже на р. Обь и поэтому не могут объективно судить, где лучше начать строительство.

Необходимо отметить, что строительный комитет и церковный староста (избранное из числа наиболее авторитетных прихожан светское лицо, помогавшее настоятелю, в первую очередь, в имущественных и хозяйственных вопросах) принадлежали к лагерю противников возведения храма на пристани. Они едва ли не открыто саботировали все действия по подготовке строительных работ. Отражение настроений жителей села можно найти в письме нового Нижне-Вартовского священника А.В. Калюжного, сменившего в 1912 г. А.И. Собрина, благочинному:

«Глубокоуважаемый о. Иоанн! Мой и матушки — вам и семейству Вашему [слово неразб.] и почтение. о. Иоанн!... Хотя против моего желанья, пришлось отправить Владыке пакет с копией журнала строит.[ельного] комитета о движении вопроса о постройке нового храма на преж.[нем] месте. Греха с этим вопросом: Вартовцы ни за что не хотят согласиться постр.[оить] храм на пристани и всякий раз, если приходится заговорить об этом,

винят всех и все, кто начал первый это. В особенности достается о. Афиногену [Собрину]. Не слышно ли чего у Вас по поводу постройки храма? Как закончится это дело в Консistorии, интересно Вы знаете? Одно лишь удивляет о. Иоанн, почему бы Консistorии не закончить самой вопрос? Что надо сделать о. Иоанн и куда написать? Мне до сих пор не выслана ставленая грамота. Желая быть здоровым! Уважающ.[ающий] Вас свящ.[енник] А. Калужный. 21 нояб. 1912 г. с. Вартовское»¹⁸.

В этих условиях духовенству сложно было рассчитывать каким-либо образом переубедить прихожан изменить свое мнение. Тогда решено было прибегнуть к другому способу — голосовать не на общем собрании, а в каждом из селений прихода отдельно. В таком случае появлялась возможность оградить коренных жителей от влияния русских торговцев и самим активно воздействовать на процедуру принятия решения.

В ноябре—декабре 1912 г. причт вместе с полицейским приставом 1-го стана Сургутского уезда последовательно объехал все селения прихода, проводя церковно-приходские сходы и собирая резолюции «за» или «против» строительства храма на новом месте. Общение велось через А.Г. Вергунова, владевшего остяцким языком.

8 января 1913 г. И.А. Селихов представил в Тобольскую духовную консисторию «приговоры» жителей различных селений. За пристань высказалось 9 юрт: Савкины, М.-Тарховы, Б.-Тарховы, Соромины, М.-Палины, Б.-Палины, Кирилкины, Кол-Еганские, Вахпугольские (примечательно, что в трех селениях были взяты уже вторые по счету «приговоры», т.к. первоначально их жители проголосовали за строительство на старом месте); за старое место — 4: Маионские, Ермаковы, Ванпугольские, Велимские юрты. От 4 юрт — Ликрысовых, Килькиных, Кабиных, Калымских — «приговоры» не были получены «за отлучкой остяков»¹⁹.

В качестве примера можно привести тексты двух приговоров. Первый составлен со слов жителей юрт Больше-Палиных 10 декабря 1912 г.: «Постройку нового вместо сторевшего храма произвести на новом месте, в том и прилагаем своеручно тамги, а старое затопляет разливом р. Оби настолько, что в некоторые годы по нему плавали на лодках. Наше желание было и первый

храм построить на пристани, но больше всех настоял Абрам Кушников — поставить его вблизи своего дома, хотя на водотопном месте...»²⁰.

Второй приговор составлен жителями Колек-Еганских юрт 11 декабря 1912 г.: «...Что же касается выбора места для нового храма после Божия наказания (пожара) то пусть нас хоть засудят, а мы хотим на пристани, как и первоначально высказывались, но Панкин и Кушников настояли на своем, старое место — водотопное, где храм Божий не может стоять»²¹. Главное условие, которое выдвигалось перед причтом практически всеми коренными жителями, заключалось в том, чтобы не привлекать их к переносу причтовых домов на другой берег Оби.

Таким образом, причт и благочинный получили законное основание для решения вопроса в свою пользу. Окончательный выбор оставался за Тобольской духовной консисторией и епархиальным архиереем. Аргументация духовенства показалась им более убедительной. 19 января 1913 г. Тобольская духовная консистория «приказала»: «Согласно отзывам местных о. благочинного священника Иоанна Селихова, Вартовского причта и большинства прихожан местом для постройки храма избрать русский поселок что против села Вартовского на противоположной стороне реки Оби, где имеется паровая пристань, как место высокое, никогда не затопляемое водою...»²².

Но и это постановление не слишком повлияло на ситуацию. А.В. Калужному пришлось даже вызывать полицию, дабы заставить сельчан помочь в организации доставки строительных материалов на пристань. Чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, принимается решение о замене состава строительного комитета.

«...Для полезной успешности дела, — писал благочинный, — Вартовский Строительный Комитет следовало бы обновить, ибо он не только бездеятелен, но вредит Св. делу, т.к. все члены его, за исключением причта имеют в селе Вартовском собственные дома (причина всех зол) [подчеркнуто автором. — В.Ц., О.Ц.] и все почти родственники между собою; в замене их есть жители на другом (противоположном) берегу Оби, из коих можно некоторых пригласить в новый состав Строительного Комитета (например, тобольский мещанин Николай И. Пермяков очень дельный и опытный человек)...»²³.

Указом Тобольской духовной консистории от 31 января 1913 г. было определено, что «в случае неединодушия обновить строительный комитет (включив проживающего в русском поселке на Вартовской пристани Н.И. Пермякова и других, кого усмотрит сочувствующее новому месту большинство прихожан)... Желательно, чтобы председателем был (это прописывается в приговоре) священник»²⁴.

Новый строительный комитет был создан 30 июня 1913 г. В его состав вошли священник А.В. Калюжный (председатель), псаломщик А.Г. Вергунов (казначей), церковный староста и постоянно проживавшие на Нижне-Вартовской пристани: Тобольский мещанин Николай Иванович Пермяков, крестьянин Бронниковской волости Тобольского уезда Спиридон Давыдович Панов, крестьянин этой же волости и уезда Илларион Михайлович Гребнев²⁵.

Решением Тобольской духовной консистории от 13 июля 1913 г. прежний комитет был закрыт «ввиду бездеятельности членов», а новый утвержден. Одновременно священнику предписывается произвести «выбор места под Вартовский храм на избранном земельном участке и исследование грунта земли...»²⁶.

23 августа 1913 г. состоялся осмотр места, выбранного для возведения нового храма, о чем был составлен акт, подписанный благочинным, членами причта, строительного комитета, Ларьякским священником П. Цветаевым, учителем Е.В. Силиным, несколькими крестьянами и «инородцами»: «... Выбор наш остановился на незатопляемой гриве (возвышенности), покрытой хвойным лесом в 80 сажнях от высокого Обского берега. Причем грунт оказался вполне прочным: сверху под перегноем идет толстый слой суглинка, как показал выкопанный шурф глубиной три аршина, куда поставлен деревянный [слово неразб.] — для точного обозначения исследованного места»²⁷.

Проект рассматривался и утверждался строительным отделением Тобольского губернского управления, для чего в Нижне-Вартовское был командирован младший архитектор Л. Андриевский. В документе содержался не только общий план здания и его ограды, но и указывалось, сколько бревен какой длины необходимо заготовить²⁸. Окончательно проект был одобрен строительным отделением 10 декабря 1913 г.²⁹

В тот момент церковь находилась на самом краю села. Справа от входа начиналось поросшее редколесьем (кедром, березой, елью), тянувшееся вдаль болото.

Заготовка материала велась подрядным способом, т.е., говоря современным языком, объявлялся тендер. Новый священник — Андрей Калюжный — стал рассылать почтовые карточки с предложением предпринимателям из Покура, Ваты, Локосово, Самарово принять в нем участие.

Торги назначаются на 10 часов утра 6 декабря 1913 г. В них приняли участие Н. Арканов, Т. Слинкин, С. Слинкин, А. Слинкин, М. Тыриков, П. Кайдалов, Д. Коробицын, П. Бронников, В. Непомнящий. (Большинство из них являлись жителями Нижне-Вартовского и лишь Н. Арканов и В. Непомнящий были из с. Покур).

Прошел аукцион «на понижение» — выигрывал тот, кто давал меньшую цену. Предметом торга являлась заготовка леса для стройки и доставка его на место. По заранее оговоренным условиям следовало поставить сосновые бревна для корпуса церкви, лиственничные — для опорных столбов и кедровые — для внутренней отделки, оговаривались длина и толщина бревен (по 3 и 4 сажени). Победителем аукциона стал житель Покура Василий Непомнящий³⁰.

Например, за поставку 23-х кедровых «суховершинных бревен» длиной 4 сажени 8 вершков (8 м 88 см) Никита Арканов сначала предложил по 3 руб. 50 коп., затем Прокопий Бронников по 3 руб. 35 коп., далее вновь Н. Арканов — по 3 руб. 05 коп., и последним — В. Непомнящий — по 2 руб. 50 коп.³¹ Желаящих дальше снижать цену не нашлось. Общее число необходимых для строительства бревен определялось более чем 1 300 штук.

В течение недели после окончания торгов с победителем строительный комитет заключал договор. По его условиям доставка осуществлялась подрядчиком на свой страх и риск, а «при случае, если весенняя вода не поднимет плот или таковой разобьет непогодой и т.п., то подрядившийся должен возратить задаток полностью...»³². Задаток не мог превышать 15% от общей суммы подряда.

Лес для Нижне-Вартовской церкви заготавливался в низовьях Ваха, оттуда сплавлялся до устья и далее по Оби к пристани.

План и фасад здания утверждаются Строительным отделением Тобольского губернского управления 13 декабря 1913 г. В 1913—1914 гг. производился подвоз леса к месту строительства. В августе 1914 г. разрешено было начать закладку храма. Через год, к августу 1915 г., завершается рубка стен.

Услуги по созданию иконостаса предложил мастер из Тобольска Федор Григорьевич Макаров, оценивший свою работу в 1 400 руб. За основу он предложил взять рисунок иконостаса сгоревшей церкви, который у него имелся³³. Фактически же работу по изготовлению иконостаса выполнял мастер Дементьев в 1916—1917 гг. Общая стоимость всех построек была исчислена по смете в 7 387 руб. 44 коп.³⁴

Помимо собственно здания церкви необходимо было обеспечить возведение жилья и хозяйственных построек для причта — священника и псаломщика. Еще в сентябре 1908 г. общим собранием прихожан было решено собрать на постройку причтовых домов 1 000 руб.

О размерах и некоторых внешних особенностях причтовых домов мы можем судить по описанию, приведенному в смете, составленной при разборе и перевозке на Нижне-Вартовскую пристань в 1913 г. Дом священника: 11 на 9 ½ аршин, крытый тесом, высотой 5 аршин, печки из жженого кирпича русская и голландская. Дом псаломщика: 10 на 8 аршин, высотой 5 аршин, крытый тесом, печка русская³⁵. Дома являлись собственностью прихожан, предоставляемой в пользование причту. В марте 1913 г. на церковно-приходском сходе было принято решение о необходимости строительства при домах причта двух амбаров (9 на 7 и 8 на 6 аршин), двух дворов и одной бани, на что требовалось собрать дополнительно еще 300 рублей³⁶.

Однако год спустя, в марте 1914 г., прихожане нашли другой, более рациональный способ решения указанной проблемы, о чем свидетельствует следующий текст приговора церковно-приходского схода:

«Житель на Вартовской пристани Прокопий Антонов Бронников изъявил свое желание променять свой дом, недавно построенный, находящийся в соседстве с одной стороны мещанина Николая Ивановича Пермякова, а другой — кр.[естьянина] Дмитрия Коробицына, деревянный флигель о окнах, крытый тесом, при

нем дощатый коридор — сени, на дом, выстроенный прихожанами под квартиру псаломщика с целью перейти на жительство в с. Вартовское, а его дом чтобы стал квартирой псаломщика нашего прихода. Обсудив вышеизложенное и принимая во внимание, что переноска и перестановка нашего дома для псаломщика ввиду постройки нового храма на пристани неизбежна, и что это сопряжено с затратой денег и времени единодушно изъявили свое желание на вышеупомянутый промен»³⁷. Кроме того, еще 500 рублей Тобольская духовная консистория разрешила взять на эти цели из страховой суммы.

В ходе описанных выше перипетий происходили перемены в составе причта. С лета 1912 г. место священника в Нижне-Вартовском приходе занимает Андрей Васильевич Калюжный. Он происходил из семьи крестьян, родился около 1881 г., окончил Третьи пастырские курсы в Москве, имел звание учителя начальных училищ. Эти курсы были организованы протоиереем Иоанном Востороговым и предназначались, преимущественно, для подготовки священников во вновь образуемых приходах Сибири и Дальнего Востока. Занятия проходили с сентября 1911 г. по март 1912 г. В 1911 г. Совет курсов предложил А.В. Калюжного на место священника к Тобольскому кафедральному собору. Был рукоположен епископом Мисаилом (Крыловым) в мае 1912 г. 14 июля 1912 г. преосвященным Дионисием (Сосновским), временно исполнявшим обязанности управляющего Тобольской и Сибирской епархией, назначается священником Нижне-Вартовской церкви. Священник имел жену Александру Митрофановну (род. в 1890 г.), дочь Зою (род. в 1913 г., возможно, в Нижне-Вартовском)³⁸. Супруга священника являлась выпускницей Таврического епархиального женского училища (окончила в июне 1907 г.), исполняла обязанности просфорни при Нижне-Вартовской церкви. В должности А.В. Калюжный находился чуть более двух лет. 9 августа 1914 г. он перемещается на вакансию священника церкви с. Кусеряжского Ишимского уезда³⁹. Здесь он также занимал должность помощника противораскольнического и противосектантского миссионера.

В следующие несколько месяцев в должности священника Нижне-Вартовского прихода поочередно побывало несколько лиц. 20 октября 1914 г. сюда получил назначение священник церкви

сл. Утятской Курганского уезда Петр Попов⁴⁰. Однако уже 23 ноября 1914 г. он переводится согласно прошению обратно в приход с. Утятского «для служения в Камышенском храме»⁴¹. С 1 января 1915 г. на должность священника в Нижне-Вартовский приход назначается священник с. Калмацкой церкви Ишимского уезда Анатолий Ревягин⁴². 9 марта 1915 г. он перемещается обратно⁴³. 22 апреля 1915 г. сюда назначается слушатель пастырских курсов священник Митрофан Котовский⁴⁴. 2 июня 1915 г. он перемещен в с. Колесниковской церкви Ялуторовского уезда⁴⁵.

11 июня 1915 г. вакантное место занял слушатель пастырских курсов священник Архип Тимофеевич Михопаркин⁴⁶. Он родился в д. Шоля Курмышского уезда Симбирской губернии, ок. 1885 г. (Вероятно, по национальности был чувашем). Согласно метрической книге Вартовской Сергиевской церкви, из этой деревни происходил брат священника, восприемник его дочери. Жена А.Т. Михопаркин — Агафья Антоновна, род. в 1895 г. В семье священника имелось четверо детей: Гурий (1911 г.р.), Серафим (1913 г.р.), Валентин (1914 г.р.), Иван (1916 г.р.). В сентябре 1917 г. у них родилась дочь Вера (умерла летом следующего года, похоронена на кладбище Нижне-Вартовской пристани). Ко дню Пасхи 1918 г. Архип Тимофеевич награждается набедренником⁴⁷.

А.Т. Михопаркин в течение пяти лет (с 1904 по 1909 гг.) работал учителем начальных церковных школ в Бугульминском уезде Самарской губернии. Затем был рукоположен в псаломщики, а по окончании Московских пастырских курсов, в феврале 1915 г. епископом Мисаилом (Крыловым) рукоположен в священники⁴⁸.

12 февраля 1914 г. псаломщик А.Г. Вергунов был перемещен в Ваховский приход Сургутского уезда⁴⁹. 21 октября 1915 г. Арсений Гордиевич рукополагается в дьяконы, а еще через день — в священники и назначается в приход с. Покур Сургутского уезда. 6 сентября 1916 г. он перемещается священником из Покура в Ларьяк. На место псаломщика 31 марта 1914 г. назначается Родион Макаревич Горбунов, 30 лет, происходивший из крестьян⁵⁰.

Должность церковного старосты занимал с 14 ноября 1910 г. «сургутский мещанин» Авраамий Яковлевич Кушников⁵¹. В начале 1914 г. его сменил «сургутский мещанин» Матвей Симеонович Тырыков⁵², с 13 июня 1917 г. — крестьянин Матвей Балувев⁵³.

10 декабря 1916 г. новый Сургутский благочинный священник Петр Невский (сменивший в 1915 г. И.А. Селихова) сообщил в Тобольскую духовную консисторию, что постройка храма почти окончена, «только непошиты тесом углы, шкафы не сделаны и не поставлен престол на место»⁵⁴. 16 марта 1917 г. отдается распоряжение об осмотре результатов строительства. Акт приемки новой церкви, освященной позднее опять же в честь преподобного Сергия Радонежского Чудотворца, был подписан 17 августа 1917 г.⁵⁵ К концу года были устранены оставшиеся небольшие недоделки. В дальнейшем церковь функционировала еще несколько лет. В последний раз в выявленных нами документах А.Т. Михопаркин упоминается как священник Вартовской Сергиевской церкви в марте 1923 г.⁵⁶

Как следует из материалов изъятия церковных ценностей, относящихся к 1922 г., Нижне-Вартовский храм не относился к числу богатых, но был обеспечен необходимыми богослужебными предметами, облачениями, литературой. Среди описанных предметов упоминаются: серебряный вызолоченный крест, бронзовая дароносица, железное копие, бронзовая дарохранительница, серебряные позолоченные — потир, лжица, два блюдечка; бронзовый ковшик, настольные подсвечники, 5 лампад, два венца, антиминс, кадило, чаша для благословения хлебов, две простые ризы, две епитрахили, два подризника, венок, набедренник, пояс, поручи, два воздуха, 4 шали, два аналойных покрывала, 4 платка, евангелие, служебники, псалтыри, апостол, часослов, минеи, октоих, ирмлогий, книги о нотном пении, церковный устав, триоди цветная и постная и мн. др.⁵⁷ В храме имелись иконы Божией Матери в металлической оправе, Богоматери о взыскании погибших, «Утешение о чаше», св. Сергия Радонежского, Спасителя, митрополита Иоанна, явление Божией Матери, Сергия и Германа Валаамских чудотворцев, икона «с 12 лицами» чеканной работы⁵⁸. Известно также, что часть богослужебных предметов для нового храма — напрестольный крест, Евангелие — были пожертвованы московскими благотворителями, выделившими деньги на постройку еще в 1904 г.

В 1925 г. в бывшей церкви разместилась изба-читальня и школа, затем клуб. Не случайно, что до сих пор переулочек, на котором располагалась церковь, называется «Клубный». Тот факт, что жи-

тели Нижне-Вартовского при новой советской власти отказались от содержания храма, возможно, обусловлен описанным выше длительным конфликтом из-за выбора места строительства. Как бы то ни было, вполне очевидно, что возведение церкви для небольших селений являлось крайне дорогостоящим и хлопотным делом.

Примечания

¹ Государственный архив Томской области (далее — ГАТО). Ф. 170. Оп. 7. Д. 338. Л. 11—11 об.

² Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее — ГУТО «ГА в г. Тобольске»). Ф. И-156. Оп. 18. Д. 828. Л. 63 об.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 23.

⁷ Там же. Л. 21—22.

⁸ Там же. Л. 32, 68, 98.

⁹ Там же. Л. 35—36.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 63.

¹⁴ Там же. Л. 68.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 41а—41б.

¹⁹ Там же. Л. 44—44 об.

²⁰ Там же. Л. 48.

²¹ Там же. Л. 50.

²² Там же. Л. 67—67 об.

²³ Там же. Л. 44.

²⁴ ГАТО. Ф. 170. Оп. 7. Д. 338. Л. 1 об.

²⁵ ГУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И-156. Оп. 18. Д. 828. Л. 82.

²⁶ ГАТО. Ф. 170. Оп. 7. Д. 338. Л. 23 об.

²⁷ ГУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И-156. Оп. 18. Д. 828. Л. 90.

²⁸ Там же. Ф. И-353. Оп. 1. Д. 1019. Л. 3.

²⁹ Там же. Л. 7—7 об.

³⁰ ГАТО. Ф. 170. Оп. 7. Д. 338. Л. 7 об.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 6.

³³ Там же. Л. 32.

³⁴ Там же. Л. 33.

- ³⁵ ГУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И-156. Оп. 18. Д. 828. Л. 75—75 об.
- ³⁶ ГАТО. Ф. 170. Оп. 7. Д. 338. Л. 20.
- ³⁷ Там же. Л. 25—25 об.
- ³⁸ ГУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И-156. Оп. 19. Д. 168. Л. 15.
- ³⁹ Тобольские епархиальные ведомости. 1914. № 19. С. 339.
- ⁴⁰ Там же. 1914. № 29. С. 407.
- ⁴¹ Там же. 1914. № 33. С. 493.
- ⁴² Там же. 1915. № 2. С. 25.
- ⁴³ Там же. 1915. № 11. С. 161.
- ⁴⁴ Там же. 1915. № 17. С. 229.
- ⁴⁵ Там же. 1915. № 22. С. 296.
- ⁴⁶ Там же. 1915. № 23. С. 309.
- ⁴⁷ Там же. 1918. № 9—10. С. 148.
- ⁴⁸ ГУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И-156. Оп. 19. Д. 170. Л. 14 об.
- ⁴⁹ Тобольские епархиальные ведомости. 1914. № 5. С. 81.
- ⁵⁰ ГУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И-156. Оп. 19. Д. 170. Л. 15 об.
- ⁵¹ Тобольские епархиальные ведомости. 1910. № 21. С. 273.
- ⁵² Там же. 1914. № 5. С. 82.
- ⁵³ Там же. 1917. № 24. С. 331.
- ⁵⁴ ГУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И-156. Оп. 18. Д. 828. Л. 133.
- ⁵⁵ Там же. Л. 133; Документы по истории сооружения Вартовской церкви (подготовила к печати Н.Ф. Демидова) // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Нижневартовск, 1998. Вып. 1. С. 178—179.
- ⁵⁶ Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Ф. 97. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.
- ⁵⁷ К истории изъятия церковных ценностей в Сургутском уезде в начале 1920-х годов (подготовил Я.Г. Солодкин) // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Нижневартовск, 1998. Вып. 1. С. 180—181.
- ⁵⁸ Там же. С. 181.

РАЗДЕЛ 2

**ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ ОКРУГ В
СОВЕТСКУЮ И ПОСТСОВЕТСКУЮ
ЭПОХИ**

Глава 1

УДК 93/94

ТРУДОВОЙ И БОЕВОЙ ПОДВИГ ЖИТЕЛЕЙ НИЖНЕВАРТОВСКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945 гг.)

Аннотация. В разделе на основе новых архивных источников представлена история Нижневартовска в годы войны. Рассмотрена деятельность предприятий, учреждений, показано состояние социальной сферы, а также социально-экономическое положение населения.

Ключевые слова: жители; война; участник войны; добыча рыбы; колхоз; сельское хозяйство; школа; врачебный участок.

LABOUR AND FIGHTING FEAT OF RESIDENTS OF NIZHNEVARTOVSK IN DAYS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941—1945)

Abstract. The history of Nizhnevartovsk in the years of war is presented in the section on the basis of new archival sources. Activity of the enterprises, establishments is considered, the condition of the social sphere, and also economic and social situation of the population is shown.

Key words: inhabitants; war; participant of war; production of fish; collective farm; agriculture; school; medical site.

Население.

В годы войны село входило в состав Ларьякского района Омской области, а с 14 августа 1944 г. оказалось в административном подчинении вновь созданной Тюменской области. Председателем райисполкома в начале войны был Н.П. Титов, в конце войны — Н.И. Самарин¹.

Летом 1941 г., накануне войны случилось сильное наводнение. Старики говорили: «Быть войне». Вода подобралась к самому селу Нижневартовскому, но не затопила его. Высокая вода стояла вплоть до августа. В селе на 1 ноября 1941 г. числилось 223 хо-

зяйства. Нижневартовский сельский совет был вторым по численности населения в Ларьякском районе (после Ларьякского сельского совета). В военное время население района, как и всего Ханты-Мансийского национального округа, пополнилось за счет спецпереселенцев, эвакуированных и депортированных. По данным на 27 июля 1942 г., в сс. Ларьяк и Нижневартовское прибыли 9 человек эвакуированных, в их числе оказались канадец, полячка, семья немцев². На домах жителей села были расклеены плакаты и листовки: «Все для фронта, все для Победы!», «Смерть немецким оккупантам!», «Сметем с лица земли фашистских варваров!».

Повышение планов рыбодобычи потребовало привлечения трудовых ресурсов извне. На 1 августа 1942 г. в Ларьякский район к вселению было определено 284 человека. На 1 сентября в районе разместили 130 семей, в том числе на территории Нижневартовского сельского совета: Былино, Соснино, п. Мега, Лекрысово. В селе Нижневартовском разместили 56 человек. По документам установлено, что Нижневартовскому рыбозаводу передали 287 человек, из них 181 — являлись спецпереселенцами. Их доставил пароход «Орджоникидзе» 14 июля 1942 г. По составу спецпереселенцы в основном состояли из женщин — 149 человек. Мужчин было 31, а иждивенцев (преимущественно детей) — 107³. По данным на 1 января 1943 г., в Нижневартовском сельском совете проживало 1 412 человек, в Нижневартовске — 816 человек (250 мужчин и 566 женщин), детей насчитывалось 190 человек, т.е. четвертая часть населения села⁴.

В годы войны в район вселили депортированных калмыков, финнов, немцев. По данным на 1943 г., планировалось вселить 2 тыс. человек⁵. На 1 января 1945 г. в районе насчитывалось временно проживающих (полагаем, речь идет об эвакуированных гражданах) 208 человек⁶. Кроме них спецпереселенцев-калмыков было размещено 195 семей (617 человек). Из них в рыбной промышленности работали 122 семьи⁷. Прибывших калмыков селить было некуда. Их разместили по квартирам граждан, по 12–14 человек. Рыбозавод не успел построить для прибывших даже бараки. Выход руководство завода видело в том, чтобы калмыки сами строили себе дома⁸, но в условиях уже начавшейся зимы и отсутствия средств и материалов это было невозможно. На 1 января

1945 г. в Нижневартовском сельсовете проживало 1 659 человек (в том числе 164 калмыка)⁹.

В военное время район должен был сам обеспечивать потребности населения в основных продуктах питания. Однако, ряд товаров, несмотря на трудности, все же поступал по государственным фондам. Планы товарозавоза в годы войны выполнялись на 30—40%¹⁰. Рыбаки получали талоны на сахар, водку, муку, крупу, табак, жиры, промтовары¹¹. Это было целевое снабжение, введенное с апреля 1942 г. по приказу Наркомата торговли¹². Снабжение населения продуктами питания осуществлялось по карточкам. Карточки были именными. Нормы на продукты периодически менялись. Норма хлеба для работающего в рыбной промышленности составляла в среднем 500–600 г, иждивенца — 300–400 г. Хлеб продавался на развес. Для выпечки хлеба населению Нижневартовского сельского совета в месяц требовалось примерно 20 т муки¹³. Часть продуктов приобреталась населением на базаре. Цены были высокие. Ведро картошки стоило 100 руб.¹⁴

23 ноября 1942 г. Ханты-Мансийский окрисполком принял решение о снятии с государственного снабжения печеным хлебом и мукой колхозников, получавших продовольственное зерно на трудодни, что ухудшило их материальное положение¹⁵. Существовало и спецснабжение. Оно распространялось на номенклатурных работников советских и партийных, хозяйственных организаций. Руководители района (секретарь РК ВКП (б), предрайисполкома) были отнесены к третьей (низшей) группе, но, тем не менее, получали дополнительный паек.

Нельзя не отметить, что государством оказывалась материальная помощь многодетным матерям. Им выдавались пособия и единовременная помощь¹⁶. Пособие на одного ребенка составляло 2 тыс. рублей в год. Назначались пособия и по потере кормильца.

Колхозники в годы войны материально жили очень плохо. Работая за трудодни, в денежном выражении получали по результатам года от 900 до 1700 руб.¹⁷ Зарплата советских служащих варьировалась в зависимости от должности в следующем размере (в месяц): председатель райисполкома — 1 300 руб., заместитель — 1 100 руб., секретарь — 600 руб., архивариус — 200 руб., машинистка — 175 руб., ночной сторож — 115 руб., техничка — 70 руб.¹⁸ Среднегодовая зарплата на рыбозаводе в 1945 г. составляла 1 980

руб. (т.е. около 160 руб. в месяц). Зарплата врача составляла 990 руб., фельдшера — 785 руб., медсестры — 336 руб.¹⁹

Налоговое бремя в годы войны существенно возросло. Во-первых, был введен военный налог (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 декабря 1941 г.)²⁰. В 1943 г. он составил для колхозников 150 руб.²¹ Население принуждалось к оплате военного займа. Так, в 1942 г. план по займу (429 тыс. руб.) удалось выполнить только на 47,5%²². Сохранилось и самообложение сельского населения. В 1943 г. налог составил для колхозников 20 руб. За неуплату налога строго наказывали. Так, П. Сигильетов за неуплату сельхозналога за 1941 г. в размере 212 руб. был осужден на 4 года тюрьмы²³. В 1942 г. был введен дополнительный налог на нужды культурно-бытового и жилищного строительства, который взимался и в последующие военные годы²⁴. Применялось окладное страхование. План добровольного страхования трудящихся предусматривал для Нижневартовского сельского совета на 1942 г. охватить 150 человек рабочих и служащих, 280 колхозников²⁵. Кроме этого платили местные налоги и сборы: налог со строений, земельную ренту, сбор на колхозном рынке, сбор с владельцев транспортных средств, сбор с владельцев скота²⁶. Нельзя забывать и добровольной материальной и финансовой помощи фронту. Каждый работающий обязан был сдать в Фонд обороны 300 руб.²⁷

Сдавали деньги и дети. Регулярно собирали теплые вещи, комплектовали посылки для фронта, особенно это было заметно в первый, самый тяжелый год войны²⁸. Нижневартовцы оказали большую помощь фронту. Это не только добытая рыба в фонд обороны, но и сбор ста посылок с теплыми вещами, передача сбережений (наличными и облигациями) — 35 000 руб.²⁹

Трудовой подвиг.

В 1941 г. Нижневартовский сельсовет включал 6 мелких колхозов³⁰. Колхоз «Красное знамя» в годы войны принял в свой состав значительное число домохозяйств. По данным на 1 января 1943 г., в колхозе было зарегистрировано 145 домохозяйств численностью в 661 человека³¹. На территории Нижневартовского совета действовала территориальная первичная партийная организация. Партийная организация была малочисленная (в районе — 51 коммунист, в том числе в Нижневартовской организации — 5). Главная отрасль в годы войны в хозяйстве района — рыбная. Для

колхозов Нижневартовского сельского совета, направленность которых была сельскохозяйственная, пришлось изыскивать возможности для поиска угодий, их перераспределения, решать вопросы с орудиями лова. Из видов рыб преобладали щука и окунь, ценных видов рыб было мало³².

Планы по рыбодобыче ежегодно увеличивались, особенно в связи с постановлением № 19 СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 6 января 1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке»³³. В течение всего военного времени, несмотря на колоссальные усилия, район не выполнял план по добыче рыбы³⁴. Так, в 1941 г. план по рыбе в районе был выполнен на 103,6%. 11 марта 1942 г. на заседании исполкома Ларьякского районного совета был пересмотрен план рыбодобычи в сторону увеличения. Полугодовой план 1942 г. удалось выполнить на 123%. Улов составил 21 734 ц. 22 июля 1942 г. в районе состоялось собрание райпартактива. Главный вопрос вновь стоял об увеличении добычи рыбы. Однако в целом в 1942 г. план по рыбе не был выполнен. Не хватало орудий лова, рыбаков. Все орудия рыболовства распределялись по колхозам, велся их строжайший учет. Для приобретения материалов по изготовлению орудий лова колхозам выдавались незначительные по объемам ссуды (до 1 тыс. руб.)³⁵. План 1943 г. в районе вновь не был выполнен (требовалось 36 тыс. т). Хотя рыбы добывалось с каждым годом больше, но завышенные планы не позволяли их выполнять. Так, например, на 1 октября 1943 г. сдали рыбы на 5 178 пудов больше, чем за весь 1942 г. В 1944 г. район снова не выполнил план по рыбодобыче. План рыбодобычи 1945 г. также не был выполнен. Всего за годы войны район добыл 98 524 ц рыбы.

Значительный вклад в рыбодобычу внесли жители Нижневартовского сельского совета. Планы ежегодно пересматривались в сторону увеличения. В 1942 г. Нижневартовский сельский совет не выполнил план по добыче рыбы. Его председатель — Яров говорил: «Не достает орудий лова, плохо используются стрежевые невода, плохо была организована расстановка рабочей силы. Фитильный лов развит слабо»³⁶. В 1942 г. в колхозах Нижневартовского сельского совета планировалось на лове рыбы круглогодично использовать 105 рыбаков. Это составляло 60% всех рыбаков других

сельсоветов района³⁷. В 1942 г. в рыбной отрасли района трудились уже 350 рыбаков³⁸.

В 1942 г. в Нижневартовском сельсовете было задействовано на лове рыбы 210 человек³⁹. Следовательно, 70% рыбаков района были именно из Нижневартовского сельского совета. Рыбаки были организованы в постоянные рыболовецкие бригады. В 1945 г. план также не удалось выполнить. План первого квартала Нижневартовский сельский совет выполнил на 83,3% — и это был лучший показатель в районе⁴⁰.

Сельское хозяйство.

1941, 1944 гг. были неурожайными в районе⁴¹. Особенно тяжелым после наводнения, в условиях начавшейся войны выдался 1941 год. Очень трудно было со скотом — незатопаемых мест практически не осталось, заготовленное в 1940 г. сено было скормлено, а пасти скот оказалось негде. Скот голодал и естественно произошел значительный падеж. Посевы в районе были небольшие, по сравнению с другими районами Ханты-Мансийского округа — минимальные. В 1940 г. они составляли 112 га, в 1941 г. — 133,56 га; в 1942 г. план посевов был увеличен до 220 га⁴², в 1943 г. посевы возросли в три раза и составили 349 га. Это был заведомо невыполнимый. Больше всего посевов имелось в колхозах Нижневартовского сельского совета. План посевов на 1941 г. составил 96,5 га⁴³.

1943 год выдался самым тяжелым. Все имевшиеся ресурсы уходились на пике использования. Уборка 1943 г. была затяжной. Ларьякский район закончил ее только 15 октября, а обмолот — 1 января⁴⁴. В некоторых колхозах Нижневартовского сельсовета удавалось получать высокие урожаи. Например, колхоз им. Калинина в среднем намолотил 11,6 ц с гектара ржи, 12,2 ц овса; колхоз им. Куйбышева — 15,3 ц овса, 16,3 ц ячменя⁴⁵ (в 1943 г. Н.С. Сармаев вернулся с фронта и его выбрали председателем этого колхоза)⁴⁶. Наблюдалась слабая оснащенность колхозов орудиями и машинами сельского хозяйства⁴⁷. В районе на 7 колхозов приходилась одна сеялка, на 2 колхоза одна сенокосилка. На весь район имелась одна лобогрейка и одна молотилка. Все колхозы испытывали острую нужду в упряжи, телегах и железе. За годы войны район произвел 100 тыс. пудов картофеля⁴⁸. Хлебозаготовки также имели место, хотя в отдельные годы по погодным

условиям хлеб не вызревал. Тогда его косили, отправляя на корм скоту. Планы хлебозаготовок по урожаю 1945 г. в районе составили 34 т⁴⁹.

Все производственные планы увеличивались для колхозов из года в год. План развития животноводства на 1942 г. для колхозов означал увеличение поголовья крупного рогатого скота на 35%, лошадей — на 19%, свиней — на 59%, овец — на 16%⁵⁰. Существовала острая проблема с кормами. Так, в зимовку 1942/43 г. в колхозе «Красное знамя» пало 45 голов крупного рогатого скота. Сено осталось не вывезенным из соров (100 ц)⁵¹, из-за чего корма не хватало. После зимовки скота 1943/44 г. ситуация в колхозах Нижневартковского совета выглядела весьма тревожно. 5 мая 1944 г. на заседании исполкома совета рассматривался вопрос о сокращении поголовья скота в Нижневартковском сельском совете⁵².

Продуктивность скота оставалась низкой. Средние удои на 1 фуражную корову составляли 300—400 л⁵³, по плану же требовалось доить 1 100 л. Всего имелось 482 коровы. Причинами столь низких удоев назывались, например, в колхозах «Красное знамя», «Путь к социализму» и др. отсутствие 3-разовой дойки, режима, плохая пастьба⁵⁴. Валовый надой молока в 1942 г. составил 406 500 л, в 1943 г. — 322 223, в 1944 г. — 252 007⁵⁵. Из приведенных сведений видно снижение надоев молока. Повышение продуктивности связывали с племенным скотом. В колхозы совета племенной скот Холмогорской породы начал поступать в 1942 г., его сосредоточили в 5 колхозах⁵⁶. Была сформирована племенная ферма в колхозе им. Куйбышева, с. Лекрысово. Наличие племенного скота в колхозах на 1 июля 1943 г. холмогорской породы исчислялось 46 головами чистой породы и 700 метисами, 44 метисами Тагильской породы⁵⁷. К весне 1945 г. племенной скот в колхозе им. Куйбышева был доведен до истощения. Высокоценные племенные животные потеряли всякую продуктивность. Коровы могли давать до 25 л молока в сутки, а удои от них составляли 6-8 л, дав в среднем 1 200 л в год, в лучшем случае — 1 700 л. Под угрозой оказались планы по объемам производства молочной продукции и заготовок, поставки молока райпищескомбинату.

Ветеринарная помощь животноводству оставляла желать лучшего. Нижневартковский зооучасток по штатному расписанию

1941 г. должен был иметь на участке ветврача, зоотехника, вет-техника, ветсанитара. Кадров ветработников не хватало для того, чтобы обслуживать животноводство, они не имели транспорта, медикаментов, инструментов. Известно, что в 1941 г. зоотехником работал Сухушин (имя неизвестно. — Л.А.), а в 1942 г. трудился ветврач М.С. Новиков (1903 г.р., образование высшее)⁵⁸.

В годы войны на территории Нижневартовского совета работало несколько промышленных предприятий. В их числе Нижневартовский лесоучасток, маслозавод, рыбозавод, моторно-рыболовная станция. Нижневартовский маслозавод являлся предприятием полукустарного типа. Все работы на заводе выполнялись вручную. Количество работников не превышало 20. Продукция хранилась в ледниках. Готовое масло укладывали в картонные коробки и деревянные ящики весом 20-25 кг. Масло отправляли паромом в госпитали Тюмени и Омска⁵⁹. В 1942 г. план производства масла составил 153 ц., в 1943 г. — 100 ц (выполнение — 102,65 ц)⁶⁰. Это был четвертый показатель среди 6 маслозаводов округа. План на 1944 г. составил 150 ц⁶¹.

Таблица 1

**Производство продукции Нижневартовского маслозавода
(1944–1945 гг.)⁶²**

	1944	1945
Масло	72 ц	75,6
Простокваша	170,8	157,6
Творог	1,0	3,8
Пахта	3,2	-

В 1943 г. был образован Нижневартовский рыбзавод (до октября 1944 г. директор Лирин)⁶³. За первое полугодие выпуск рыбной продукции составил лишь 29,1% (3052 ц). Затем ситуация несколько улучшилась. План 1943 г. заводом был выполнен на 70,7%⁶⁴. Для обеспечения лова требовалось значительное количество флота. В 1943 г. для обслуживания рыбозавода трудилось рыбаков: в первом квартале — 100 человек, во втором — 170, в третьем — 230, в четвертом — 170⁶⁵.

**План рыбодобычи для Нижневартовского рыбозавода
(1943-1945 гг.) (в ц)⁶⁶**

	1943	1944	1945
Гослов	7 000	1 603	1 321
Колхозы	24 000	7 600	5 401
Всего по заводу	31000	9 260	6 722
Всего по району	31000	20 072	17 635

Итоги выполнения плана гослова за первое полугодие Вартовского рыбоучастка были весьма впечатляющими — 152%. Лучшие бригады — Дзюбана и Василенко (имена неизвестны. — Л.А.). План первого квартала 1945 г. Нижневартовский рыбозавод выполнил на 57,7%. Как следует из протокола второго пленума райкома партии (28—29 июня 1945 г.), план по рыбодобыче заводом был провален⁶⁷. Рыбозавод отгружал свежемороженую рыбу, а также производил рыбу холодного копчения, икру частиковых рыб (совсем немного), технический жир⁶⁸. Основным способом обработки был стоповый посол. Проблемы в сохранении рыбы и ее переработке сохранялись на заводе всю войну. Главная причина состояла в том, что не хватало соли. «В дни, когда привозили соль, люди не спали сутками. Старались засолить как можно больше рыбы и сдать государству. Дети также помогали взрослым в их работе. Разгружали баржи с солью. По 1-2 кг на каждого малыша давали, но и то, даже эта крохотная помощь детей чувствовалась уставшими людьми», — вспоминала М.В. Первухина⁶⁹. Оборудование для хранения рыбы — это примитивные холодильники (земляные хранилища, использовавшие лед). Заготовка льда к весенне-летней путине осуществлялась в феврале—марте. Обычно требовалось заготовить не менее 7 000 м³ льда. Не всегда удавалось заготовить такое количество. Например, к путине 1945 г. удалось заготовить только 4 700 м³ льда⁷⁰.

Сохранялись большие проблемы в обеспечении орудиями лова. Для ее решения рассматривался вариант создания в районе моторно-рыболовной станции. В частности на пятой сессии Ларьякского райсовета 27 января 1942 г. было принято решение «Просить окружком устроить в Нижневартовском МРС»⁷¹. Станция была создана в Нижневартовске в 1942 г. и получила название «Ларьяк-

ская», однако при ее скудном оснащении она не могла обеспечить рыбаков всем необходимым для лова рыбы. Обслуживала станция 12 колхозов, в том числе 5 сельскохозяйственных. Все колхозы Нижневартовского сельского совета попали в зону обслуживания МРС. Обеспеченность рыболовецким флотом у станции в 1945 г. была следующая: неводники стрежевые — на 30%; неводники средние — на 57,2%; неводники малые — на 87%; бударки — 0%; городушки — на 380%, мелкие лодки — на 117%. При участии МРС за 1944 г. было добыто 3 кг красной рыбы, 11 кг лососевых рыб, 22 кг сиговых рыб, 3 021 кг крупного частика; 5 003 кг мелкого частика (всего 8 057 кг)⁷². Техником рыбодобычи на станции являлся Кайгородов (он же парторг МРС). Нередко в его адрес звучала критика, что он плохо руководил ловом⁷³.

В 1942 г. в Нижневартовском создали еще одно новое предприятие — топливную базу⁷⁴. Планировалось организовать кирпичное производство по линии кустпромартели с мощностью 100—150 тыс. шт. в год. Работали заготовительные организации и кооперативы. В 1942 г. план сбора ягод по Нижневартовскому сельскому совету для завода «Росплодоовощ» составил 14 т⁷⁵. Подавляющее большинство жителей Нижневартовского сельского совета самоотверженно трудились в годы войны. Например, в колхозе им. Куйбышева на ферме работали не покладая рук доярки Афонасья Крюкова, Галина и Татьяна Липецкие, Ирина Сармаева, скотник-пастух Никифоров⁷⁶, животноводы колхоза им. Калинина (д. Мега): телятница Л.В. Пет, свиарки М.В. Щепкина и Т.В. Новосельцева⁷⁷. М.В. Первухина вспоминала о том времени: «Очень трудным было военное время, не хватало еды, одежды, обуви. Летом рыбачили босиком до октября месяца, когда уже выпадал снег. И только в ноябре людям выдавали обувь, да и та едва прикрывала от холода. Жили в шалашах»⁷⁸.

Несмотря на подавляющее большинство примеров самоотверженного труда, нарушение трудовой дисциплины, злоупотребления служебным положением, хищения, к сожалению, имели место в жизни сельчан. Трудовая дисциплина на предприятиях рыбной промышленности была очень строгой. За опоздание на 5 минут — три месяца принудительных работ с вычетом 25% зарплаты, за второе опоздание — шесть месяцев принудительных работ с вычетом 25% зарплаты, за третье опоздание — полгода тюрьмы.

Отбывали наказание в Ларьяке⁷⁹. Примеры низкой трудовой дисциплины в колхозах привела В.И. Сподина, изучив протоколы собраний Нижневартовского сельсовета. В них отмечалось отсутствие дисциплины у колхозников, слабый контроль председателей за выполнением устава сельхозартелей. В колхозе им. Калинина пастух был послан за скотом. 10 голов пало, шкуры продал, деньги израсходовал, а колхоз ему начислил еще и трудодни⁸⁰. За хищение рыбы (при обыске нашли дома около 2 пудов) был осужден Захаров Никита Андреевич (Мегион) на три года тюрьмы⁸¹. За период 1941—1943 гг. среди работников торгово-заготовительных организаций района было выявлено 34 растратчика (похитили 81 тыс. 200 руб.). По данным справки прокуратуры ХМНО, в 1943 г. было рассмотрено 26 уголовных дел жителей Ларьякского района; за первое полугодие 1944 г. были привлечены к суду за нарушения в торговле 2 человека, в кооперации — 4 человека. В справке от 9 июля 1944 г. указано, что были привлечены к уголовной ответственности 27 работников торгово-снабженческих организаций Ларьякского района (злоупотребления с продовольственными карточками, обвешивание, обмеривание, спекуляция)⁸².

Участие нижевартовцев в боевых действиях

С началом войны начались мобилизации. На 11 августа 1941 г. из района было призвано в армию 19 человек номенклатурных работников⁸³. Количество семей военнослужащих на 1 декабря 1943 г. составило 455. По сведениям, приведенным Т.Д. Шуваевым, всего на фронт из Нижневартовского района ушел 561 человек. Вернулась с фронта четвертая часть призванных⁸⁴. Среди погибших — бывший председатель райисполкома С.К. Сигильтов⁸⁵. Из села Нижневартовского, по некоторым данным, ушел на фронт 101 человек⁸⁶. В третьем томе поименной книги «Памяти» по Тюменской области содержатся сведения о воинах Нижневартовского района. Указано, что не вернулись с войны 310 человек (из них погибли в ходе боевых действий 228, пропали без вести 22, умерли от ран 60)⁸⁷.

П.К. Ситников, работавший директором школы после окончания Великой Отечественной войны, рассказывал о тех выпускниках школы, которые принимали участие в войне: «Ушли на фронт и не вернулись выпускники Нижневартовской школы: Ламбин Иван

Тихонович, Мурашов Яков Филиппович, Пшеничников Дмитрий Анемподистович, Зонов Владимир Константинович, Новосельцев Петр Евгеньевич, Меринов Иван Петрович, Шевелев Константин Андреевич, Тимофеев Иван и другие... Участвовали в боях за Родину и вернулись инвалидами Захаров Петр Иванович и Ламбин Степан Артемьевич, остались живыми Созонов Федор Николаевич, Панов Евстафий Спиридонович, Соснин Иван Миронович, Винокуров Виктор Никифорович, Казбоев Павел Дмитриевич, Упоров Георгий Артемьевич, Кугаевский Петр Кузьмич, Ведров Степан Михайлович, Ильин Андрей Леонтьевич, Пospelов Михаил... может быть, я перечислил не всех, кто принимал участие в боях за Родину — в этом виноваты моя память и время...»⁸⁸. Ушли на фронт три сына и дочь С.Д. Фомина (звеньевого колхоза «Красное знамя») — Иван, Астафий, Леонид, Татьяна⁸⁹. В сборнике «Дороги судьбы — дороги победы» представлены очерки о некоторых участниках войны с. Нижневартовского (В.Я. Антипов, И.М. Балувев, А.М. Жильцов, Я.Г. Криванков, И.И. Крюков, П.К. Кузьмин, И.Т. Ламбин, С.А. Ламбин, А.В. Новосельцев, А.С. Савин, С.К. Сигильетов, П.К. Ситников, Ф.А. Тверитин, В.М. Ульянов, А.К. Шестаков)⁹⁰.

Социокультурная жизнь села

В условиях военного времени главной проблемой для органов власти в сфере образования являлся полный охват детей учебой. Ежегодно вопросы школьного образования, подготовки к учебному году рассматривались на заседаниях совета. Выделялись пусть и незначительные, средства на текущий ремонт. Всю войну школа не получала лако-красочные материалы. Были перебои в снабжении мелом, недоставало канцелярских товаров. Для письма использовались повсеместно газеты. Нижневартовская школа являлась неполной средней. Ребята учились до 7 класса включительно. Обучать детей было сложно, так как значительная часть учителей была призвана в армию. Из сравнительно небольшого преподавательского коллектива в 1941—1942 гг. было призвано в армию 11 человек. В начале войны директором школы являлся А. Савин⁹¹. После его призыва в Армию директором стал Туманов (имя неизвестно. — Л.А.). Какое то время директором школы работал А.А. Богер (немец по национальности), преподавал немецкий язык, но дети (мальчики преимущественно, его дразнили и

обзывали). О работавших в годы войны учителях сведений немного. Известно, что добросовестно трудилась И.Н. Ветринская (Звягина). Из воспоминаний П.К. Ситникова следует, что в школе работали эвакуированные супруги Богдановы. Жена Богданова была немкой. «Они определенно радовались успехам немцев на фронтах войны и с нетерпением ждали их победы не скрывая этого от нас. Тут подошла кампания по распространению военного займа. Мы привыкли к тому, что каждый подписывался не менее, чем на месячный заработок. А Богдановы наотрез отказались подписываться и с гордым видом покинули собрание»⁹².

В годы войны многие дети школьного возраста оказались вне школы, особенно подростки 12—14 лет. Дети за самым редким исключением испытывали нужду. По воспоминаниям В. Черепановой, многие дети одевались не по сезону. Так, девочки даже зимой ходили в школу в ситцевых платьях, т.к. других не было. Из верхней одежды ребятишки носили стеганные фуфайки. На ногах — шитую из кожи обувь — бахилы. «Помнится в классе была девочка, которая все же одевалась красиво. Ее отец был на фронте и из немецких трофеев отправлял домой посылки»⁹³. Учеба также оставляла желать лучшего. Так, по итогам первого полугодия 1941/42 учебного года успеваемость в 5 Б классе была лишь 52%, а в 7 (выпускном) классе — 74%⁹⁴.

Большое внимание в годы войны уделялось воспитательной работе, особенно агитационно-массовой. Главным методом работы выступала беседа по прочитанным текстам (преимущественно газетным публикациям). Например, в 1943/44 учебном году в школе были проведены беседы по темам: «Задачи школьника в военное время», «Декларация трех держав», «Сводки Совинформбюро» и др.⁹⁵ Школьные учителя выполняли большую общественную работу: выступали с лекциями, беседами перед населением села, организовывали детей на общественно-полезный труд, собирали вещи в помощь армии и др.

Основопологающим документом для работы культучреждений в годы войны стало решение Ханты-Мансийского окрисполкома от 26 июля 1941 г. «О работе политпросветучреждений округа в военное время»⁹⁶.

Учреждения культуры Нижневартовского сельского совета в годы войны: клуб, красный уголок рыбозавода, изба-читальня. Клуб

был оборудован бедно и примитивно. Отсутствовала хорошая мебель. Инвентарь и костюмы обветшали. Не хватало ламп. Несмотря на все неудобства, клуб работал весьма активно. Действовали хоровой и театральный кружки⁹⁷. Самое главное культурное событие военных лет для населения — это кино. Событием культурной жизни стало появление районной газеты «Стахановец». Она позволяла получить информацию о том, что происходило в районе. Первый номер вышел 4 сентября 1941 г. Он представлял собой один лист формата А3, изданный тиражом 800 экз. Ответственным редактором являлся М.А. Рожанский (1902 г.р., состоял в партии с 1926 г., по национальности — украинец, по образованию — ветеринарный врач)⁹⁸. В 1941 г. вышло 28 номеров с периодичностью 1 раз в 4–5 дней⁹⁹.

Медицинское обслуживание. Врачебный участок с. Нижневартовского обслуживал население совета. Наблюдалась текучка кадров. Заведующим работал Я.Г. Кривонков, которого почти сразу призвали в армию. В 1942 г. зав. участком стала М.П. Шилина (специализация врача — туберкулез), начала работать С.Б. Кайгородова¹⁰⁰. С 15 января 1943 г. на участок прибыла врач З.Е. Удачина. Всего на участке в 1943 г. работало 10 человек (4 человека — техперсонал)¹⁰¹. Осенью 1944 г. в Нижневартовском (на пристани) началась эпидемия сыпного тифа. Полагаем, что занесли инфекцию депортированные калмыки. Долгая и в жутких условиях осуществлявшаяся транспортировка несчастных людей могла способствовать появлению тифа. Учитывая, что их вселили в дома граждан села, допустив скученность, местные власти создали тем самым условия для распространения инфекции. 16 декабря 1944 г. на участке начал работать И.В. Торопов. Вспоминает М.В. Первухина: «Сплошь лежали все в тифу. Помещения всех организаций были заполнены больными — и школа, и колхозная контора, и детские ясли, и больница. На дороге стоял карантинный пост-караул круглосуточный, чтобы никто не заезжал и не выезжал... Отовсюду были командированы медицинские работники. Из Ханты-Мансийска был командирован доктор Потанин. ... Тифозных было очень много, медперсонал почти не выходил от больных...»¹⁰². В материалах второго пленума райкома партии (15 марта 1945 г.) отражено, что «до сих пор очаги заболевания не ликвидированы»¹⁰³. На ликвидацию эпидемии № 2 (так в меди-

цинских документах именовался брюшной тиф) с 31 января по 27 марта 1945 г. был направлен И.И. Самарин, который умер от тифа 16 марта, участвовала в ликвидации эпидемии заврайздравотделом Кузнецова (имя неизвестно. — *Л.А.*)¹⁰⁴.

В годы войны жители села Нижневартовского в полной мере разделили всю тяжесть военного лихолетья. Имея ограниченные ресурсы, отправляли на фронт все, сами довольствуясь малым. Большинство жителей с пониманием относились к общей беде, многие работали, не щадя себя, терпели и надеялись на Победу.

Примечания

¹ Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (ГАХМАО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 205. Л. 6—7; Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. П-107. Оп. 1. Д. 827. Л. 4 об.

² ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 222. Л. 46.

³ Там же. Ф. 118. Оп. 2. Д. 19. Л. 8, 35; Д. 21. Л. 31; Д. 16. Л. 5.

⁴ Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 33. Л. 12.

⁵ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 689. Л. 57.

⁶ ГАХМАО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 97. Л. 3.

⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 865. Л. 1.

⁸ ГАСПИТО. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 4. Л. 8 об.

⁹ Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 33. Л. 17.

¹⁰ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 697. Л. 8 об.

¹¹ Майорова О.А. Карточки Отечественной войны // Мира не узнаешь, не зная края своего: Мат-лы 5-х краев. чтений. Нижневартовск, 2001. С. 61.

¹² О целевом снабжении рыбаков // Стахановец. 1942. 14 мая.

¹³ ГАХМАО. Ф. 129. Оп. 2. Д. 14. Л. 135 об.

¹⁴ Дороги судьбы — дороги Победы: Сб. док. и мат-лов / Муниципальное бюджетное учреждение «БИС»; Муниципальное бюджетное учреждение «НКМ им. Т.Д. Шуваева». Нижневартовск, 2010. С. 114.

¹⁵ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 210. Л. 254.

¹⁶ Там же. Ф. 129. Оп. 2. Д. 14. Л. 7.

¹⁷ Память / Под ред. Ю.М. Конева. Тюмень, 1994. Т. 3. 1942. 5 января.

¹⁸ Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

¹⁹ Там же. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 31.

²⁰ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 632. Л. 6.

²¹ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 226. Л. 6.

²² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 226. Л. 5.

²³ Там же. Л. 5 об.

²⁴ Там же. Л. 5а.

²⁵ Там же. Ф. 129. Оп. 2. Д. 14. Л. 128.

²⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 210. Л. 15.

²⁷ Дороги судьбы — дороги Победы. С. 102.

- ²⁸ «Стахановец» — орган издания Ларьякского РК ВКП (б) и райисполкома. 1941. 19, 25, 30 сентября; 10, 14 декабря; 1942. 21 января, и т.д.
- ²⁹ Кириллов И.В. Это наша с тобой биография // Ленинское знамя. 1987. 6 марта (№ 46).
- ³⁰ Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 18. Л. 14.
- ³¹ Там же. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 33. Л. 17.
- ³² Майорова О.А. Карточки Отечественной войны. С. 61.
- ³³ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 655. Л. 105.
- ³⁴ Стахановец. 1942. 6 февраля; ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 697. Л. 10 об.
- ³⁵ ГАХМАО. Ф. 129. Оп. 2. Д. 14. Л. 44.
- ³⁶ Там же. Ф. 129. Оп. 2. Д. 11. Л. 38 об.
- ³⁷ Там же. Ф. 129. Оп. 2. Д. 14. Л. 67 об. — 68.
- ³⁸ Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 18. Л. 28.
- ³⁹ ГАХМАО. Ф. 129. Оп. 2. Д. 11. Л. 69.
- ⁴⁰ ГАСПИТО. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 167. Л. 15.
- ⁴¹ Дороги судьбы — дороги Победы. С. 114.
- ⁴² Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 18. Л. 27.
- ⁴³ Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 18. Л. 27.
- ⁴⁴ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 236. Л. 32, 36.
- ⁴⁵ Вартовские колхозы к севу не готовы // Стахановец. 1943. 24 марта.
- ⁴⁶ Почти ровесник века // Местное время. 1997. 26 декабря.
- ⁴⁷ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 763. Л. 74.
- ⁴⁸ Летопись района // Ленинское знамя. 1970. 8 декабря.
- ⁴⁹ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 257. Л. 29 об.
- ⁵⁰ Обеспечим колхозное животноводство грубыми и сочными кормами // Стахановец. 1942. 1 июля.
- ⁵¹ ГАХМАО. Ф. 129. Оп. 2. Д. 11. Л. 55.
- ⁵² Там же. Ф. 129. Оп. 2. Д. 11. Л. 55; Д. 16. Л. 43 об.
- ⁵³ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 806. Л. 124.
- ⁵⁴ ГАХМАО. Ф. 43. Д. 751. Л. 21.
- ⁵⁵ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 763. Л. 81.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 677. Л. 68, 189.
- ⁵⁷ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 806. Л. 33 об.
- ⁵⁸ ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 677. Л. 190; Д. 574 а. Л. 132, 157.
- ⁵⁹ Дороги судьбы — дороги Победы. С. 93—94.
- ⁶⁰ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 633. Л. 66, Д. 806. Л. 40.
- ⁶¹ Казенное учреждение «Исторический архив Омской области» (КУ «ИсА Ом»). Ф. 1699. Оп. 1. Д. 320. Л. 9.
- ⁶² ГАХМАО. Ф. 129. Оп. 2. Д. 21. Л. 164 об.
- ⁶³ ГАСПИТО. Ф. П-96. Оп. 9. Д. 3. Л. 4.
- ⁶⁴ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 62. Л. 5; Ф. 129. Оп. 2. Д. 11. Л. 60 об.
- ⁶⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 210. Л. 50.
- ⁶⁶ Там же. Ф. 129. Оп. 2. Д. 21. Л. 162; Ф. 6. Оп. 1. Д. 210. Л. 1—2.
- ⁶⁷ ГАСПИТО. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 4. Л. 6; Д. 167. Л. 14 об., 17.
- ⁶⁸ ГАХМАО. Ф. 129. Оп. 2. Д. 21. Л. 164.
- ⁶⁹ Дороги судьбы — дороги Победы.

- ⁷⁰ ГАСПИТО. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 167. Л. 16.
- ⁷¹ ГАХМАО. Ф. 129. Оп. 2. Д. 1. Л. 41 об.
- ⁷² Там же. Ф. 118. Оп. 1. Д. 330. Л. 8—9.
- ⁷³ ГАСПИТО. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.
- ⁷⁴ ГАХМАО. Ф. 129. Оп. 2. Д. 14. Л. 71 об.
- ⁷⁵ Там же. Ф. 129. Оп. 2. Д. 14. Л. 128.
- ⁷⁶ Делом отвечать на призыв товарища Сталина // Стахановец. 1941. 14 декабря.
- ⁷⁷ Передовики животноводства // Стахановец. 1944. 8 января.
- ⁷⁸ Дороги судьбы — дороги Победы.
- ⁷⁹ Там же. С. 102.
- ⁸⁰ Сподина В.И. Мегион. Омск, 2000. С. 50.
- ⁸¹ Стахановец. 1942. 20 февраля.
- ⁸² ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 697. Л. 9; Д. 801. Л. 12, 25, 26 об.
- ⁸³ Там же. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 622. Л. 7.
- ⁸⁴ Шуваев Т.Д. Нижневартовск. Город и район (История возникновения и развития). Рукопись. Нижневартовск, 1973. С. 31.
- ⁸⁵ Летопись района // Ленинское знамя. 1970. 8 декабря.
- ⁸⁶ Михайловский В.Л. Расположить душу к исторической справедливости // Западная Сибирь: история и современность. Нижневартовск, 2011. С. 129.
- ⁸⁷ Память / Под ред. Ю.М. Конева. Тюмень, 1994. Т. 3. С. 119.
- ⁸⁸ Там же. С. 119.
- ⁸⁹ Компанец Е.К. Страницы истории общественно-политической региональной газеты ХМАО — Югры «Местное время» (1941—2011 гг.) // Западная Сибирь: история и современность. Краев. зап. Нижневартовск; Омск, 2011. Вып. 11. С. 68.
- ⁹⁰ Дороги судьбы — дороги Победы. С. 31—83.
- ⁹¹ Патрикеев Н. Дети Югры — фронту // Новости Югры. 1995. 20 апреля.
- ⁹² Ситников П.С. Пережитое // Югра. 1994. № 2.
- ⁹³ Черепанова В. Последние копейки мы собирали на боевой самолет // Местное время. 2002. 8 мая.
- ⁹⁴ ГАХМАО. Ф. 129. Оп. 2. Д. 14. Л. 25.
- ⁹⁵ ГАСПИТО. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 156. Л. 1, 4.
- ⁹⁶ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 209. Л. 3.
- ⁹⁷ Стахановец. 1945. 5 января.
- ⁹⁸ ГАСПИТО. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 117. Л. 88.
- ⁹⁹ Компанец Е.К. Страницы истории общественно-политической региональной газеты ХМАО — Югры «Местное время» (1941—2011 гг.). С. 168.
- ¹⁰⁰ «Несли добро и милосердие...» (История здравоохранения Нижневартовского района) / Сост. Т.В. Гришаева. Нижневартовск, 2003. С. 9.
- ¹⁰¹ Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 33. Л. 74.
- ¹⁰² Дороги судьбы — дороги Победы.
- ¹⁰³ ГАСПИТО. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 167. Л. 17.
- ¹⁰⁴ «Несли добро и милосердие...». С. 10—13.

ГЛАВА 2

УДК 93/94

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПИТАНИЕМ ДЕТДОМОВЦЕВ, ЭВАКУИРОВАННЫХ ИЗ ЛЕНИНГРАДА В ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОКРУГ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В разделе на основе новых архивных источников представлено положение с обеспечением питания детей, эвакуированных из Ленинграда и размещенных на Севере Западной Сибири.

Ключевые слова: детский дом; дети; ленинградцы; север; эвакуация; Ленинград; Ханты-Мансийский округ; питание.

SOLUTION OF THE PROBLEM OF PROVIDING WITH FOOD OF THE ORPHANS EVACUATED FROM LENINGRAD TO THE KHANTY-MANSI NATIONAL DISTRICT IN DAYS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. Situation with ensuring food of the children evacuated from Leningrad and placed in the north of Western Siberia is presented in the section on the basis of new archival sources.

Key words: orphanage; children; Leningrad residents; North; evacuation; Leningrad; Khanty-Mansi Autonomous Area; food.

История детства является предметом исследования ученых кафедры истории России Нижневартковского государственного университета и их учеников уже не первое десятилетие. Исследованы проблемы обучения и воспитания детей с середины XVIII в. (О.П. Цысь и В.В. Цысь) до середины XX в. (Л.В. Алексеева, В.В. Мошкин, Н.С. Салимова, К.Г. Букренева). В рамках исследований 1920—40-х гг. изучены проблемы социальной адаптации детей в переломные периоды советской истории, а также исторический опыт по спасению эвакуированных детей на территории Ханты-Мансийского округа в годы Великой Отечественной войны.

В результате проведенных исследований К.Г. Букреновой выявлено, что эвакуация населения из Ленинграда, и в том числе

детей, осуществлялась в три этапа. 1-й этап — с конца июня до сентября 1941 г. Прежде всего вывозились дети. В целом же, в сложнейших условиях первых двух месяцев войны удалось отправить в тыловые районы страны 636 тыс. человек. 2-й этап — с середины сентября 1941 г. до апреля 1942 г. За это время по ладожской ледовой трассе, а также водным и воздушным путем вывезено еще 659 тыс. человек. 3-й этап — с мая по октябрь 1942 г., когда в тыл было отправлено еще 403 тыс. человек. Всего с 29 июня 1941 г. по 1 апреля 1943 г. из Ленинграда было вывезено 1 млн. 743 тыс. человек, из них 414 тыс. детей¹. В январе 1942 г. из-за длительных перебоев в снабжении города продуктами, сильных морозов резко возросла смертность среди населения, а соответственно, и уровень беспризорности. Городское руководство приступило к скорейшему развертыванию широкой сети детских домов. В результате, если в середине декабря 1941 г. в Ленинграде насчитывалось 17 детских домов, то к февралю 1942 г. их стало 64, а к началу марта — 98². Детей приняли свыше 20 субъектов государства, в числе которых оказалась и Омская область, к июню 1942 г. здесь разместили 109 ленинградских детских учреждений.

На север Омской области попали дети ленинградских детских домов, вывезенных из города с мая по октябрь 1942 г., т.е. в период последней массовой эвакуации. Решение о ней было принято военным советом Ленинградского фронта 18 мая 1942 г. Предполагалось удалить из Ленинграда еще 300 тысяч человек. Продолжилась и эвакуация детей из детдомов³. В этой связи советский историк А.С. Уродков подчеркивал: «Вместе со взрослыми людьми весной и летом 1942 г. эвакуировались и дети-сироты. Они были живыми свидетелями гибели своих близких и пережили ужасы разрушений от бомбардировок и артиллерийских обстрелов. Физическое и моральное состояние детей безотлагательно требовало перемены обстановки и изменения бытовых условий. Ленинградские партийные и советские организации предпринимали все возможное для облегчения участи осиротевших детей. Поэтому дети-сироты, находившиеся в детских домах и домах малютки, вывозились в первую очередь»⁴. С 1 ноября 1942 г. решением Ленгорисполкома эвакуация людей была прекращена.

На 1 августа 1943 г. в Омской области функционировали 82 интерната, в которых находилось 7 972 человека, 26 детских до-

мов численностью 2 211 человек, 10 домов малютки и яслей. Общее количество детей — более 15 тыс. человек. Всего детских учреждений было 118. Эти данные взяты из отчета о работе детских интернатов и детских домов, эвакуированных из Ленинграда и размещенных в Омской области⁵. Ресурсы области для обустройства прибывавших людей находились на грани возможного, поэтому было принято решение о размещении 10 ленинградских детских домов на севере, в местности неблагоустроенной, с тяжелым климатом. До недавнего времени исследователи имели весьма скудные представления об истории эвакуации детских домов в Ханты-Мансийский округ, который в годы войны входил в состав Омской области (а с августа 1944 г. отошел к Тюменской). Многие документы рассредоточены по различным фондам разных архивов, значительная часть которых была, а некоторые остаются и сейчас засекреченными. Так, например, в 1990-е гг. с фонда 426с — секретной части архивного фонда Омского облисполкома (Казенное учреждение «Исторический архив Омской области») были сняты все ограничения для использования, и исследователи получили неоценимый материал для изучения роли и места Омской области в победе над фашизмом. В 2009 г. по этим документам был подготовлен перечень, раскрывающий состав и содержание этой части фонда облисполкома (Опись № 21). Часть документов отражают и историю детской эвакуации. В последние годы появились работы, где предметом изучения стали детские дома ХМАО в годы войны⁶.

Проблемы по транспортировке, размещению, обустройству детских домов были очень сложные, порой трудноразрешимые, а иногда и вовсе не решаемые. Из протокола заседания Ханты-Мансийского окрисполкома № 24 от 28 июля 1942 г. следует, что ожидалась к прибытию 1 000 человек детей-блокадников. Было принято решение о формировании 12 детских домов⁷. Вплоть до окончания навигации дети продолжали прибывать в округ. Так, газета Кондинского района «Сталинский путь» от 13 сентября 1942 г. сообщала о прибытии 240 детей, а от 4 октября — о прибытии еще 200 детей. Из протокола заседания окрисполкома № 164 от 24 октября 1942 г. следует, что в округ прибыло 10 эвакуированных ленинградских детдомов (782 ребенка школьного и

162 ребенка дошкольного возраста). Авторами установлено, что последний детский дом из Ленинграда в округ прибыл 16 октября⁸.

Размещение в целом прошло организованно. Была проделана предварительная работа по ремонту и подготовке зданий, их оборудованию; завезены продукты, белье, одежда. Население старалось организовать теплую встречу прибывшим детям: горячее питание, гостинцы, подарки. Так, например, в середине августа 1942 г. года на собрании комсомольцев и актива молодежи колхоза имени Первого Мая в поселке Песчаный (Сургутский район) обсуждался вопрос об организации приема эвакуированных детей из блокадного Ленинграда и создании им надлежащих условий. Секретарь ячейки Е.С. Кайдалова говорила: «Дети погибших отцов и матерей должны найти горячий прием среди населения. Государство уделяет большое внимание этому. В районе организуется три детдома. Во избежание больших затрат для устройства детских домов нужно изыскать средства на месте путем устройства субботников (воскресников), постановки спектаклей, путем разъяснительной работы среди населения в целях мобилизации его на помощь детям, чьи родители погибли по вине Гитлера. Нужно организовать сбор вещей, посуды для детей»⁹.

Всего на территории ХМНО в годы войны действовало 12 детских домов, из которых 10 являлись эвакуированными из Ленинграда. По состоянию на 7 октября 1942 г. в детдомах округа жили 1 000 человек¹⁰. По данным на 24 октября 1942 г., численность детей ленинградских детских домов составила 944 человека¹¹. В Самаровском районе детские дома располагались в поселках Урманый (97 воспитанников), Кедровый (107 воспитанников), Нялино (100 воспитанников). В Микояновском районе — в пос. Большой Камень (101 воспитанник) и в селе Заречное (94 воспитанника). В Кондинском районе — в пос. Листвиничный (100 воспитанников) и Ягодный (96 воспитанников). В Сургутском районе — в с. Песчаное (82 воспитанника), в г. Сургуте (90 воспитанников) и в с. Ячское (116 воспитанников). В Березовском районе детский дом находился в пос. Шайтайский, в нем было 138 воспитанников¹².

Окрисполкомом на заседании 26 декабря 1942 г. отмечались детдома Кедровский (директор Малахова), Большекаменский (директор Добровольский), Сургутский (директор Шемеленина), как

добившиеся значительных успехов в деле организации нормальной жизни, воспитания и обучения детей¹³, а также детдома, имевшие крупные недостатки: Зареченский, Лиственничный, Ямской, Нялинский, Сургутский, Урманый, Ягодный, Песчаный (не обеспечены жилой площадью, топливом, мебелью, одеждой и обувью).

Одной из постоянных проблем, призванных обеспечить не только биологическое существование детей, но и удовлетворительное поддержание их жизни (в тяжелейших условиях военного времени, травмированных психически), являлось питание. Материально-бытовое состояние ленинградских детдомов в эвакуации было неодинаковым, многое зависело от комплекса факторов, немалую роль играли личные качества работников детдомов, органов образования, представителей власти и местного населения. «Вне всякого сомнения, — считает Т.И. Дунбинская, — центральным вопросом жизнеобеспечения детей в годы войны был продовольственный. Ситуация с обеспечением детей питанием была весьма сложной, временами критической. Ценой напряжения сил, перераспределения фондов, через общественные детские столовые, посредством подсобных хозяйств детских учреждений и организованных молочных кухонь, в течение войны удавалось обеспечить необходимый для жизни минимум питания детей. Постоянное недоедание стало характерной чертой военного времени. Люди, пережившие войну в детском возрасте, никогда не позволяли и не позволяют сегодня себе и другим пренебрежительно относиться к продуктам питания. Они слишком хорошо знают, что такое голод. Это историческая боль целого поколения наших граждан»¹⁴. Детям, эвакуированным из Ленинграда, в течение двух месяцев со дня прибытия устанавливалось усиленное питание. Сверх продуктов по карточкам каждому ежемесячно полагалось по 2 200 г мяса и рыбы, 600 г жиров, 500 г сахара и кондитерских изделий¹⁵.

В областных органах власти существовало мнение, что на севере области население живет вполне сносно и даже хорошо по меркам военного времени, южные же районы области уже не могли справиться с растущим притоком новых иждивенцев, однако, проблемы с продовольствием в округе имелись, и весьма существенные. Собственное сельское хозяйство не могло обеспе-

чить питанием все нуждающееся население. Поставки продуктов извне в округ были практически прекращены, а товарные фонды были незначительны по объемам и ассортименту, поэтому большую роль в обеспечении населения играли подсобные хозяйства. Все детдома стали заводить скот, птицу, распахивать огороды. Например, Ленинградская школа-интернат в пос. Ягодный прибыла 14 сентября 1942 г. В отчете директора отмечалась необходимость развития подсобного хозяйства: «В будущем году необходимо отвести детдому 2-3 гектара земли для подсобного хозяйства и просить Омское ОБЛОНО при утверждении сметы на 1943 год учесть ассигнования в сметных расходах на приобретение 2-х коров, 5-ти поросят и семенного материала»¹⁶. В «Информационном отчете о работе детдома № 80» (ноябрь 1943 г.) было указано: «Ленинградский детдом № 80 организован в пос. Кедровом 3-го сентября 1942 г. Надворный участок — 0,1 га. Приусадебный участок под огород — 0,33 га. Имелись подсобные постройки, свинарник, овощехранилище»¹⁷. Сажали картофель, морковь, свеклу, капусту, лук. Дети ухаживали за лошадьми, коровами, свиньями. Самостоятельно убирали урожай»¹⁸. В «Отчете о работе детдома № 80 (пос. Кедровый) за IV квартал 1943 г.» в разделе «Обеспечение материально-бытовых условий» указывалось: «Приобретено: 9 поросят (свинья весом в 80 кг забита к 7/XI-43 г.), лошадь. Засолено 20 центнеров капусты»¹⁹. В отчете также сообщалось: «В сентябре месяце слабо обстоял вопрос со снабжением детдома. Были приняты срочные необходимые меры, и вопрос снабжением с трудом был налажен. Приобретены ненормированные продукты (огурцы, капуста, картофель — 31 т, турнепс)... Проведенные 9 обследований показали, что меню обедов, завтраков и ужинов разнообразное, а само питание вкусно и питательно»²⁰. Безусловно, надо учитывать, что «разнообразным и вкусным» питание детей было с учетом нелегкой военной поры. «Детский дом им. Павлика Морозова был сформирован 1/X-1942 года и в тот же день отправлен в X-Мансийский округ... всего детей было 68 чел. — 23 девочки и 45 мальчиков. В Нялино приехали 19-го октября. Население нас встретило с подарками, мы получили 32 подушки, 2 мешка картошки. Ведро молока. Питание в д/доме не плохое, дети упитанные. Из продуктов получали: крупу, молоко, сливки, масло сливочное, сахар, соленую рыбу и кар-

тофель. Других овощей нет, а также и ягод нет. Свежую рыбу получили только в декабре»²¹. Снабжение осуществлялось главным образом по выделенным фондам. Однако проблема состояла в том, что иногда этих фондов попросту не хватало или необходимые продукты отсутствовали, следовательно, их заменяли другими, иногда и более дорогостоящими. Так, часто вместо сахара давали карамель или даже шоколад. Вместо мяса — рыбу, вместо муки — крупу и т.д. Большую помощь оказывало и местное население, делясь с детдомовцами некоторыми продуктами.

В течение всей войны Совет Народных Комиссаров СССР продолжал следить и, по возможности, улучшать работу детских учреждений. В конце апреля 1943 г. вышло распоряжение правительства «О создании дополнительных источников снабжения детских домов и детских интернатов продуктами питания». Этот документ способствовал организации при каждом детдоме и интернате собственного подсобного хозяйства. Земля предоставлялась из государственного фонда, необходимые материальные средства выделялись на приобретение учреждениями домашнего скота и строительные работы. В начале сентября 1943 г. СНК СССР принял постановление «Об улучшении работы детских домов». Руководство страны пыталось унифицировать систему обеспечения продуктами детских учреждений, были утверждены нормы их продовольственного снабжения. Несмотря на трудности и лишения, детские учреждения были обеспечены питанием. Они находились под постоянным контролем со стороны местных властей, а потому могли своевременно информировать ответственных лиц о своих текущих потребностях и возникавших трудностях, последнее, в свою очередь, вместе с населением делали все возможное для материального обеспечения эвакуированных детей, проживавших в детских домах Ханты-Мансийского национального округа.

Примечания

¹ Долганова А.Ю. Эвакуация детских учреждений в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны. URL: bubook.net/.../17-yevakuaciya-detskix-uchrezhdenij-v-zapadnyu-sibir-...

² Там же.

³ Блокада Ленинграда. Исторические факты. URL: http://spbgau.ru/museum/70_let_snatiya_blokady_leningrada

⁴ Уродков С.А. Эвакуация населения Ленинграда в 1941—1942 гг. // Вестн. Ленинград. ун-та. 1958. № 8. С. 88—102.

⁵ Казенное учреждение «Исторический архив Омской области». Ф. 1272. Оп. 1. Д. 236. См.: Известия ОГИК музея. № 10. URL: museum.omsklecom.ru

⁶ См., например: Чукова А.С. О проблеме обеспечения продуктами питания и ее решении в эвакуированных детских учреждениях Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // 80 лет ХМАО. Вехи истории: Мат-лы регион. науч. конф. (Нижевартовск, 10 декабря 2010 г.) / Отв. ред. Л.В. Алексеева. Нижевартовск, 2010. С. 68—72; Букренева К.Г. Эвакуация детей из блокадного Ленинграда: этапы, численность, транспортировка // Науч. тр. аспирантов и соискателей Нижевартовского гос. гуманит. ун-та. Вып. 9 / Отв. ред. А.В. Коричко. Нижевартовск, 2012. С. 49—52; Букренева К.Г. Эвакуация детеленинградцев в Западную Сибирь в 1941—1942 гг.: этапы и численность // Шатиловские чтения: Мат-лы XIV краевед. конф. (20 апреля 2012 г.) / Отв. ред. Я.Г. Солодкин. Нижевартовск, 2012. С. 62—67; Букренева К.Г. Эвакуация детей и детских учреждений на Севере Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (г. Нижевартовск, 7—8 февраля 2012 г.). Ч. 1. История идей и история общества. Отечественная история / Отв. ред. А.В. Коричко, В.Н. Ерохин, Я.Г. Солодкин, 2012. С. 215—218; Букренева К.Г. Эвакуация гражданского населения (в т.ч. детей) в Западную Сибирь (1941—1943 гг.): к вопросу о численности // Навечно в памяти народной: Мат-лы шестой науч.-практ. конф., посвящ. военным юбилеям истории России (Нижевартовск, 27 апреля 2012 г.) / Под ред. проф. Н.В. Сапожниковой. Электронное издание. Нижевартовск, 2013. С. 179—184; Букренева К.Г., Алексеева Л.В. Эвакуированные детские учреждения в Западной Сибири и Ханты-Мансийском национальном округе (1941—1942 гг.) // Актуальные проблемы современного образования: Науч.-метод. тр. / Отв. ред. Л.В. Алексеева. Нижевартовск, 2014. Вып. 1. С. 75—77; Алексеева Л.В., Букренева К.Г. Размещение ленинградских детских домов в период эвакуации на территории Ханты-Мансийского национального округа // Клио. 2014. № 7 (91). С. 484—87, и др.

⁷ Казенное учреждение «Государственный архив ХМАО — Югры». Ф. 1. Оп. 1. Д. 209. Л. 32.

⁸ Там же. Д. 210. Л. 20.1

⁹ novpriob.ru/download/media/project.../604090-ot-11062014.pdf

¹⁰ КУ «ГА ХМАО — Югры». Ф. 5. Оп. 1. Д. 184. Л. 240.

¹¹ Алексеева Л.В., Букренева К.Г. Размещение ленинградских детских домов в период эвакуации на территории Ханты-Мансийского национального округа // Пять столетий Югры: Проблемы и решения, итоги и перспективы: Кол. моногр. / Под общ. ред. проф. Л.В. Алексеевой. Нижевартовск, 2014. Ч. IV. С. 63.

¹² КУ «ГА ХМАО — Югры». Ф. 5. Оп. 1. Д. 184. Л. 166.

¹³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 210. Л. 289.

¹⁴ Дунбинская Т.И. Социальная адаптация детей на территории Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: анализ исторического опыта: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. URL: www.dissercat.com

¹⁵ Там же.

¹⁶ КУ «ГА ХМАО — Югры». Ф. 5. Оп. 1. Д. 184. Л. 3—4.

¹⁷ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 117. Л. 26.

¹⁸ kedroviy.ru/index/kniga_pamjati/0-58

¹⁹ КУ «ГА ХМАО — Югры». Ф. 14. Оп. 1. Д. 117. Л. 27.

²⁰ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 184. Л. 32—33.

²¹ Там же. Л. 90.

Глава 3

УДК 93/94

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА И СПЕЦТЕХНИКИ В ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ РАБОТАХ К ОСВОЕНИЮ САМОТЛОРСКОГО НЕФТЕГАЗОВОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ

Аннотация. В разделе на основе новых источников раскрывается состояние обеспеченности транспортными средствами предприятий города Нижневартовска, дается характеристика основных видов транспорта, выявляется роль транспортников в освоении месторождения.

Ключевые слова: транспорт; автомобиль; специальная техника; Самотлор; месторождение; дорога; перевозка; груз.

TO THE QUESTION OF PARTICIPATION OF THE MOTOR TRANSPORT AND SPECIAL EQUIPMENT IN THE PREPARATORY WORK TO DEVELOPMENT OF THE SA- MOTLORSKY OIL AND GAS FIELD

Abstract. In the section on the basis of new sources the condition of security with vehicles of the enterprises of the city of Nizhnevartovsk reveals, the characteristic of main types of transport is given, the role of transport workers in development of a field comes to light.

Key words: transport; car; special equipment; Samotlor; field; road; transportation; freight.

Большой вклад в освоении Самотлорского месторождения внесли работники транспортных предприятий. К сожалению, значительное время эта тема не являлась предметом специального изучения.

Предпринятые авторами попытки по поиску архивных источников и их извлечение позволили на данном этапе лишь приблизиться к некоторому пониманию всей сложности заявленной темы.

Промышленный автомобильный транспорт осуществлял перевозки до объектов инфраструктуры, по территории месторождения и за его пределами. Автомобильный транспорт отличается высокой маневренностью, способностью преодолевать кривые малых радиусов и большие подъемы. Для карьеров был создан целый ряд большегрузных автосамосвалов, которые обеспечивали эффективную совместную работу с мощными карьерными экскаваторами.

В подготовительных работах, в перевозке грузов и людей использовались грузовые и легковые автомобили, а также автобусы различных марок.

В структуру Управления автомобильного транспорта Главтюменнефтегаза в 1972 г. входило 11 АТК, ТК, СпецАТК, Рэбфлота, Нижневартовское РСУ. Производственный трест автомобильного и водного транспорта другого главка «Главтюменнефтегазстрой» имел в своем составе 14 предприятий (данные на 1 января 1974 г.). В их числе нижневартовское предприятие — Автобаза № 9¹. В составе треста «Самотлорнефтепромстрой», образованно-го 18 июля 1974 г., оказались автобазы № 9 и 10².

Грузовые автомобили.

Среди грузовых автомобилей наибольшее распространение имели следующие марки: Татра-138, Татра-148, КрАЗ-255, Краз-257, КрАЗ-25761, Урал-375, Урал-377, ЗиЛ-131, ГАЗ-53, ГАЗ-52, ГАЗ-51, гораздо позднее стали появляться КамАЗы.

В 1973 г. в автобазе № 9 г. Нижневартовска имелось 264 грузовых автомобиля³. В 1974 г. потребности автобазы в технике были удовлетворены Главком в следующем виде:

- 1) бортовые автомобили — потребность 22 ед., выделено 9;
- 2) трубовозы — потребность 8 ед., выделено 4;
- 3) панелевозы — потребность 8 ед., выделено 4;
- 4) вахтовые автомобили — потребность 25 ед., выделено 14⁴.

Одними из наиболее востребованных машин были самосвалы марки «Татра». Закупались эти машины в Чехословакии (завод в Копршивнице). На базе Татра-138 выпускались и поставлялись в СССР: карьерный самосвал Татра-138S-1 с кузовом ковшевого типа; самосвал с трехсторонней разгрузкой Татра-138S-3, новая модель Татра-148. Модель Татра-148 оснащался очень мощным 8-цилиндровым двигателем, который работал на дизельном топливе. Солярка могла использоваться даже не очень высокого каче-

ства — никакого вреда мотору это не наносило (что было на пользу нефтяникам). Грузоподъемность составляла 16 т. Для первичного ремонта этих машин в Нижневартовске был основан чешский филиал завода «Татра». Строительство закончено в 1981 г.⁵ Очень положительно об этих автомобилях отзывался Р.Г. Хабиров. Например, только в четвертом квартале 1974 г. тресту «Самотлорнефтепромстрой» были поставлены задачи по вывозке грунта на строительные объекты Самотлора в пределах 1 млн м³. Для этого требовалось ежедневно выделять не менее 50 ед. Татр. Фактически же могли выделить только 23-25 ед.⁶ Но Татры были хоть и полезными, но сравнительно малочисленными машинами, основу автопарка предприятий Нижневартовска составляла техника советского производства.

Одними из наиболее многочисленных автомашин были КраЗы разных модификаций, производимых Кременчугским автомобильным заводом с 1967 по 1994 гг.⁷ В Нижневартовском леспромпхозе в 1979 г. вывозка древесины осуществлялась специальными автомобилями КраЗ-255⁸.

КраЗ-257 стал настоящим титаном среди современников: его грузоподъемность составила 12 т (увеличение на 10%). Более того, новый грузовик смог перевозить прицепы с общей максимальной массой 16,5 т. Модель 257 Б1С создавалась для северных широт: водительская кабина с двойным остеклением, с повышенной теплоизоляцией, шины и резиновые шланги выполнялись из морозостойкой резины, которая могла эксплуатироваться при температуре -60°C .

Следующая группа автомобилей, использовавшихся в подготовительных работах, — это Урал (Урал-377 — трехосный грузовой автомобиль, производившийся на Уральском автомобильном заводе в Миассе с начала 1960-х гг.). Начался выпуск грузовика повышенной проходимости колесной формулы 6x4 Урал-377. Завод стал производить также седельный тягач УРАЛ-377С (масса буксируемого полуприцепа 18 500 кг), ЗИЛ-131 (грузовой автомобиль повышенной проходимости производства завода им. Лихачева (ЗИЛ)). Массово использовался в лесхозах по причине высокой проходимости, неприхотливости и объема кузова. С 1958 по 1961 гг. выпускался ЗИЛ-157, с 1961 по 1978 гг. — ЗИЛ-157К, ГАЗ-51 (грузовой автомобиль грузоподъемностью 2,5 т; наиболее

массовая грузовая модель 50—70-х гг., с 1983 до января 1993 г. выпускался под индексом ГАЗ-53-12 Горьковским автозаводом). В 1970-х гг. использовался автомобиль марки ГАЗ-66⁹.

Использование имевшегося автотранспорта происходило в тяжелых условиях. Стоит подчеркнуть, что обширный парк строительных и прочих мобильных машин, эксплуатирующийся на Самотлорском месторождении, нуждался в адаптации к климатическим особенностям. Другой проблемой являлось старение техники без опережающего пополнения¹⁰.

Особенно трудными были первые годы. В автотранспортной конторе (АТК) в период начального освоения Самотлора (1969—1970 гг.) было сосредоточено значительное количество тяжелой дорогостоящей техники¹¹. В работе организации было много проблем. Они касались хранения, обслуживания, снабжения, ремонта техники, организации труда и отдыха водителей¹². Так, начальник колонны № 1 Н.Г. Хитров говорил на партийном собрании АТК 28 февраля 1969 г.: «В течение трех месяцев парк был парализован. Нет дизтоплива. Новые аккумуляторы выведены из строя»¹³. Начальник гаража М.Н. Валитов сообщал о простоях на ремонте, поскольку не было крана, а также сварщика. Начальник колонны № 3 И.А. Волковский говорил, что в колонне разукomплектованы 16 машин. В АТК имело место разграбление машин. Двигатели быстро выходили из строя, отремонтировать их на месте не могли, в таком виде машина могла стоять долгое время. Видя все это и испытывая острый дефицит запчастей, с нее начинали снимать агрегаты, узлы и т.д. В результате машина разукomплектовывалась и превращалась в металлолом¹⁴. Транспорт предприятия перевозил грунт, трубы, цемент, горючее.

В 1970-х гг. ситуация в транспортных предприятиях несколько улучшилась (особенно стали заметны изменения к лучшему с середины десятилетия). Так, в АТК стали регулярно проводиться осмотры на предмет технического состояния автомобилей. Во всех автоколоннах работали технические комиссии. При этом, как говорил начальник колонны № 8 Ю.И. Левковский, много техники стояло, которая не работала (это автомобили «Урал» и «Газ-66»). В частности, он отмечал: «В колонне очень много разукomплектованных машин, техника не закреплена за водителями». По его словам, колонна нуждалась в технической помощи, а также в

борьбе с процветающим в ней воровством¹⁵. На заседании партийного бюро АТК 17 января 1973 г. был отражен вопрос о проблемах ремонта автомобилей. Особенно остро обстояло дело с ремонтом двигателей, отсутствовала их горячая обкатка. Причинами выхода двигателей из строя назывались нарушения эксплуатации. Двигатели ломались после пробега 10 тыс. км, хотя по техническим условиям запас прочности составлял 80-100 тыс. км. В том же документе сообщалось, что техника в АТК новая¹⁶. На заседании партбюро 28 ноября 1974 г. заслушивались начальники колонн о техническом состоянии парка и мерах по предупреждению ДТП. Г.П. Варфоломеев — начальник колонны № 6 — сообщил, что всего имеется 94 автомобиля, из них на линии — 65, на ремонте — 19. В колонне № 3 на линию выпускалось 46 машин. В автоколонне № 5 имелось 106 автомобилей, работали 73. Следовательно, проблемы с техническим состоянием имели место, что и отмечали собравшиеся, думая, как наладить правильную эксплуатацию и своевременный, качественный ремонт транспортных средств¹⁷.

Схожие проблемы с автомобильным парком наблюдались и в СУ-909. Д.М. Батраков (механик), выступая на партсобрании 19 февраля 1970 г., обращал внимание на неполадки в хозяйстве, в частности, на простои автомобилей, холостые пробеги; сетовал по поводу низкой квалификации водителей¹⁸. Другой механик этого предприятия (Чарушин) сообщал о наличии 35 самосвалов, использовавшихся для работы в карьере¹⁹. В.М. Улько говорил, что имевшихся на автобазе 95—105 единиц транспорта недостаточно для перевозки грузов. При этом на трассу выходила только половина из них²⁰.

В автобазе № 9 улучшилась работа по техническому обслуживанию, увеличилось количество мест для обогрева машин. Предпринимались меры по организации 2-сменной работы автотранспорта. Шла работа и по переоборудованию бортовых машин на седельные тягачи. Наблюдались улучшения по использованию автоприцепов. Но использовать их на полную мощь было затруднительно, т.к. нередко отсутствовали подьезды и площадки для разворотов и маневрирования. Проводилась регулярная работа по полной загрузке автомобилей, по сокращению и ликвидации холостых прогонов. Очень важным для обеспечения безопасности

движения стало введение в 1973 г. на автобазе должности инженера по БД²¹. На автобазе хорошо были организованы курсы по повышению квалификации водителей²².

Большим тормозом в работе автомобильного транспорта являлись плохие дороги и подъезды к местам погрузки и разгрузки. Как минимум на 50% снижалась по этой причине производительность автотранспорта на зимниках²³.

Спецтехника.

Большое значение в подготовительных работах имела специальная техника. Использовались следующие виды тракторов.

T-100 — промышленный гусеничный трактор²⁴, выпускавшийся Челябинским тракторным заводом с 1964 по 1977 гг. Изначально трактор проектировался для использования в составе бульдозера ДЗ-53 с канатным управлением отвалом. Позже бульдозерное оборудование было модифицировано за счет применения гидравлической системы и получило обозначение ДЗ-54. К бульдозеру ДЗ-54 выпускалось 14 наименований дополнительного оборудования: рыхлитель, кусторез, камнеудалитель, корчеватель пней, уширители, открьлки и др. Трактор также использовался как шасси для трубоукладчика, свайного копра и подъемного крана.

Трактор T-130 являлся глубокой модернизацией трактора T-100²⁵. Трактор выпускался в двух модификациях: обычной и болотоходной (T-130Б) с увеличенной площадью гусениц. Трактор использовался в составе бульдозерно-рыхлительного агрегата, а также как базовая машина для трубоукладчика и свайного копра.

Трактор ДЭТ-250 — многоцелевой трактор повышенной проходимости²⁶. Выпускался с 1961 г. Челябинским заводом. Бульдозер стал первым образцом спецтехники в СССР, которая получила электронную трансмиссию. Это решение позволило без проблем использовать трактор в холодных районах страны, но также привело и к ряду недостатков. Машина стала гораздо тяжелее своих конкурентов с гидромеханической трансмиссией. Также потребовалась более сложная система охлаждения. Большой вес потребовал использования мощного силового агрегата, который потреблял много горючего, но при этом не мог быть использован с максимальной полезностью из-за тяжести трактора.

Спецтехника применялась на строительных работах для перемещения земельных масс. Установленное в задней части рыхлительное оборудование позволяло проводить предварительное рыхление мерзлых, каменистых и твердых грунтов с целью их последующей подготовки под застройку. Также на трактор можно было установить бурильное и траншейное оборудование для землеройных работ или использовать машину как тягач на добывающих и лесозаготовительных производствах. Гусеничная тяга позволяла бульдозеру успешно преодолевать любое бездорожье и даже работать на болотистых местностях при установке более широких гусениц.

Имелись также тракторы следующих моделей: ЛТ-157 — лесопромышленная модификация трактора Т150К-09 повышенной проходимости, с каркасом безопасности, шинами 23,1—26²⁷, предназначена для эксплуатации с трелевочным оборудованием; трактор К-700 — колесный трактор общего назначения повышенной проходимости, тяговый класс 5. Предназначен для выполнения в агрегате с навесными, полунавесными и прицепными широкозахватными машинами транспортных, дорожно-строительных, мелиоративных, землеройных и других работ. С 1975 г. на Кировском и Ленинградском заводах начался серийный выпуск моделей К-700А (модификация трактора К-700), отличавшихся большей базой, более мощным двигателем, лучшей вместимостью и количеством топливных баков, измененной конструкцией отопителя кабины, а также унификацией деталей и другими изменениями. Мощность двигателя 230 л.с. Скорость движения 2,6—33,8 км/ч. Масса 12,8 т. Длина 6820 мм, ширина 2850 мм, 3685 мм). А также модель К-701.

В Нижневартовском леспромхозе в 1979 г. в производство была внедрена новая лесозаготовительная техника: валочно-пакетирующая машина ЛП-19 и бесчечерный трелевочный трактор ЛТ-57. Каждая из работающих машин заменяла труд двух вальщиков и двух помощников²⁸.

Большое значение имела экскаваторная техника, которая выполняла в том числе и погрузку грунта на автомобили. Так, в тресте «ННСС» в 1981 г. в ССУ-2 имелось 13 экскаваторов, 25 бульдозеров, 5 тракторов, 2 автогрейдера²⁹. И.В. Обьедкин — машинист экскаватора СУ-909, выступая на партсобрании 21 января

1975 г., говорил о том, что не хватает автомашин, экскаваторы простаивают, карьеры расположены далеко. В частности, он заметил: «Нам только бы машины — за нами дело не станет»³⁰. Имел распространение на объектах Самотлора и автопогрузчик АП 4055М, предназначенный для погрузочно-разгрузочных работ на базах, складах снабжения и строительных площадках. Мог работать с быстросъемными навесными приспособлениями.

Среди кранов наибольшее распространение приобрел К-162 — кран, смонтированный на шасси КрАЗ-257К (КрАЗ-219). Шасси оборудовано торсионным стабилизатором и выдвигаемыми выносными опорами, устанавливаемыми вручную. Грузоподъемность 16 т. Опорно-поворотное устройство шариковое двухрядное. Основное стреловое оборудование включает жесткую решетчатую стрелу. В комплект сменного рабочего оборудования входят три модификации жестких удлиненных стрел, три модификации удлиненных стрел с гуськами и башенно-стреловое оборудование. На участке по погрузке леса в «ННСС» в 1981 г. использовались следующие модели кранов: ЛТ-62, РДК-250³¹.

Как свидетельствуют документы, в большинстве своем организации испытывали недостаток подъемных кранов³². Управление механизации № 9 обеспечивало грузоподъемными механизмами в одну смену, в то время как трест «Самотлорнефтепромстрой» готов был работать на объектах круглосуточно³³.

При выполнении землеройных работ без бульдозерной техники было не обойтись. ДЗ-54С (Д-687С) представляет собой агрегат из трактора Т-100МГП и навесного оборудования (отвал, толкающая рама, механизм привода и отвал с ножами). Производительность за час при разработке грунтов 1-2 категории — до 50 м³. В 1969 г. на партийном собрании СУ-909 механик Д.М. Батраков говорил о работе землеройной техники, о том, что техника простаивает, т.к. не был решен вопрос с узловым ремонтом, настаивал на организации бригад по ремонту и обслуживанию³⁴. В распоряжении треста «ННСС» в 1982 г. находились бульдозеры марки Т-130, ГТТ-2, ДЭТ-250³⁵. Однако, как свидетельствуют документы, значительная часть специальной техники, например АТК, в 1970 г. уже выработала свой ресурс. Так, тягач АТС-59 был на тот момент снят с производства, это означало, что запчастей найти было невозможно, отремонтировать его не могли.

Установка ГТТ-21 не использовалась для ремонта двигателей. «Формосты» стояли без водителей. Техника, стоявшая на балансе предприятия, но не использовавшаяся на производстве, была невыгодна, т.к. на нее начислялись амортизационные деньги³⁶.

Оценивая работу транспортников, С.Д. Великопольский, выступая с докладом на девятнадцатой партийной конференции (1974 г.), отмечал серьезные недостатки в их работе. Он говорил: «Бортовые автомобили, грузоподъемная техника используются плохо. Используются в одну смену. На линию выходит только 50% машин»³⁷.

В 1980-х гг. в целом наблюдалась тенденция улучшения состояния парка автомобилей и спецтехники. Так, в «Нижевартовскнефтеспецстрое» в плановом порядке осуществлялось сезонное обслуживание и ремонт техники³⁸. То же было характерно и для других предприятий. Однако многие проблемы носили застарелый характер, сохранялись от десятилетия к десятилетию.

Автобусы и легковые автомобили

На первоначальном этапе, пока не было дорог с твердым покрытием, людей перевозили, используя грузопассажирский транспорт (например, УАЗ-452). УАЗ-452 — специальный грузопассажирский, полноприводный, двухосный автомобиль повышенной проходимости. Главный плюс автомобиля — универсальность и проходимость. В «буханке» одновременно могут находиться водитель, от одного до 10 пассажиров и от 450 кг до 1 т груза. Среди модификаций был УАЗ-452АС — санитарный автомобиль в северном исполнении. Позднее стали использовать автобусы. В частности, хорошо зарекомендовали себя «Икарусы» — автобусы венгерского производства, в больших количествах импортировавшиеся в Советский Союз. За четыре десятилетия в СССР было ввезено 143 тысячи этих машин. Многие из них работают и по сей день. До наших дней сохранились, главным образом, машины «Икарус» 200-й серии, которые начали выпускаться с конца 60-х гг.

Встречался на автопредприятиях Нижевартовска автобус ЛАЗ-695 Львовского автобусного завода. Первый серийный ЛАЗ-695 «Львів» сошел с конвейера в 1956 г. Машина была спроектирована после изучения ряда иностранных аналогов: Магирус, Неоплан, Мерседес. На ЛАЗе, впервые в истории советского автобусостроения, применили расположение двигателя сзади. Силовой установкой стал мотор ЗИЛ-124. Трансмиссия (5-ступенчатая

КПП с двухдисковым сцеплением) машине досталась от ЗИЛ-158, самого распространенного в то время автобуса. Автобус характеризовался простотой конструкции и неприхотливостью при эксплуатации на всех категориях автомобильных дорог. Было разработано множество модификаций этого автомобиля. КАВЗ-685 — малый автобус общего назначения повышенной проходимости, рассчитанный на грунтовые дороги. Автобусы КАВЗ 685 выпускались Курганским заводом с 1971 по 1991 г. Они относятся к автобусам малого класса общего назначения. Рассчитан транспорт был на эксплуатацию в местности с преобладанием грунтовых дорог, поэтому имел высокий уровень проходимости и большой запас прочности элементов ходовой части.

По северным дорогам ездили ПАЗики (ПАЗ-651). У этой машины было две северные модификации. ПАЗ-672С (1969—1989) отличался окнами с двойным остеклением и без форточек, отсутствием окон в скатах крыши, дополнительным отопителем салона, более мощным генератором, наличием второго аккумулятора. Можно было встретить в городе ЕрАЗ-762 — развозной фургон, выпускавшийся Ереванским автомобильным заводом с 1967 по 1996 г. на платформе ГАЗ-21 «Волга». Среди легковых автомобилей в исследуемый период имели распространение: УАЗ-469 (легковой автомобиль повышенной проходимости, производимый на Ульяновском автомобильном заводе. Автомобиль похож на американский джип — крепкий утилитарный внедорожник, но не очень удобный. Под индексом УАЗ-469 машина выпускалась до 1985 г. Автомобиль выделялся высокой надежностью, «всеядностью» в плане горюче-смазочных материалов и ремонтпригодностью в полевых условиях), ГАЗ-69, ГАЗ-24 (легковой автомобиль среднего класса, серийно производившийся на Горьковском автомобильном заводе с 1970 по 1985 гг.).

В 1973 г. в автобазе № 9 г. Нижневартовска имелось 32 легковых автомобиля³⁹. Перевозка рабочих на объекты транспортом автобазы № 9 в 1974 г. составляла за сутки в среднем 450-500 человек (плановая потребность была в два раза больше)⁴⁰. В 1980-х гг. парк легковых автомобилей расширился. Например, в распоряжении треста «ННСС» в 1982 г. находились следующие модели легковых автомобилей: «Волга», «Жигули», УАЗ-469⁴¹.

В развитии транспортных предприятий города, обслуживавших Самотлор в советский период, следует выделить три этапа:

1. Середина 1960-х гг. — первая половина 1970-х гг. — самый сложный этап в их деятельности (становление), на долю транспортников выпали самые трудные задачи работы в условиях отсутствия дорог, инфраструктуры и быта.

2. Вторая половина 1970-х гг. — первая половина 1980-х гг. характеризовалась тем, что стали заметны изменения к лучшему в транспортных предприятиях (расширился и обновился парк автомобилей и спецтехники, несколько улучшилось снабжение и бытовые условия).

3. Вторая половина 1980-х гг. — время кризиса в нефтяной отрасли, что не могло не отразиться и на состоянии транспортных предприятий, развитие которых шло уже по инерции.

Примечания

¹ Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. Р-1861. Оп. 1. Д. 1073. Л. 14.

² Там же. Д. 1177. Л. 3, 66.

³ Там же. Д. 1073. Л. 14.

⁴ Там же. Д. 1177. Л. 66.

⁵ <http://wap.rivertourist.ru/viewtopic.php?f=51&t=927&start=36>

⁶ ГАТО. Ф. Р-1861. Оп. 1. Д. 1177. Л. 67.

⁷ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. П-96. Оп. 1. Д. 895. Л. 19—20.

⁸ Там же. Л. 20.

⁹ Там же. Ф. П-2093. Оп. 1. Д. 10. Л. 22.

¹⁰ ГАТО. Ф. Р-1861. Оп. 1. Д. 1073. Л. 88.

¹¹ ГАСПИТО. Ф. П-2093. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

¹² Там же. Ф. П-2093. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—4.

¹³ Там же. Л. 8.

¹⁴ Там же. Л. 12—24.

¹⁵ Там же. Д. 10. Л. 21—22.

¹⁶ ГАТО. Ф. Р-2093. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

¹⁷ Там же. Д. 11. Л. 24—25.

¹⁸ ГАСПИТО. Ф. П-2092. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

¹⁹ Там же. Л. 3.

²⁰ Там же. Л. 12.

²¹ ГАТО. Ф. Р-1861. Оп. 1. Д. 1073. Л. 88—92, 96.

²² Там же. Л. 97.

²³ Там же. Л. 92.

²⁴ Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. 86. Оп. 2.

²⁵ ГАСПИТО. Ф. П-84. Оп. 1. Д. 120. Л. 34.

- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. Ф. 96. Оп. 1. Д. 895. Л. 19—20.
- ²⁸ Там же. Л. 20.
- ²⁹ Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. 84. Оп. 1. Д. 120.
- Л. 25.
- ³⁰ ГАСПИТО. Ф. П-2092. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.
- ³¹ Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. 84. Оп. 1. Д. 120. Л. 26.
- ³² ГАТО. Ф. Р-1861. Оп. 1. Д. 1177. Л. 68.
- ³³ Там же. Ф. Р-1861. Оп. 1. Д. 1177. Л. 69.
- ³⁴ ГАСПИТО. Ф. П-2092. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
- ³⁵ Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. 84. Оп. 1. Д. 120.
- Л. 35.
- ³⁶ ГАСПИТО. Ф. П-2093. Оп. 1. Д. 2. Л. 5—6.
- ³⁷ Там же. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 641. Л. 23.
- ³⁸ Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. 84. Оп. 1. Д. 120.
- Л. 24.
- ³⁹ ГАТО. Ф. Р-1861. Оп. 1. Д. 1073. Л. 14.
- ⁴⁰ Там же. Д. 1177. Л. 66.
- ⁴¹ Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. 84. Оп. 1. Д. 120.
- Л. 35.

Глава 4

УДК 93/94

СОЦИАЛЬНОЕ ОБУСТРОЙСТВО ТЕРРИТОРИИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА — ЮГРЫ В ГОДЫ ЕЕ НЕФТЕГАЗОВОГО ОСВОЕНИЯ (1960—90-е гг.)

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты социального обустройства территории, раскрываются проблемы социального развития округа, объясняются причины создавшегося положения и подводятся итоги.

Ключевые слова: социальное обустройство; месторождение; округ; строительство; город; вахта.

SOCIAL ARRANGEMENT OF THE TERRITORY OF KHAN- TY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG — UGRA IN THE YEARS OF ITS OIL AND GAS DEVELOPMENT (THE 1960—90th)

Abstract. In article some aspects of social arrangement of the territory are considered, problems of social development of the district reveal, the reasons of the created situation speak and the results are summed up.

Key words: social arrangement; field; district; construction; city; rotational organization of work.

Открытие Мегионского и Усть-Балыкского месторождений нефти в начале 1960-х гг. являлось убедительным аргументом в пользу наличия в ХМАО — Югре крупной энергетической базы углеводородного сырья. В середине 1960-х гг. в пределах Северо-Западной Сибири четко вырисовывались четыре крупных нефтегазовых провинции, расположенных на территории ХМАО — Югры: Шаймо-Березовская, Сургутская, Нижневартовская и Северная. XXIII съезд КПСС, состоявшийся в 1966 г., поставил задачу довести здесь добычу нефти к 1970 г. до 345—355 млн т, ежегодно обеспечивая ее приоритет свыше 20 млн т¹.

Поставленные партией крупные задачи промышленного освоения в Западной Сибири актуализировали уже начавшуюся дискуссию по поводу методов социального освоения и принципов заселения этих территорий. В дискуссии приняли участие видные ученые страны: академики Н.Н. Некрасов, А.А. Трофимук, Р.З. Сагдеев, А.Г. Аганбегян, Е.П. Велихов, доктора наук Ф.Г. Гурари, Г.С. Мигиренко, Н.Н. Ростовцев². В конце 1960-х гг. в Тюмени были проведены три научно-практических конференции, посвященные актуальным вопросам промышленного и социального освоения севера Западной Сибири. Пять участников работы этих научных форумов были в дальнейшем удостоены звания лауреатов Ленинской премии³. Одним из наиболее остро обсуждавшихся вопросов был вопрос о вахтовом методе. Многие специалисты высказывались против строительства на Севере городов и поселков для проживания всех категорий трудящихся. Они предлагали осуществлять бурение, строительство и эксплуатацию нефтяных месторождений и сопутствующей инфраструктуры вахтовым или вахтово-экспедиционным методом.

Главный смысл этой точки зрения заключался в том, чтобы не строить полноценных городов и поселков, ограничиться строительством вахтовых поселков и аэродромов и все работы выполнять силами летающих с Большой земли специалистов, заменяющих друг друга с периодичностью в две—три—четыре недели. Ученые называли такой подход к освоению «внешний вариант».

«Внутренний вариант», на котором настаивали большей частью нефтяники, содержал другой принцип освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции и другую схему поселения людей. Согласно ей, все эксплуатационщики должны жить с семьями рядом с производством, на котором они работают. В современных благоустроенных городах (поселках) со всей необходимой инфраструктурой. Такие базовые города севера Тюменской области должны стать опорными центрами системы внутрирегиональной вахты, позволяющими решать многие схожие проблемы групповой системы расселения: базовый город-вахта.

К этому времени московским институтом «Гипробор» было разработано несколько вариантов схем заселения трудящихся в Среднем и Северном Приобье: централизованный — с крупнейшими городами Сургут, Нефтеюганск, Нижневартовск; децентра-

лизованный — с поселениями, по существу, на каждом месторождении, и комбинированный или черновой — города и поселки, в общей агломерации. Эта схема вызвала очередную волну высказываний разных ведомств и отдельных специалистов о принципах заселения этих территорий. Тем не менее, в ходе работы научно-практических совещаний в Тюмени предпочтение было отдано внутреннему варианту расселения, т.е., созданию базовых городов на севере Западной Сибири⁴.

Мнение специалистов учитывало руководство партии и страны. В совместном постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» от 11 сентября 1969 г. прямо указывалось на то, что строительство жилых домов, объектов коммунального и культурно-бытового назначения вести на основе сосредоточения его во вновь создаваемых крупнейших городах, с обеспечением максимального благоустройства их, в контексте с промышленным строительством⁵.

Однако в 1980-е гг., как считает главный архитектор Тюменской области В.А. Бешкильцев, из-за беспринципной позиции Госстроя СССР: «стройте что хотите и где хотите», нефтяники все же добились строительства небольших городков-поселков, таких как Мегион, Лангепас, Южный Балык и других, расположенных в 50–60 километрах от базовых городов⁶.

Строительство новых городов на севере Западной Сибири начиналось с белого листа. Никаких съёмочных материалов, схем расселения и генпланов тогда еще не было, да и не могло быть. Как и в промышленном освоении края, так и в гражданском, социальном обустройстве территории все начиналось с нуля. Первоначально, с участием членов комиссий, в г. Тюмени намечались возможные площадки для развития городов, затем на катерах, вертолетах, вездеходах, а порой и пешком добирались до места, где их уточняли. Здесь же принимались коллегиальные решения о перспективности развития города исходя из существования близких поселений, территориальных и геологических условий, границ месторождений, в пределах которых строительство городов могло быть достижимо из-за сокращения выработки месторождений и возможности прорабочных явлений. Большую роль имело

наличие транспортной доступности: реки, промысловой дороги, возможности совмещения с аэродромом.

Так намечались первоочередные пункты расселения: Сургут — для освоения западно-сибирской группы месторождений; Нижневартовск — для освоения Самотлора и Мегиона; Урай — для Шамской группы нефтяных месторождений; Игрим, Березов — для группы Березовских месторождений; Надым, Пангоды, Уренгой, Новый Порт, Каменный Мыс, Салехард, Лабытнанги — для газовых месторождений Ямала и Карского моря. Весьма показательно, что во второй половине 1960-х гг. при разработке «Гипробором» Госстроя РФ схем данных промышленных планировок все указанные пункты подтвердились⁷.

После выбора площадки для строительства будущих городов незамедлительно требовалось и размещение на них первоочередных промышленных предприятий, жилья, дорог, инженерных сетей, очистительных сооружений.

В этом отношении необходимо отдать должное институту «Башнефтепроект» и его главному архитектору М.П.Мазину. Имея большой опыт работы по проектированию обустройства нефтяных месторождений в Башкирии и Татарии, коллектив института во главе со своим главным архитектором внес существенный вклад в проектирование объектов первоочередного строительства в Сургуте, а также в городах Урай, Нефтеюганск и Нижневартовск, других центрах нефтедобычи⁸.

Исследуемый период знаменует собой новый этап в развитии отечественной и мировой градостроительной мысли. Был задействован предыдущий опыт восстановления разрушенных после Великой Отечественной войны городов, когда многие из них фактически создавались на основе образованных СНИПов и представляли собой идеальный тип рабочих поселков с четким функциональным зонированием и жилыми кварталами, впоследствии ставшими микрорайонами, представляющими равные условия для проживания населения.

В Западной Сибири проектировщики и строители столкнулись с отсутствием строительных норм и правил для природно-климатических условий региона Средней Оби. Существовали нормы и правила для условий теплого и холодного климата, для условий вечной мерзлоты, а для проектирования и строительства на

болотах, да еще при очень низких температурах и высокой влажности, норм и правил не было ни в СССР, ни за его пределами.

Более того, не существовало никакого наработанного материала, который можно было бы положить в основу разработки таких норм. По воспоминаниям Ш.С. Донгаряна, в то время заместителя министра нефтяной промышленности СССР, весь 1966 г. ушел впустую на поиски возможности привлечь чьи-то силы и приступить к разработке требуемых норм и правил⁹. В феврале по его инициативе министр нефтегазодобывающей промышленности Д.В. Шашин пригласил в г. Тюмень около 1 000 наиболее именитых проектировщиков, ученых, инженеров-строителей, которые в течение двух недель сформулировали пункты «Временных норм и правил». Через месяц они были утверждены и в течение 20 лет являлись руководством к действию проектировщикам и инженерам, переходя пунктами и частями в основной СНИП¹⁰. Можно утверждать, что Западно-Сибирский нефтяной комплекс во многом создавался на базе Временных строительных норм и правил, созданных и утвержденных Миннефтепромом СССР.

«Первыми нефтяными городами в ХМАО — Югре стали: в 1965 г. — поселки Сургут и Урай, в 1967 г. — город Нефтеюганск, в 1972 г. — Нижневартовск, в 1980 г. — Мегион. 1985 г. стал годом рождения для Лангепаса, Радужного, Нягани и Когалыма. Затем городами стали поселки Белоярский (в 1988 г.), Пыть-Ях и Лянтор (в 1990 г.), Покачи и Юганск (в 1992 г.), Советский (в 1996 г.), — с гордостью сообщил губернатор округа А.В. Филипенко о возведении на территории ХМАО — Югры 15 городов¹¹.

Всего же на севере Западной Сибири за время ее нефтегазового освоения, как отмечал заместитель министра нефтяной промышленности СССР Ш.С. Донгарян, был построен 21 город¹².

Природно-климатические условия и фактор времени принципиально по-новому ставили в Западной Сибири вопрос градостроительной политики. По воспоминаниям первого главного инженера строительного главка «Главтюменьнефтегазстроя», созданного в 1965 г. для обустройства крупнейшей в стране нефтегазовой провинции, Ю.П. Баталина, «поначалу ситуация была тупиковой». Самой трудной проблемой тогда являлось отсутствие дорог на заболоченных территориях. В Азербайджане практически круглый год можно было проехать к любой точке нефтедобычи. В

Татарии и Башкирии на строительство подъездных путей была брошена дивизия военных строителей, и этого оказалось достаточно. Она успешно справилась с поставленной задачей и в опережающем режиме сделала автомобильные дороги. «А как быть в Сибири, где ни дорог, ни тверди под ногами и почти сплошь болота и вода?» — задавал Ю.П. Баталиндалеко не риторический вопрос¹³.

Участники строительства транспортной инфраструктуры в Сургуте вспоминали, что в 1960-е гг. перед поселком Нефтяников долгое время стояла огромная топкая лужа, которую не могли преодолеть даже автомобили-вездеходы. Машины через нее перетаскивал специально предназначенный для этого гусеничный трактор С-100. Из-за дождей улицы города размывались до основания. Через дорогу невозможно было пройти даже в яловых сапогах. В ненастные годы хлеб в магазины завозили на гусеничном вездеходе. На таком же вездеходе работали врачи «скорой помощи». Резкий наплыв строительной техники в Сургут приводил дороги города в катастрофическое состояние. В середине 1960-х гг. пассажирские автобусы не могли пробиться до таких жизненно важных центров города как Районный тубдиспансер, НПУ «Сургутнефть». В 1968 г. в Сургуте сложилась критическая ситуация из-за обрыва транспортной связи города с аэропортом¹⁴.

В условиях заболоченности территории нового строительства в нефтяных городах ХМАО — Югры для обустройства эксплуатируемых магистралей необходимо было привлечение большого количества дорожной техники. Эти задачи призвана была решать Ханты-Мансийская транспортная контора и Тюменское автоуправление. Но у них не было требуемых дорожно-строительных машин, и поэтому возложенные задачи они выполняли с большим напряжением. У градообразующих предприятий такой техники также не хватало. Так, например, в Сургутской нефтеразведочной экспедиции имелся только один грейдер, но он большую часть времени был задействован на выполнении непосредственных задач геологической партии¹⁵.

Для Сургута очень важной задачей являлось обеспечение переезда через притоки Оби и многочисленные ручьи, пересекающие город на части. Серьезное беспокойство вызывал построенный еще в 1952 г. ряжевый мост через Сайму, соединявший Старый

Сургут с Черным мысом, где располагались речной порт, аэропорт, рыбконсервзавод и другие жизненно важные для города предприятия и учреждения. Его строительство имело давнюю историю. Еще в 1961 г. Исполком сургутского районного Совета депутатов трудящихся решил в соответствии с указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 апреля 1957 г. начать строительство автомобильного моста, связывающего западную часть рабочего поселка Сургут с восточной, Сургутскую экспедицию, рыбокомбинат, райсоюз, Леспромхоз и ОРС, райконттору связи, промкомбинат и электростанцию. Он был рассчитан для проезда только гужевого транспорта. Но с началом городского строительства через него пошли машины всех марок и контрабандой проскакивали даже МАЗы-357 «Ураган». «Мы боялись, — вспоминал П.А. Мунарев, — что в половодье сильные майские ветры его раскатают и унесут»¹⁶.

Руководителей этих предприятий исполком обязал до 1 ноября 1961 г. обеспечить строительство моста стройматериалами и рабочей силой¹⁷.

Однако осуществить эту «всенародную стройку» долго не удавалось. С началом промышленного развития города была заказана проектная документация на мост через Сайму. Ее подготовили, но не на мост, а на плотину с мостовым переходом. По замыслу авторов, плотина должна была создать хороший городской пруд. Поскольку уровень воды в Оби может быть выше допустимого уровня воды, в создаваемом пруду, в теле плотины, кроме водоспускных шлюзов предусматривалась станция перекачки воды по трубам. Гидромеханизаторов в городе тогда еще не было, и построить такое сооружение никто не брался. Заказали проектную документацию. Вторично. Теперь уже проект был перестроен так, что мост легко было переоборудовать в плотину¹⁸.

22 февраля 1966 г. Бюро Тюменского областного комитета партии совместно с областным исполнительным комитетом депутатов трудящихся приняло решение завершить строительство общегородской магистрали, проходящей через Старый Сургут от Черного Мыса до жилого района Нефтяников, и приступить к строительству мостового перехода через реку Сайма¹⁹.

В соответствии с решением бюро Тюменского областного комитета КПСС силами Рыбкомбината, Райсоюза, Леспромхоза и

ОРСа, Райконторысвязи, Промкомбината и электростанции началось новое «народное строительство» автомобильного моста, который был, наконец, построен, связав западную и восточную части Сургута.

В Сургуте существовал и другой мост, соединявший жилой поселок строителей со Старым Сургутом. В то время для строителей города и нефтяников Старый Сургут представлял очень большое социальное значение, так как в нем располагались госбанк, сберкасса, Дом культуры, кинотеатр, магазины и столовая. Мост сносило, и предприимчивые сургутские мальчишки пользовались этим, зарабатывая себе на конфеты. Была установлена такса перевоза на лодке: 20 копеек — для трезвых пассажиров и рубль для подвыпивших, нуждающихся в их услугах, горожан²⁰. Критика по поводу периодического разрушения во время паводка и дождей этого моста звучала повсеместно. Но горисполкому из-за отсутствия финансирования и проектирования трудно было построить новый мост.

После длительных разговоров в исполкоме инициативу взял на себя начальник мехколонны № 14, впоследствии развившейся в мощный строительный трест «Запсибэлектросетьстрой», Игорь Алексеевич Киртбая. Он решил вопрос с финансированием. На воскреснике силами автобазы № 4 во главе с начальником Петром Николаевичем Кротовым, автотранспортной конторы нефтяников, возглавляемой директором Виктором Лаврентьевичем Полюшкиным, автобазы геологов, руководимой Иваном Петровичем Дмитриевым, за один день отсыпали грунт. В карьере его также на общественных началах грузили механизмы УМ-3 под руководством Виктора Александровича Чернышева. СУ-16 треста «Спецгазстрой», возглавляемое Владимиром Ивановичем Балаклеенко, забило в качестве опор стальные трубы, сварило горизонтальные швеллеры, сделало деревянный настил. Пешеходный мост был готов. Позже СУ-16 построило пешеходные мосты, связывающие поселки геологов и строителей, Старый Сургут и микрорайон строителей²¹.

Чтобы разгрузить внутренние магистрали города, была построена окружная дорога, в связи с чем в 1963 г. райисполком запретил движение по улицам поселка автомашинам с автокранами,

прицепами и другими приспособлениями, категорически рекомендуя им с апреля до ноября использовать дорогу вокруг Сургута²².

Большое значение для обеспечения города всеми необходимыми ресурсами и обустройства нефтяных промыслов имело тогда строительство дороги, связывающей Сургут с Нефтеюганском. Оно осуществлялось на основе постановления Совета Министров СССР № 1208 от 4 декабря 1963 г. и приказа государственного производственного комитета по транспортному строительству СССР от 19 декабря 1963 г. № 234. В соответствии с этими документами проектирование автомобильной дороги Сургут — Нефтеюганск было поручено Киевскому филиалу государственного проектного института «Союздорпроект». 20 августа 1964 г. Исполком сургутского поселкового Совета одобрил направление трассы этой дороги, проходящей «от причала на протоке Юганская Обь по улице проектируемого поселка Нефтеюганск, по южной окраине промзоны центрального нефтесборного парка Усть-Балыкского месторождения, находящегося на урочище Сангапайских островов, и далее в восточном направлении по островам Каменному и Городскому до примыкания к трассе проектируемого «Сибгипротрансом» мостового перехода через реку Обь у города Сургута»²³.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что вследствие ведомственного разобщения градостроительства в ХМАО — Югре единого основного заказчика на строительство дорог в новых городах не было. Так, например, в Сургуте в этом качестве выступали такие организации как НГДУ «Сургутнефть», УС ГРЭС, трест «Сургутгазстрой», нефтеразведочная экспедиция и эпизодически некоторые другие. Основная доля приходилась на НГДУ «Сургутнефть» как объявленного генерального застройщика города. Достаточно сказать, что только за четыре года в 1972—1975 гг. из 22,5 км построенных магистральных дорог 8 км стоимостью в 1 млн 818 тыс. рублей ввела в эксплуатацию эта организация. К 1980 г. НГДУ планировало построить 28 км дорог стоимостью 9 млн 600 тыс. руб.²⁴ Вторым предприятием, активно занимающимся строительством дорог в Сургуте, была ГРЭС, которая за этот период возвела 3,1 км дорог стоимостью 697 тыс. руб.²⁵

Однако инициаторами строительства дорог с твердым покрытием в Сургуте выступили геологи²⁶. Из-за отсутствия финанси-

рования и необходимых проектов они строили дороги за счет благоустройства своего района. У них не было железобетонных плит, поэтому бетон строители укладывали непосредственно в арматуру полотна дороги. В 1965 г. Исполком поселкового совета отмечал: «Учитывая заявление начальника нефтеразведочной экспедиции т. Чебана Н.И. о плохом качестве строящейся дороги, предложить начальнику строительного управления № 9 Кошман А. проверить и улучшить качество работы на строительстве дороги, обратить особое внимание на укладку арматуры». В этом же постановлении исполком напоминал руководителям СУ-9: «Принять к сведению заявление начальника строительного управления № 9 т. Кошмана А.Г. о том, что строительство дороги с твердым покрытием протяженностью 5 км, в восточной части города будет закончено к 1 ноября 1965 года»²⁷.

Геологи успешно справились с этой задачей и силами СУ-9, как вспоминал П.А. Мунарев, «построили дорогу по всему Черному Мысу протяженностью 4 километра»²⁸.

Нефтяники строили дорогу от своего поселка до Старого Сургута. В июле 1964 г. в Сургуте была создана дорожно-строительная контора под руководством А.М. Колесникова. Ориентированная преимущественно на обеспечение подъездных путей к местам бурения и подготовку их производственных площадок, большое внимание она уделяла и дорожному строительству внутри города. В 1965 г. началось сооружение твердого покрытия на сургутских улицах силами нефтяников. Первой из них стала ведущая к нефтебазе улица Гагарина. В порядке эксперимента ее решено было залить сырой нефтью с наполнителями. Затем на улицах Республики, Просвещения и Красных партизан появилось гравийное покрытие. В связи с этим в 1966 г. Исполком горсовета запретил проезд гусеничного транспорта по Центральной улице²⁹. В 1969 г. была введена дорога с твердым покрытием, соединившая западную и восточную части города³⁰. В последующие годы благодаря совместным действиям городской администрации, строительных организаций и крупных предприятий, таких как ОАО «Сургутнефтегаз» и «Тюменьэнерго», городская улично-дорожная сеть становилась все более современной.

В начале 1990-х гг. переход к рыночной экономике и приватизация государственных предприятий сопровождались репрофи-

лированием производства некоторых из них. 28 сентября 1993 г. было учреждено АООТ «Комплекс по производству железобетонных изделий» (ЖБК), директором которого был назначен В.В. Елисеев. Предприятие размещалось на площадях бывшей производственной базы Треста «Запсибгидрострой», построенной 23 июля 1978 г. и введенной в эксплуатацию 30 марта 1983 г. Первоначально основой номенклатуры ее производственной программы была продукция, предназначенная для жилищного строительства в кирпичном исполнении (фундаментные блоки, перемычки, прогоны, балконные плиты). Главными потребителями этих изделий были СГС, СНГ, СГП, ССТ и другие строительные и хозяйственные организации. В 1995—1996 гг. производственные приоритеты были отданы продукции, предназначенной для дорожного строительства и благоустройства города. Она включала в себя бордюры, лотки, колодцы, осевой барьер безопасности и другие важные элементы сооружения дорожного покрытия. Основными заказчиками ЖБК стали САД, МП ДРСУ, ДСТ-1, Автодор-М. Постоянный контроль за выпуском продукции собственной лабораторией, аттестованной Росстандартом, позволил добиться высокого качества дорожного покрытия городских транспортных маршрутов и тротуаров, особенно чувствительного к резким изменениям температуры на Севере.

Кроме этого, в ходе обустройства ряда улиц Сургута тогда вводилось новшество: вместо бетонных бордюров устанавливались бордюры из гранитного камня. Их стоимость была в два раза дороже изделий из бетона, но долговечность и возможность перестановки предопределяли более высокую экономическую эффективность использования таких элементов дорожного строительства³¹.

В 1999 г. начальник управления транспорта и связи городской администрации Юрий Колисниченко с гордостью говорил о предстоящем открытии автомобильного движения на реконструированной улице Гагарина, о завершении строительства дамбы через Сайму, о практическом завершении обустройства тротуаров и освещения на улицы Мелик-Карамова, открытии второго участка проспекта Комсомольский, трассируемого через 25 микрорайон на соединение с улицами Северная—Ленина, интенсивных дорожно-строительных работах на проспекте Пролетарский, которому предстояло новым дорожным полотном дотянуться до улиц

Щепеткина и Речного вокзала. В конце 1990-х гг. впечатляющий объем дорожно-строительных работ осуществлялся на улицах Кукуевецкого и Магистральной, были приведены в порядок улицы Губкина и Энтузиастов, а для приведения в эксплуатационное состояние улицы Маяковского недоставало только сооружения ливнесборной системы³².

В 1990-е гг. заметно улучшалось дорожное полотно не только на улицах в центре города, но и на его периферии. В 1999 г. был закончен ремонт улицы Озерной и других автомобильных дорог Черного Мыса. Важное значение для отвода грузового транзитного транспорта из центра Сургута имел ввод в эксплуатацию транспортной магистрали по улице Профсоюзной, построенной в 1998 г. и, по выражению Ю. Колисниченко, «доведенной до ума» в 1999 г.³³

Для транспортной развязки на окраине микрорайона Нефтяников большую роль играла появившаяся новая улица, названная в честь одного из главных строителей города И.А. Киртбая. Влево от этой улицы уходила пока не завершенная объездная автодорога, которой суждено было в последующие годы пересечь протоку Боровую, уйти в сторону проспекта Набережного и по пойме вдоль Оби соединиться с улицей Югорской. Улица Магистральная найдет продолжение на пойме Оби и замкнется на восточную объездную дорогу. Так в Сургуте в соответствии с особенностями городской застройки формировалась радиально-кольцевая схема улично-дорожной сети.

Формирование благоустроенной транспортной сети способствовало созданию в городах ХМАО благополучной санитарно-гигиенической обстановки. В начале 1960-х гг. бытовые условия югорчан не отвечали элементарным санитарно-гигиеническим требованиям. Так, в местах расселения геологоразведчиков и нефтяников — в Сургуте, Нефтеюганске, Нижневартовске, Югане, Пиме, Тайлаково, Чеускино, Охтеурье и других новых городах и поселках, отсутствовали ассобазы, в них не было достаточного количества надворных санузлов, а в имеющихся своевременно не производились плановые очистки. Воды хозяйственных предприятий сбрасывались в водоемы в непосредственной близости от водозабора. Не было налажено снабжение доброкачественной питьевой водой. Не хватало бань³⁴.

Слабая профилактическая работа и загрязнение естественных источников водоснабжения, нарушение питьевого режима, когда из-за отсутствия и недостатка доброкачественной воды рабочие использовали для питья воду, предназначенную для технических целей, а также из баков отопительных систем, скученность населения в местах временного проживания и антисанитарное состояние большинства столовых приводили к росту инфекционных и желудочно-кишечных заболеваний, вспышкам дизентерии. Если в 1963 г. в Сургутском районе было зафиксировано 36 случаев заболевания дизентерией, то в 1964 г. болели 522 человека³⁵. Даже в 1963 г., через 6 лет после высадки экспедиции Ф.К. Салманова, при нефтеразведочных партиях было развернуто лишь 5 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов³⁶. В результате во время вспышки дизентерии в 1964 г. было госпитализировано только 70,8% заболевших. Остальные вынуждены были оставаться дома в условиях острого дефицита необходимых лекарств³⁷.

Жили работники нефтеразведочной экспедиции в непригодных, плохо отапливаемых помещениях в невероятной тесноте. С каждым годом становилось все более очевидным, что в многообразной цепи задач освоения новой нефтегазоносной территории все большую актуальность приобретает жилищное строительство. В самой Тюменской области строительные организации тогда были слабо оснащены как механизмами, так и кадрами рабочих и специалистов. Поэтому с возрастающими масштабными задачами они не справлялись.

Необходимо было создать новый стратегический центр по формированию и управлению капитальным, гражданским и жилищным строительством в Западной Сибири. Однако, как вспоминал один из создателей строительной индустрии Западно-Сибирского нефтегазового комплекса Ю.П. Баталин, Главуралстрой, расположенный в Свердловске, в состав которого входили тюменские тресты, при поддержке Свердловского обкома КПСС наотрез отказался развернуть строительные работы на нефтяных месторождениях. Минтяжстрой, самое сильное в то время союзное строительное министерство, в чью зону входила Тюменская область, также не согласилось сделать это, мотивируя свой отказ большими задачами по развитию черной металлургии. В чем, кстати, они получили поддержку «металлурга» Л.И. Брежнева³⁸. Поочередно

взять на себя ответственность за создание строительной индустрии в Западно-Сибирской нефтегазовой провинции отказались Минтрансстрой и Минмонтажнефтьстрой³⁹.

Надо сказать, что в тот период мощности строительных организаций нефтяной отрасли страны требовали значительного увеличения для реализации задач, поставленных в решениях руководства партии и государства. В документах XXIII съезда КПСС собственно и предусматривалось выполнение задач пятилетки за счет роста капиталовложений в 1,5 раза⁴⁰.

В то же время на удивление успешно развивалась газовая промышленность. Решающим организационным фактором ускоренного развития газовой промышленности в первой половине 1960-х гг. явилось то, что в условиях реорганизации системы управления народным хозяйством, начавшейся в 1957 г., газостроительные организации после длительной борьбы, в отличие от нефтяных ведомств, не были переданы совнархозам, а вошли в состав вновь созданного Главгаза при Совете Министров СССР во главе с А.К. КОРТУНОВЫМ.

Нефтьестроительные же организации в территориальных строительных главках утратили свои ведущие позиции, что отрицательно сказалось на развитии нефтяной промышленности в целом в первой половине 1960-х гг.

По воспоминаниям Ю.П. Баталина, «в 1964 г. А.Н. Косыгин уговорил А.К. КОРТУНОВА взять 12 нефтьестроительных трестов в состав „Главгаза“, а затем преобразовать его в комитет по газовой промышленности — „Газпром“, и поставить их на ноги»⁴¹. Именно «А.Н. Косыгин предложил А.В. КОРТУНОВУ взяться и за Тюмень», — утверждает Ю.П. Баталин⁴².

Алексей Кириллович КОРТУНОВ пошел навстречу своему авторитетному тезке. Было принято решение о создании в Тюмени специального главка, наделенного чрезвычайными полномочиями, в задачу которого входило бы создание в кратчайшие исторические сроки фундамента становления индустрии жилищного и капитального строительства на территории Западной Сибири, его социального обустройства, развертывания уникального в мировой практике градостроительства в сложных природно-климатических условиях совершенно не обжитого региона.

Теперь необходимо было найти человека, который согласился бы совершить этот трудовой подвиг. Выбор пал на Алексея Сергеевича Барсукова. Он являлся высококвалифицированным специалистом промышленного и гражданского строительства, окончившим в 1936 г. Московский институт хозяйственников Наркомтяжстроя СССР, а позже Высшие инженерные курсы промышленного и гражданского строительства⁴³.

Знакомство с трудовой биографией А.С. Барсукова поражает актуальностью народно-хозяйственной значимости возглавляемых им строительных объектов, масштабами их географии, способностью талантливого инженера оперативно вникать в суть разноплановых производственных вопросов и неординарно их решать⁴⁴.

В октябре 1964 г. А.С. Барсуков назначается специальным уполномоченным Комитета газовой промышленности СССР с задачей создать в Тюмени новый Главк. Его основной функциональной целью должно стать формирование промышленной базы добычи нефти и газа, обустройство нефтегазодобывающей территории, строительство новых поселков и городов, жилья и социально-бытовых объектов для тружеников Западной Сибири⁴⁵.

Решая эту задачу со свойственной ему энергией, Барсуков формирует оперативную группу из пяти человек — представителей Москвы, Тюмени и Омска. На основании распоряжения Совета Министров СССР от 6 февраля 1965 г. № 209-р и в соответствии с приказом Государственного производственного комитета по газовой промышленности СССР от 16 февраля 1965 г. № 114 было организовано хозрасчетное предприятие «Главное управление по строительству предприятий нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири» с местоположением в г. Тюмени — «Главтюменнефтегазстрой»⁴⁶.

В 1970 г. в Главтюменнефтегазстрое насчитывалось 4 000 человек руководящего управленческого состава, включавшего всю структуру специалистов — от мастеров и счетоводов до начальника Главка. Это был кадровый костяк, на который можно было положиться. Но чтобы отфильтровать эти 4 000 человек, А.С. Барсукову пришлось пропустить через Главк с 1964 по 1970 гг. 18 000 человек. 14 000 человек не потянули: ушли или были уволены⁴⁷. Позже Александр Сергеевич вспоминал: «Я в Тюмени

прожил около 7 лет. Когда оттуда уходил, это было в семидесятом году, то оставил двенадцать трестов, тридцать пять тысяч человек. Хозяйство огромное. Тюмень есть Тюмень. Ох, какая это была работа! Страшно просто.... »⁴⁸.

Так в самые короткие сроки под руководством его начальника — талантливого организатора строительного производства Алексея Сергеевича Барсукова — была сформирована организационная структура нового Главка, наделенного чрезвычайными полномочиями.

Начинающееся широкомасштабное жилищное строительство сопровождалось обострением проблемы социокультурного обеспечения приезжающих рабочих кадров. В Тайлаково, например, из-за отсутствия в продаже постельного и нательного белья мужчины ходили в дамских кофточках⁴⁹. В магазинах Югана полтора года не было пуговиц⁵⁰. А приехавшие в Сургут рабочие сейсмических партий вообще не имели постельных принадлежностей⁵¹.

Тяжелые социальные условия, недостаток производственных помещений, необходимого оборудования, инструментов и спецодежды приводили к нарушениям правил техники безопасности, случаям тяжелого травматизма. Даже в передовой бригаде В.П. Лагутина, по его признанию на пленуме Сургутского райкома КПСС в 1963 г., «рабочие не были снабжены ни перчатками, ни другими инструментами, отсутствовали огнетушители». Опытный мастер предупреждал, что это может привести к несчастным случаям⁵².

В Сургутской нефтеразведочной экспедиции только за первые семь месяцев 1961 г. произошло 5 аварий на Мегионском, Ермаковском и Юганском буровых участках. На Ермаковском буровом участке из-за аварии пришлось перемещать буровую установку на новую точку. На Пимском участке в 1961 г. при исполнении служебного задания утонул геологоразведчик Гришечко. В том же году возле деревни Пилюгино загорелся катер БМК. Речники получили тяжелые ожоги. В феврале 1963 г. в Сургутскую районную больницу попали с травмами пять рабочих геологоразведочной экспедиции, а в декабре 1964 г. на XV районной партийной конференции первый секретарь Тюменского промышленного обкома КПСС А.К. Протазанов с горечью сообщал: «В Сургутской экспедиции имели место пять случаев смертельного исхода»⁵³.

Слабое решение социальных вопросов и недостатки в культурно-просветительской и воспитательной работе вели к нарушению трудовой дисциплины и уголовным преступлениям. В июле 1959 г. районная газета «К победе коммунизма» опубликовала «Открытое письмо членам районного штаба рабочих дружин», в котором приводились факты нарушений общественного порядка работниками Сургутской нефтеразведочной экспедиции. В нем, в частности, говорилось: «17 июля 1959 г. рабочие Новосибирской геофизической партии Сергей Чекарев и Виктор Кайдалов, вдохновленные винными парами, носились с душераздирающими воплями по огороду гражданина Кольцова до тех пор, пока не были задержаны работниками милиции»⁵⁴. На пленуме Сургутского РК КПСС в декабре 1960 г. отмечалось, что «в сейсмических партиях среди ИТР процветает пьянка, они допускают грубости и дебош. В 1961 г. в Сургутском районе к ответственности за мелкое хулиганство было привлечено 119 чел., из которых 26 чел. являлись работниками нефтеразведочной экспедиции»⁵⁵.

Продолжавшийся вынужденный форсированный прием на работу в нефтеразведочную экспедицию в первой половине 1960-х гг. в условиях дефицита подготовленных специалистов сопровождался снижением требовательности к поступающему контингенту, нарушениями кадровой политики и последующим ростом преступности членов трудового коллектива. В 1961 г. в Сургутском районе было совершено 114 преступлений, на 46 больше, чем в 1960 г. Из них 19 приходилось на Сургутскую комплексную геологоразведочную экспедицию, являвшуюся бесспорным лидером всех предприятий Сургутского района по этому показателю⁵⁶.

Нехватка финансовых средств для развертывания гражданско-го и жилищного строительства сопровождалась на его начальном этапе катастрофическим дефицитом кадров строительных организаций. Из других регионов в 1965 г. удалось привлечь всего около 500 человек рабочих и специалистов⁵⁷.

Для кадрового комплектования трудовых коллективов использовались тогда все возможные формы набора, вплоть до вербовки рабочих и привлечения на стройки условно освобожденных и условно осужденных. В Сургуте была специально создана «зона» — лагерь заключенных, на месте, где сегодня располагается ГПТУ № 17. Весь прилегающий к ней небольшой район строите-

лей в народе тогда называли «Бухенвальдом». Здесь же, на месте нынешней улицы 30-летия Победы, проживали в бараках условно освобожденные заключенные⁵⁸. Всего в 1964 г. на стройках Севера работало свыше 25 тыс. рабочих из заключенных и условно освобожденных граждан⁵⁹.

Летом того же года Сургут принял около полутора тысяч условно-досрочно освобожденных. «Среди них были швейники, администраторы, парикмахеры, даже распространители театральных билетов, — вспоминал П.А. Мунарев — а вот для строительства, где их планировалось использовать, специалистов было очень мало»⁶⁰. Но начинать надо было, и вскоре Сургут превратился в огромную строительную площадку.

Этот контингент рабочих строил в Сургуте Завод железобетонных конструкций для производства свай, дорожных плит, пригрузов для трубопроводов, а затем Комбинат панельного домостроения мощностью 140 тыс. кв. м жилья в год⁶¹. Труд заключенных использовался также на строительстве брусчатых домов в Сургуте и Кирпичного завода в Локосово⁶². Весьма своеобразно начиналось строительство ДК «Нефтяник» в Сургуте. Как вспоминали очевидцы, строительство дворца, где навсегда должно было поселиться искусство, было задумано нефтяниками буквально в первые дни создание НПУ «Сургутнефть». Их мечтам суждено было сбыться в начале семидесятых, когда развернули строительную площадку в центре микрорайона нефтяников. «Вырытый под сваи котлован обнесли колючкой, поставили сторожевые вышки и... привезли заключенных»⁶³.

Вопреки мнению некоторых авторов о низком качестве работы «зека-строителей»⁶⁴, существует в литературе и другая точка зрения об их труде. Высоко оценивал их работу и П.А. Мунарев. Он вспоминал: «Многие «условники», как их тогда называли, стали мастерами своего дела. Такими, например, как бригадир плотников Герман Степанович Авдюков, награжденный впоследствии по итогам девятой пятилетки орденом Трудового Красного Знамени»⁶⁵.

Однако, использование этого контингента строителей создавало сложную криминогенную обстановку в новых городах и поселках. Так, во время высадки ночью на пристани Мегиона подвергся смертельной опасности нападения освобожденных уголовников руководитель Главтрубопроводстроя, будущий министр

строительства нефтяной и газовой промышленности В.А. Чирской и сопровождавшие его двое мужчин и две женщины. Только своевременное прибытие вооруженных милиционеров позволило рассеять разъяренных уголовников⁶⁶.

Трагические события произошли в г. Урае. Там, в ночь под Новый год, после внезапного сорокаградусного похолодания размещенные в палатках условно освобожденные заключенные предприняли самовольное расселение и захват домов города. В сводке райисполкома отмечалось: «За ночь шесть жителей города были зарезаны»⁶⁷.

В ХМАО — Югре использование труда условно освобожденных граждан постепенно сокращалось. После вынужденного привлечения таких кадров на начальном этапе введения в строй и эксплуатации предприятий строительной индустрии они заменялись молодыми рабочими, прибывавшими по комсомольскому призыву. В 1970-е гг. половина состава Всесоюзного студенческого отряда работала на объектах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса⁶⁸.

Серьезной социальной задачей в исследуемый период в ХМАО — Югре являлось обеспечение его увеличивающегося населения продовольствием и предметами быта. Серьезным сдерживающим фактором полноценного обеспечения ими нефтяников Севера являлась большая удаленности новых городов и поселков от основных баз и, прежде всего, Тюменского промышленного узла.

Водный путь по Оби протяженностью почти 3 тыс. км не мог решить эту проблему в течение 3—4 месяцев навигации. Речники даже наполовину не могли обеспечить самые необходимые потребности. Так, к концу навигации 1964 г. в Сургут было завезено лишь 40% всего необходимого для производственного и повседневного обеспечения населения.

В 1960-е гг. эпизодически возникавший жесточайший дефицит продуктов питания, промышленных товаров, производственных инструментов и материалов являлся неотъемлемой чертой повседневной жизни северян. Не хватало буквально всего: «от хлеба до обсадочных труб»⁶⁹. Положение усугублялось тем, что Сургутский речной порт, как основной перевалочный пункт ХМАО в Среднем Приобье, не имел необходимых причалов, мест выгрузки и складских помещений для приема увеличивающегося потока

грузов. Так, например, 3 сентября 1968 г. у причалов Сургутского речного порта разгружались только 13 из 23 находившихся там судов, остальные простаивали в ожидании выгрузки⁷⁰.

Как вспоминали служащие созданного в 1964 г. отдела рабочего снабжения НПУ «Сургутнефть», «сметану и колбасу в то время доставляли самолетами. По четвергам покупатели с мешками выстраивались в очередь за свежей продукцией. Правда, если непогода и самолеты не прилетали, то в магазинах было пусто, ни сметаны с колбасой, ни очередей... Запасов еды хватало до января, затем склады катастрофически пустели»⁷¹.

Интенсивное промышленное освоение региона, рост численности населения города требовали значительного увеличения темпов развития торговли и бытового обслуживания по сравнению с предшествующим периодом. Однако, в 1963 г. из 93 городских предприятий райпотребсоюза 34 предприятия не выполнили план товарооборота, а по ОРСу леспромхоза 9 магазинов и 2 ларька из 19 не справились с плановыми заданиями. В городе систематически происходили перебои в продаже товаров, в достаточном количестве имевшихся на базах. Имели место длительные простои магазинов из-за инвентаризации и ремонта помещений, нехватки продавцов. Только по рыболовпотребсоюзу в продаже отсутствовало 59 наименований различных товаров, имевшихся на складах⁷².

По мере строительства города ситуация менялась медленно. В 1968 г. на Сургутской районной партийной конференции делегаты с горечью рассказывали о перебоях в снабжении основными продуктами питания: «В нашем микрорайоне постоянно перебои с хлебом, нет молока, масла»⁷³.

Особое недовольство вызывало качество товаров, поступавших как от местных поставщиков, так и с основных баз. Магазины были засорены некачественными товарами. В магазинах № 1, 2 и 9 Сургутского рыбкопа в 1968 г. из осмотренных 548 тыс. банок консервированной продукции было забраковано и снято с продажи 5 тыс. штук. В магазине № 2 было снято с продажи нарезное печенье выработки 1958—1959 гг. Им торговали до тех пор, пока не вмешалась Государственная инспекция по торговле⁷⁴.

В торговую сеть города поступала мебель от Сургутского райпромкомбината крайне низкого качества. Так, в Сургутском хозмагазине в том же году была забракована вся осмотренная партия

мебели в количестве 123 единиц. Она имела крупные дефекты столярной обработки и покраски. Кроме того, цены на нее были установлены выше рекомендованных прейскурантом. В 12 магазинах при проверке выяснилось, что 45 из 583 наименований товаров продавались по неправильным, в основном завышенным, ценам⁷⁵.

Улучшению торгового обслуживания населения мешала ведомость. Уже на начальном этапе формирования нефтегазового комплекса началось создание ведомственных торговых организаций — управлений рабочего снабжения «Тюменьнефтегазстрой», «Главтюменьнефтегаз», «Главтюменьгазпрома», «Главтюменьгеологии». Торговое обслуживание населения районов нового освоения осуществляла разветвленная сеть отделов 11 разных торговых организаций⁷⁶. В 1978 г. в Сургуте, например, действовало 9 торговых систем⁷⁷, что существенно затрудняло специализацию торговой сети, вело к ненужному параллелизму в работе, искусственному дефициту одних товаров и излишкам других, порождало безответственность и злоупотребления. На долю этих торговых организаций, по данным экономистов, приходилось 95% залежалых товаров⁷⁸. Так, при наличии острейшего дефицита в магазинах, на базах Сургута в июне 1964 г. было сконцентрировано 20 т мяса, 20 т рыбы, 15 т картофеля, 18 т сливочного масла⁷⁹.

Товарный голод порождал социальный дискомфорт и психологические издержки в условиях стабильного роста покупательной способности северян. Так, например, с 1965 по 1970 гг. средняя заработная плата сургутян увеличилась почти в 4 раза — с 80 до 310 руб., а с 1970 по 1985 гг. — с 310 до 800 руб., т.е. в 2,5 раза⁸⁰.

Развитие системы торговли и общественного питания в новых городах существенно сдерживало отставание строительства и ввода в эксплуатацию подобного рода объектов. Так, в 1966 г. в Сургуте началось строительство торгового центра сметной стоимостью 238,8 тыс. руб. После освоения 124 тыс. руб. строительство было приостановлено, а в 1967 г. полностью прекратилось⁸¹. В том же году бы были сорваны планы введения в строй столовой на 150 мест⁸². В 1968 г. трест «Сургутгазстрой» не обеспечил запланированный ввод в строй магазина, аптеки, детсада и школы, не завершил работы по благоустройству как ранее застроенных, так и застраиваемых микрорайонов⁸³. Отделы рабочего снабжения толь-

ко на 35% были обеспечены складскими и холодильными помещениями⁸⁴.

Интенсивный рост населения в Среднем Приобье в 1960-е гг. выдвигал большие задачи перед строителями по вводу в строй учреждений социально-бытового обслуживания. В мае 1964 г. единственный тогда в рабочем поселке Сургут комбинат бытового обслуживания был реорганизован в райпромкомбинат. Его годовой объем выполняемых работ составлял всего 200 тыс. рублей. Он имел очень слабую производственную базу, которую составляли два швейных цеха на 52 рабочих места, две парикмахерских на 12 рабочих мест, две сапожных мастерских, каждая на 1 рабочее место, часовая мастерская на 2 рабочих места, две фотографии. Всего в штате комбината вместе с персоналом, работающим в цехах Нефтеюганска, насчитывалось 198 чел., из которых 105 чел. были заняты непосредственно обслуживанием населения⁸⁵. Так называемая «Сургутская гостиница» представляла собой размещенный в приспособленном ветхом помещении «Дом приезжих» на 12 мест. Этого было явно недостаточно для развивающегося города. Тогда, в связи с ростом населения по расчетам городу требовалась уже в конце 1964 г. гостиница на 80 мест, в 1965 г. — на 120 мест, а к 1970 г. — не менее чем на 350 мест⁸⁶.

Однако, в 1960-е гг. в Сургуте не был достигнут уровень существующих норм ни по одному виду культурно-бытового и коммунального обслуживания. Так, в 1969 г. при наличии в городе населения в количестве 27 728 человек его жители должны были иметь 2 800 мест в детских садах и яслях, а имели 1 520 или всего 54% от утвержденной социальной нормы, в банях должно было быть 279 мест, а имелось 176, или 63%, больницами сургутяне были обеспечены на 53%, школами — на 71%, магазинами — на 72%⁸⁷.

Весьма показательны, что в 1966 г. в НПУ «Сургутнефть» было принято на работу 662 чел., а уволилось 307. Одной из главных причин в заявлениях увольняемых называлось отсутствие социально-бытовых объектов и учреждений культуры⁸⁸. Особая значимость этих учреждений была предопределена спецификой населения Сургута как преимущественно молодежного, с высоким образовательным уровнем и соответствующими повышенными запросами к организации сферы досуга. До 1989 г. средний возраст сургутян не превышал 26,3 года⁸⁹. По данным паспортного

стола, в Сургуте в 1968 г. прописалось 10,5 тыс. чел., а выписалось 5,5 тыс. чел. Текучесть кадров на основных предприятиях составляла от 30 до 70%⁹⁰.

При достаточно скромных жилищных условиях нефтяников и газовиков, энергетиков и строителей севера Западной Сибири формирование бытовой и социально-культурной инфраструктуры Западно-Сибирского нефтегазового комплекса приобретало все большее актуальное значение не только с точки зрения решения производственных задач, но и в силу выполняемых ею традиционных культурно-просветительских функций. В городах нового нефтегазового освоения учреждения быта и культуры были призваны стать главным адаптационным фактором преодоления у мигрирующего населения психологии «временщика», чувства отчуждения и изолированности от «большой земли». Весьма показательным являлось то, что, например, в январе 1969 г. в Сургуте проживало 27 728 человек, из которых 14 928, т.е. больше половины, являлись непосредственно рабочими. А это свидетельствовало о нежелании мигрантов переселять на север членов своих семей и их жизненных планах временного пребывания здесь⁹¹.

Особое значение в решении вопросов строительства культурно-бытовых учреждений на севере Западной Сибири имел производственный опыт созданного 12 февраля 1966 г. строительного треста «Сургутгазстрой». Его уникальность заключалась в том, что, созданный как трест для капитального строительства, в условиях командно-административной системы, он логикой социальной необходимости и вопреки ведомственному сопротивлению был утвержден в качестве неформального городского строительного треста. С приходом строителей «Сургутгазстроя» на социальные объекты решительно изменилось положение на строительстве клуба на 600 мест, больничного комплекса на 240 мест, бани на 101 место в поселке Нефтяников, комплексе объектов второй очереди тубдиспансера, профтехучилища на 600 учащихся в поселке Строителей. Кроме 23 пусковых объектов плана 1968 г. тружениками «Сургутгазстроя» были сделаны заделы еще одной школы на 640 мест, детсада на 280 мест, бани-прачечной и больницы в районе Строителей⁹².

С каждым годом доля объектов социально-бытового обслуживания в государственном задании строительного треста «Сургутгаз-

строй» возрастала. В 1976 г. из 28 млн руб. общего объема освоения 14 033 000 руб., т.е. 50,6%, составляло строительство объектов социально-бытового назначения⁹³.

Трест в том году возводил в Сургуте 42 объекта соцкультбыта, в число которых входило 10 объектов торговли: городской торговый центр, торговый центр НГДУ, холодильник и магазин в НГДУ, столовая-ресторан на 210 мест, молочная кухня и другие сооружения; 3 объекта здравоохранения: детская поликлиника, санэпидемстанция, акушерский корпус; 7 объектов просвещения: 3 школы и 4 детский сада, 26 бытовых объектов и клуб культуры⁹⁴.

Важное место в формировании системы качественного бытового обслуживания горожан занимали предприятия пищевой продукции. Практически все из них были построены «Сургутгазстроем». История их создания в Сургуте имела довольно забавный эпизод. По воспоминаниям В. Бирюкова, воспроизводившего рассказ первого секретаря Сургутского городского комитета КПСС В.В. Бахилова, во время посещения города в 1967 г. Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин вечером за богато сервированным столом попросил принести ему стаканчик кефира. Но сколько ни искали — не нашли. Потому что тогда кефира на севере не производили. Пришлось В.В. Бахилову извиняться перед Председателем Совета Министров⁹⁵.

Зато после его отъезда во всех новых городах были срочно заложены в титульные списки молокозаводы. «Сургутгазстрой» последовательно сдавал в эксплуатацию важнейшие социальные объекты, «питавшие» город Сургут. 1 февраля 1974 г. СУ-28 треста «Сургутгазстрой» ввел в строй Сургутский городской молочный завод. 16 сентября 1976 г. выдал продукцию Сургутский хлебозавод⁹⁶. В 1978 г. вступил в строй мясоперерабатывающий завод⁹⁷. В 1980 г. сургутяне стали потреблять пиво собственного пивоваренного завода. В 1994 г. вошла в строй созданная «Сургутгазпромом» первая в России фабрика по производству джемов из дикоросов, оборудованная шведскими технологическими линиями⁹⁸.

В ХМАО — Югре активно осуществлялась работ по укреплению материальной базы и упорядочиванию работы учреждений торговли в округе. Так, в 1981 г. бюро Сургутского ГК КПСС, рассмотрев этот вопрос, приняло план ввода в строй магазинов до 1985 г. Из подсобных помещений и «деревяшек» они стали пере-

бираться в оборудованные здания. Сеть магазинов в Сургуте в 1980—90 гг. возросла в 2 раза — со 116 до 235⁹⁹.

Таким образом, за годы освоения нефтегазовых месторождений в ХМАО — Югре была заложена необходимая социальная и культурная основа, позволившая совершить на территории Северо-Западной Сибири столь впечатляющий экономический рывок. Здесь был создан крупный строительный комплекс, который по объему инвестиций занял второе место в Российской Федерации. Ведущими строительными организациями, работающими в регионе, стали: «Запсибэлектрострой», «Мегионтрубопроводстрой», «Сургутнефтестрой», «Лукойлнефтегазстрой», «Сургутгазстрой», «Сургутдорстрой», «Мостострой № 11», «Сургутэнергострой» и другие. В ХМАО — Югре была создана и собственная строительная индустрия. На территории округа были построены домостроительные комбинаты в Сургуте и Нижневартовске. В этом ряду особо необходимо отметить губернаторскую программу «Жилье аборигенам», в рамках которой для коренного населения было построено 420 домов¹⁰⁰.

Впечатляют успехи Ханты-Мансийского автономного округа, связанные со строительством автомобильных дорог и обустройством северных городов в исследуемый период. За эти годы дороги перестали строиться от промысла к промыслу. Они стали прокладываться от города к городу, и уже большинство территорий округа были связаны дорожными магистралями с твердым покрытием. За эти годы строители-дорожники соединили современной магистралью Ханты-Мансийск с Нефтеюганском, преодолев почти триста километров тайги и болот, подошли к завершению строительства трассы Сургут—Нижневартовск, активно продолжали работы по строительству магистралей Урай—Советский и Ханты-Мансийск—Нягань. В округе была сформирована транспортная инфраструктура, которая связала автомобильные дороги Ямало-Ненецкого автономного округа, Свердловской, Тюменской и Томской областей¹⁰¹.

Только в 1996—1999 гг. в рамках мероприятий по реализации окружных программ, направленных на развитие социальной сферы, на территории округа было построено 44 общеобразовательных школы на 27,5 тыс. ученических мест; 8 детских образовательных учреждения на 1 626 мест; 12 амбулаторно-клинических

учреждений на 2 740 посещений в смену; 12 больниц на 932 койки; 10 клубов и домов культуры на 5 667 мест¹⁰².

Используя исторический опыт второй половины XX столетия, современная администрация Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в своей региональной политике все большее внимание уделяет решению социальных проблем.

Примечания

- ¹ Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966. С. 13.
- ² История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. М., 2004. С. 186.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. С. 480.
- ⁵ Новый город. 1999. 19 октября. С. 131.
- ⁶ История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. С. 199.
- ⁷ Там же. С. 155—156.
- ⁸ Там же. С. 156.
- ⁹ Там же. С. 189.
- ¹⁰ Там же. С. 190.
- ¹¹ Там же. С. 138.
- ¹² Там же. С. 192.
- ¹³ Соратники. Тюмень, 2002. С. 79.
- ¹⁴ Архивный отдел администрации города Сургута (АОАГС). Ф. 1. Оп. 1. Д. 150. Л. 9.
- ¹⁵ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 113. Оп. 16. Д. 1. Л. 16.
- ¹⁶ Мунарев П.А. Так было, так начиналось (Записки председателя). Сургут, 2008. С. 74.
- ¹⁷ АОАГС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 131. Л. 6.
- ¹⁸ Мунарев П.А. Так было, так начиналось (Записки председателя). С. 74.
- ¹⁹ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 182. Д. 18. Л. 7.
- ²⁰ Мунарев П.А. Так было, так начиналось (Записки председателя). С. 74.
- ²¹ Там же. С. 75.
- ²² АОАГС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144. Л. 6.
- ²³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 156. Л. 2—3.
- ²⁴ ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 27. Д. 28. Л. 6.
- ²⁵ Там же. Ф. 113. Оп. 27. Д. 28. Л. 5.
- ²⁶ Мунарев П.А. Так было, так начиналось (Записки председателя). С. 75.
- ²⁷ АОАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 92—93.
- ²⁸ Мунарев П.А. Так было, так начиналось (Записки председателя). С. 74.
- ²⁹ АОАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 10. Л. 101.
- ³⁰ Там же. Д. 38. Л. 194.
- ³¹ Новый город. 1999. 19 октября.
- ³² Там же.

- ³³ Там же.
- ³⁴ ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 16. Д. 19. Л. 9.
- ³⁵ Там же. Д. 48. Л. 9.
- ³⁶ Там же. Ф. 113. Оп. 16. Д. 19. Л. 1.
- ³⁷ Там же. Ф. 113. Оп. 16. Д. 48. Л. 9.
- ³⁸ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР. О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири. 11 сентября 1969 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1972. Т. 10.
- ³⁹ <http://www.Muzgeo.ru/stars/index.Phg?Ement.Id=33;http://www.9milliard.ru/content/article/stars/ru/Barsucov.isp>.
- ⁴⁰ Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966. С. 132.
- ⁴¹ История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. С. 32.
- ⁴² Там же. С. 3.
- ⁴³ <http://www.Muzgeo.ru/stars/index.Phg?Ement.Id=33;http://www.9milliard.ru/content/article/stars/ru/Barsucov.isp>.
- ⁴⁴ Рычков Б. Сибирь—Ирак // Соратники. Тюмень, 2002. С. 75.
- ⁴⁵ Соратники. Тюмень, 2002. С. 76.
- ⁴⁶ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 84. Л. 35.
- ⁴⁷ Соратники. Тюмень, 2002. С. 79.
- ⁴⁸ <http://www.Muzgeo.ru/stars/index.Phg?Ement.Id=33;http://www.9milliard.ru/content/article/stars/ru/Barsucov.isp>
- ⁴⁹ ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 16. Д. 1. Л. 8.
- ⁵⁰ Долгая дорога к нефти. Сургут, 1997. С. 73.
- ⁵¹ ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 2. Л. 5.
- ⁵² Там же. Оп. 16. Д. 1. Л. 3.
- ⁵³ Там же. Д. 39. Л. 18.
- ⁵⁴ К победе коммунизма. 1959. 31 июля.
- ⁵⁵ ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 2. Л. 5.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 113. Оп. 12. Д. 105. Л. 15.
- ⁵⁷ История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. М., 2004. С. 33.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же. С. 183.
- ⁶⁰ Мунарев П.А. Так было, так начиналось (Записки председателя). С. 71.
- ⁶¹ История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. С. 34.
- ⁶² Там же. С. 183.
- ⁶³ Долгая дорога к нефти. С. 89.
- ⁶⁴ История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. С. 33.
- ⁶⁵ Мунарев П.А. Так было, так начиналось (Записки председателя). С. 71.
- ⁶⁶ История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. С. 183.
- ⁶⁷ Там же.

- ⁶⁸ Там же. С. 33.
- ⁶⁹ Долгая дорога к нефти. С. 39.
- ⁷⁰ АОАГС. Ф. 51. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
- ⁷¹ Григорий Северный. Улица иронии судьбы // Сургутская трибуна. 2007. 27 марта. С. 290.
- ⁷² ГАСПИТО. Ф. 4. Оп. 16. Д. 31. Л. 224.
- ⁷³ Там же. Ф. 113. Оп. 31. Д. 1. Л. 65.
- ⁷⁴ Там же. Оп. 16. Д. 31. Л. 210.
- ⁷⁵ Там же. Л. 211.
- ⁷⁶ Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтедобывающих районов Западной Сибири (1964—1985). Тюмень, 2002. С. 146.
- ⁷⁷ ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 29. Д. 3. Л. 20.
- ⁷⁸ Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтедобывающих районов Западной Сибири (1964—1985). С. 146.
- ⁷⁹ ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 16. Д. 46. Л. 19.
- ⁸⁰ АОАГС. Ф. 6. Оп. 1. Д. 02—23. Л. 1.
- ⁸¹ ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 19. Д. 40. Л. 97.
- ⁸² Там же. Л. 101.
- ⁸³ Там же. Ф. 113. Оп. 31. Д. 7. Л. 78.
- ⁸⁴ Там же. Д. 1. Л. 13.
- ⁸⁵ Там же. Оп. 16. Д. 1. Л. 13.
- ⁸⁶ Там же. Оп. 16. Д. 1. Л. 13.
- ⁸⁷ АОАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 33. Л. 269.
- ⁸⁸ ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 20. Д. 67. Л. 29.
- ⁸⁹ Город Сургут в цифрах. Сургут, 1995. С. 36—37.
- ⁹⁰ ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 107. Д. 2204. Л. 36.
- ⁹¹ АОАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 24. Л. 21.
- ⁹² Там же. Д. 101. Л. 223.
- ⁹³ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 24. Л. 23.
- ⁹⁴ Там же. Д. 101. Л. 223.
- ⁹⁵ Югра. 1999. Апрель. С. 21.
- ⁹⁶ Долгая дорога к нефти. С. 83.
- ⁹⁷ Краеведческий календарь. Памятные даты Сургута на 2003 год. Сургут, 2003. С. 18.
- ⁹⁸ Сургутская трибуна. 1995. 28 января.
- ⁹⁹ ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 16. Д. 1. Л. 31.
- ¹⁰⁰ История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. С. 140.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Там же.

РАЗДЕЛ 3

ЮГРА И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ

Глава 1

УДК 93/94

ОБ УСТРОЙСТВЕ ПОЛИЦИИ И ПОЖАРНОЙ КОМАНДЫ В ГОРОДЕ ТОБОЛЬСКЕ

Аннотация. На основе богатого архивного материала дается характеристика г. Тобольска в первой трети XIX в., уточняются его площадь, административное деление, количество зданий и их назначение, численность населения, его социальный состав. Основное внимание уделено организации полиции и пожарной части города: выяснен штатный состав организуемых служб, порядок и объемы финансирования их содержания, обмундирование, оснащение, содержание лошадей.

Ключевые слова: Тобольск; население; полиция; пожарная часть; штат; финансирование; оснащение.

ABOUT THE STRUCTURE OF THE POLICE AND FIRE BRIGADE IN THE CITY OF TOBOLSK

Abstract. On the basis of rich archival material, the characteristic of Tobolsk in the first third of the nineteenth century, specifies its area, administrative division, number of buildings and their purpose, the population, its social composition. The main attention is paid to the police and fire Department of the city: clarified the staffing of the organized services, the order and volumes of financing their maintenance, uniforms, equipment, content horses.

Key words: Tobolsk; the population; police; fire brigade; staff; funding; equipment.

Все больше документов о малоизвестных страницах из истории первых городов Зауралья вовлекаются в научный оборот. Не один десяток работ современного виднейшего источниковеда и историографа Я.Г. Солодкина разрешили многие вопросы об их возникновении, датировке, основателях, первых воеводах и городских головах Тюмени, Тобольска, Сургута, Пелыма, Березова¹. Используя, прежде всего, летописные сведения и применяя кри-

тически-сравнительный метод анализа, известный историк пришел к безукоризненным выводам.

Но и более поздняя эпоха, особенно XIX в., привлекает внимание сибиреведов и краеведов. В основу исследования положены материалы из Исторического архива Омской области (далее — ИАОО), где отложились многочисленные письменные источники, особенно ценными среди которых являются сведения из так называемого губернаторского фонда. Один документ под названием «Об устройстве пожарных команд в Тобольске и Томске» дает значительную информацию прежде всего о численности населения Тобольска, предполагаемых финансовых затратах на обустройство пожарной части и полиции в городе в первой трети XIX в.²

На документе, направленном в столицу Сибири Тобольск стоит резолюция Министра внутренних дел (далее — МВД): «Самонужнейшее», он имеет название «О доставлении положения и штата Тобольской полиции с пожарною командою», датируется 16 ноября 1826 г., имеет регистрационный № 863, а адресован Тобольскому губ[ернскому] совету.

Главноуправляющий³ МВД отношением к генерал-губернатору З[ападной] Сибири от 20 октября 1826 г. за № 1418 сообщал, что было предположение о «дозволении уделить в пользу города Тобольска» «однопроцентные доходы от винной продажи». Эти средства можно было использовать до тех пор, «пока источники доходов Тобольска будут в состоянии возратить таковое позаимствование». Главноуправляющим МВД было направлено представление на имя г. Министра финансов о позаимствовании из остатков земского сбора, который составил 26 770 руб. 14¾ коп., на расходы по городу Тобольску. Этот вопрос должен был рассмотреть и Сибирский комитет⁴, который обсуждал и проблему по «устройству полиции и пожарной части в сибирских городах». После обсуждения необходимо было «доставить министру подробнейшее соображение, согласно высочайшему повелению», которое содержалось в «циркулярном предписании» управляющего бывшим министром полиции, о чем покойный граф Везми-тинов⁵ от 29 марта 1818 г. «сообщал отношением к бывшему Сибирскому генерал-губернатору Пестелю⁶»⁷.

Направляя этот документ Тобольскому губернскому совету, предписывалось «войти в скорейшее рассмотрение штатов тоболь-

ской полиции и пожарной команды», а о результатах «со всеми производствами дела представить» в министерство для «дальнейшего рассмотрения и утверждения в совете главного управления».

По изложенному делу 10 декабря 1826 г. за № 225 из Тобольска Общее управление Тобольской губернии препроводило предполагаемые штаты, рассмотренные накануне, 8 декабря 1826 г. Здесь же содержалось и предписание генерал-губернатора Западной Сибири, который председательствовал в заседаниях Совета главного управления от 2 марта и 17 ноября № 186 и 863 того же года, в 1-е отделение Тобольского общего губернского управления. В канцелярию Главного управления Западной Сибири была представлена «ведомость о числе жителей города Тобольска» и карта-список состоящего в Совете общего губернского управления журнала о «штатах тобольской гражданской полиции, пожарной команды и будочников, равно как и самые штаты, рассмотренные губернским советом» и приложены девять табелей.

Здесь следует сказать, что из себя представлял г. Тобольск. По меткому замечанию Г.Н. Потанина, «города Сибири — это точки на общественном теле Сибири, которыми оно воспринимает лучи света, идущие с Запада»⁸.

Тобольск, основанный одним из первых в 1587 г. на только что присоединенных территориях Западной Сибири, получил вскоре статус города (1590 г.). На протяжении XVI—XVIII вв. он являлся военным, административным, политическим, церковным и культурным центром на огромном пространстве от Урала до Тихого океана. Затем 130 лет (с 1708 г.) являлся главным городом Сибирской губернии и только в 1838 г. уступил свое первенство Омску. А ранее, в 1782 г., территория, ему подконтрольная, уменьшилась вдвое в связи с учреждением Иркутского наместничества.

Поэтому история старой «столицы Сибири» вызывает закономерный интерес у исследователей. В большом перечне работ следует назвать капитальный труд, подготовленный Ю.А. Гагемейстером⁹. Известный сибирский исследователь П.А. Словцов оставил материалы по истории Тобольска, которые и сегодня сохраняют свою научную ценность¹⁰. К.М. Голодовников затронул вопрос о продолжительности жизни жителей города и пришел к выводу о ее зависимости от места проживания, благоустройства и санитарных условий¹¹. Важные сведения о численности населения То-

больска в 1825 г. (16 994 чел.) и 1833 г. (17 558 чел.) получаем из официальных документов. В.И. Шунковым приведены интересные данные о росте числа дворов в Тобольском уезде, но в более раннее время (до 1710 г.), с 3,8 тыс. до 12,3 тыс. дворов¹².

Эта проблема продолжает оставаться в исследовательском поле и сегодня. Два диссертационных исследования М.Г. Рутц и Е.А. Пашишева раскрывают заявленную тему с разных позиций, но для нас важно, что временные рамки работ логически связаны: первая и вторая половина XIX в.¹³

Опубликованные недавно архивные материалы позволяют не согласиться с рядом выводов, сделанных М.Г. Рутц, и уточнить ее статистические данные с привлечением новых источников.

Таблица 1

«Ведомость о числе жителей и строений в г. Тобольске состоящих, 1826 г.»¹⁴

Жителей по различию состояния	Пол	Первой части			Второй части			Всего
		В 1 квартале	Во 2 квартале	Всего	В 1 квартале	Во 2 квартале	Всего	
Духовного звания	мужской	122	79	201	265	128	393	594
	женский	32	24	56	27	5	32	88
Чиновников на службе находящихся гражданского ведомства	мужской	107	129	236	130	33	163	399
	женский	25	37	62	49	21	70	132
Военного звания	мужской	428	989	1407	664	687	1351	2768
	женский	182	514	696	245	349	594	1293
Чиновников вне службы и разночинцев	мужской	218	196	414	189	232	422	835
	женский	275	126	401	123	182	305	706
Купцов	мужской	–	29	29	89	16	105	134
	женский	–	22	22	98	19	117	139
Мещан	мужской	496	850	1346	865	623	1488	2834
	женский	432	739	1171	782	574	1356	2527
Крестьян	мужской	118	42	160	37	32	69	229
	женский	120	51	171	48	40	88	259

Монастырских архиерейских служителей	мужской	38	9	47	36	6	42	89
	женский	22	5	27	42	8	50	77
Духовных людей	мужской	105	67	172	51	22	73	245
	женский	159	132	291	47	25	72	363
Иностранцев	мужской	43	62	105	56	34	90	195
	женский	37	43	80	32	22	54	134
Ссылных	мужской	195	163	358	43	85	198	556
	женский	189	145	334	79	63	142	476
Всех жителей	мужской	1930	2621	4551	2495	1918	4413	8964
	женский	1473	1841	3314	1682	1308	2380	6294

Приведенные в таблице цифры о населении Тобольска впервые конкретизируют его численность именно в 1826 г. Оно составляло 15 258 человек, из них больше половины (58%) — мужчины. Следовательно, если брать во внимание официальные сведения за предыдущий год, то получим сокращение численности горожан на 1 736 человек. Такая большая разница вряд ли может быть признана достоверной. Следовательно, какой-то источник или оба имеют значительные неточности.

Примечательно, что все городское население делили на 11 групп, в том числе людей духовного сословия, которое, в свою очередь, делилось на 3 категории: духовного звания, монастырских архиерейских служителей и духовных людей, всего 1 427. Важным представляется выделение в каждой группе половой принадлежности. Численность иностранцев обоего пола составляла всего 329 человек или 2% от общей численности, кстати, это больше, чем представителей купеческого сословия — их было 273 человека или 1,7% от общей численности населения. А вот ссылных здесь находилось 1 031 человек или 6,7%, при этом женщины составляли 476 человек. Таким образом, ссылные оставались значимым источником роста численности населения города. Она уступала только мещанам (они на первом месте) — 5 361 человек, людям воинского звания — 4 061, чиновникам вне службы и разночинцам — 1 541, следовательно, были на 4-ом месте. Крестьян насчитывалось всего 488 человек, что составляло 3,1% горожан.

Проведем сравнительный анализ с выводами по численности населения Сибирских городов в первой половине XIX в., к кото-

рым пришла М.Г. Рутц в своей работе Исследовательница отмечает, что Тобольск был одним из трех городов Зауралья, имевшим численность населения более 15 тыс. человек.

Подсчеты М.Г. Рутц расходятся с приводимыми нами сведениями. Например, ссыльные, по ее данным, в 1823 г. составляли всего 1,9% в составе городского населения, но в Тобольске этот процент оказывается в 3,5 раза выше среднестатистического. А если учитывать, что для подсчета исследовательница брала население пяти самых крупных городов — Тобольска, Тюмени, Омска, Томска и Барнаула, то получается, что ее выводы имеют большую погрешность. М.Г. Рутц рост численности этой категории населения относит к 1840-м гг. до максимальных 5% и называет Омск и Ялуторовск самыми «густонаселенными» ссыльными, да и то уже в 60-е гг. XIX в. Таким образом, можно, опираясь на представленные данные, говорить о неверных подсчетах, да и города сравниваются разные. Аналогичные расхождения встречаются и по лицам военного звания. В Тобольске они составляли 26%, а не 9,2% (1811 г.) или 25,4% (в 1858 г.), как утверждает исследовательница. Сильно завышен оказался и процент купеческого сословия, он в Тобольске составил всего 1,7%, а не 4%, хотя последние цифры М.Г. Рутц относит в первое десятилетие XIX в. Не раскрыта в диссертационном исследовании в процентном отношении и численность таких категорий как духовенство и крестьянство. При этом констатируется только, что «духовенство и по российским городам, и по западносибирским весь период (первая половина XIX в. — *В.М.*) занимало близкие позиции», а в отношении крестьян сказано, что они «в составе городского населения Западной Сибири уступают по удельному весу российским городам»¹⁵.

Таким образом, публикуемые архивные данные позволяют обнаружить существенные неточности, допущенные в специальных работах, раскрывающих тенденции сословной структуры города Тобольска в первой трети XIX в. Они же восполняют пробел и в статистике численности населения города по сословиям.

Не менее важные сведения получаем из публикуемых материалов об административном и территориальном устройстве города, количестве построек. Как видно из таблицы 2, город делился на две части, каждая из которых, в свою очередь, состояла из

2-х кварталов. Обращает внимание тот факт, что, например, купцы в первой части первого квартала вообще не селились, а жили в большей мере во второй части первого квартала. А вот большинство чиновников жили в первой части в обоих кварталах примерно поровну, хотя много было и во второй части, но только в первом квартале. Аналогичная ситуация просматривается и с крестьянами, и со ссыльными.

Приведены конкретные цифры о количестве больших улиц, переулков, мостов, церквей, домов, при этом они распределены на 3 группы по назначению, а каждая группа разделена на подгруппы по качеству материала, из которого они построены: деревянные и каменные. Город занимал пространство в 590 десятин 76 сажень¹⁶.

Таблица 2

	Назначение и качество строений ¹⁷		I часть			II часть			Всего
			I квартал	II квартал	Итого	I квартал	II квартал	Итого	
Больших улиц			5	8	13	12	9	21	34
Переулков			9	10	19	11	7	18	37
Мостов через речки			3	4	7	3	6	9	16
Перевозов через речки			–	1	1	1	1	2	3
Церквей	Греческих	Каменных	8	1	9	6	1	7	16
	Католических	Деревянных	–	1	–	–	–	–	1
Домов	Казенных	Деревянных	16	21	37	18	13	31	68
		Каменных	10	3	13	4	1	5	18
	Общественных	Деревянных	6	3	9	10	3	13	22
		Каменных	–	–	–	2	–	–	2
	Обывательских	Деревянных	432	457	889	472	412	884	1773
	Каменных	1	2	3	13	–	13	16	

Имеются интересные сведения о динамике роста численности жилых домов в Тобольске в середине XIX в. с 2 214 (1851 г.), до 3 109 (1904 г.), а уже в 1910 г. — 3 379¹⁸. Приведенные в таблице цифры будут иметь важное значение для уточнения статистики за

более ранний временной отрезок, что будет способствовать определению динамики в количестве домов за почти вековой период.

Архивные материалы позволяют установить количество церквей, при этом они все были каменные и только одна деревянная, построенная для католиков. Казенные дома, в основном, остаются деревянными (68), а каменных всего 18, при этом примерно поровну распределены по двум частям. А вот общественных из кирпича всего только 2, а остальные 22 — деревянные. Обывательская же застройка почти вся деревянная — 1 773 и только 16 домов из камня. Следовательно, даже чиновники и купцы предпочитали строить дома из дерева, как более дешевого материала. Тобольск продолжал оставаться деревянным городом, а каменные постройки составляли, можно сказать, исключение, кроме церквей. Численность же населения превышала 15 000 человек, что свидетельствовало о том, что Тобольск оставался одним из самых крупных городов на просторах всей Сибири.

И вот в этом городе создают городскую полицию и пожарную команду.

Финансирование расходов на их содержание предполагалось как из казны, т.е. государственных источников, так и за счет городских средств. Эти средства, как видно из таблицы 3, делились почти поровну¹⁹. Закономерный интерес представляет численность и должности по штату полиции.

Таблица 3

I. Собственно по полиции насчет казны						
	Кол-во людей	Жалованья				Примеч.
		Одному		Всем		
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	
Полицмейстер	1	450		450		По высочайше утвержденным штатам
Секретарь	1	300		300		
Столоначальников	2	300		600		
Писарей	8	120		960		
Всего	12					
На канцелярские потребности				720		
Итого				3030		
Насчет градских доходов						
Брандмейстер	1	60		60		Из казачьего полка и кроме сего, получает из одного жалование
Сторожей	1	60		60		Из инвалидов и кроме сего не получает ни провианту ни амуниции
Машинный мастер	1	90		90		
Десятников	6					По уважению недостатка градских доходов употреблять для рассыльных казаков не производить им никакого особенного довольствия
На отопление и освещение		492		492		
На поддержание и поправки печей и проч.		20		20		
Всего	9	722		722		

Итого собственно по полиции на счет городской казны	21			3752		
II. По двум частным управам²⁰ на счет градских доходов						
Частных приставов	2	300		600		
Квартальных надзирателей	4	200		800		
Писцов	4	100		400		
Сторожей	2	48		96		
Десятников при 2-х частях и 4 кварталах	16					
Трубочистов	4	60		240		По недостатку градских доходов употреблять из городских казаков, не производя им никакого особого довольствия
На канцелярские потребности		100		200		
На отопление и освещение		96		192		
На поправки печей и проч.		10		20		
Итого на содержание двух частных управ на счет градских доходов	32			2548		
III. Вообще по городу на счет градских доходов						
На отопление 13 будок по 8 сажень на каждую по 2 руб. 50 коп.		20		260		
На освещение их по 1 пуду 20 фунтов 10 руб. пуд. За 19 пудов 20 фунтов		15		195		
				455		
Всего				6755		
В том числе от казны				3030		
На счет градских доходов				3725		

Представляют интерес цифры предполагаемого штата служителей и оснащенности Тобольской градской пожарной части²¹ (табл. 4).

Таблица 4

	Число людей	Сумма	
		Руб.	Коп.
Из инвалидов для караула к 13 будкам по 3 на каждую	39		
Пожарных помощников брандмейстера	1	Жалование назначается по московскому штату, который сверх того получает провиант и амуницию наравне с прочими	
Для действия огнетушителями машинистами	26	Из числа сих пожарных служителей 7 употреблено поочередно для караула на каланче и у ворот полиции	
Фурментов:			
К машинам	8		
К линейкам	2		
Багром, лестницам и прочему инструменту в 3 возка	3		
Бочкам	10		
Топориков	5		
С ведрами	6		
С швабрами	2		
Щитами	2		
Ломами	2		
А с будочниками итого 106.			
А сверх того брандмейстер из казачьего полка и машинный мастер из вольных, показанных по особому штату с коими всех полицейских служителей составляет 108. Жалованье им, кроме брандмейстерского помощника и машинного мастера, получающих оное по другому, назначена в общем штате. Всего 106 человекам инвалидному окладу по 7 руб. 42 1/12 коп. В год 799 руб. 62 коп.			

В документе прописано продовольственное содержание на указанный штат. Предполагалось выделять на «провиант муки по 1 пуду 32 ½ фунт в месяц, а в год по 21 пуду 30 фунтов на каждо-

го, а на 107 человек 2 305 пудов 20 фунтов по 65 коп. пуд, включая в то число и помощника брандмейстера на общую сумму 1 498 руб. 57½ коп.

Продовольственное довольствие состояло из: круп по 7½ фунта в месяц, а в год на одного человека по 2 пуда 10 фунтов по 2 руб. каждый. На 106 человек — 238 пудов 20 фунтов, на 477 руб.

Расходы на заявленный штат, кроме брандмейстера и машинного мастера, составляли 2 811 руб. 19½ коп.²²

Тягловой силой была лошадь, поэтому пожарная команда укомплектовывалась ими. Этот раздел имеет название: «Начисление о потребности лошадей для Тобольской пожарной команды и сумм на содержание оных» (табл. 5):

Таблица 5

К 3 большим огнетушительным машинам	по 2—6
К 1 линии	3
К 7 бочкам из коих к трем парой	10
К баграм и прочему инструменту в 3 воза	3
Сверх означенных пожарных 22 лошадей предполагается для возки воды в военный лазарет, тюремный острог и тамошнюю больницу	8
Итого:	30

На содержание лошадей выделялось: овса, полагая на каждую в год против казенных подъемных лошадей по 11 четвертей²³ — 3 четверти и 2 гарнца²⁴, на все 30 лошадей в год — 342 четверти. 1 четверть 4 гарнца — по 3 руб. 20 коп. четверть, таким образом, общая сумма расходов на фураж составляла 1 095 руб.

Сена, полагая на каждую в год 180 пудов²⁵, а на 30 лошадей — 5 400 пудов, по 20 коп. пуд — 1080 руб.

На ковку по 6 руб. на каждую лошадь в год, на 30 — 180 руб.

Предусматривались средства и на лечение лошадей — по 3 руб. на каждую в год, на 30 лошадей — 90 руб. Все затраты на содержание 30 лошадей в год составляли — 2 445 руб.²⁶ Следовательно, содержание лошади было дорогое.

Приложение № 4 озаглавлено: «Исчисление о потребности пожарных инструментов и других вещей для тобольской градской полиции»²⁷ (табл. 6).

Таблица 6

Звание вещей (название вещей)	Счетом (количество)
Заливных труб	9
Бочек	20
Багров больших	9
Багров малых	45
Веревки с железными крючьями	35
Лестниц больших	3
Лестниц малых	5
При них железных ухватов	2
Ведер пожарных	9 по 5 руб. каждое — 45
Деревянных кованых	20 по 1 руб. — 20
Топоров	10 по 3 руб. — 30
Ломов	10
Черпаков	25
Щитов больших	1
Щитов малых	11
Чехлов для прикрытия машин холщовых	9 по 3 руб. — 27
Молотов	2
Стягов парусиновых	15
Стягов холщовых	6
Лопат деревянных	6
Простых	25
Швабр	20
Ходов летних под машины	9
Бочки*	5
Лестниц, багров и проч.	3
Линеек	1
Ходов летних под машины	9
Бочки	6
Багров и проч. инструментов	2
Парных фонарей с таганами	5

* В документе встречаются два повтора в названии оборудования, вероятно, они имели разное назначение, конструкцию, размеры.

Значинов китайчетых с выкрашенными древками и медными головнами	3
Кожаных запонов	6
Коневой сбруи:	
Хомутов с шлеями ременными	40
Седелок с подпругами	36
Черезседельников ²⁸	36
Вожжей пеньковых	70
Дуг	36
Узд ременных с удилами	40
Постромок пеньковых	36
Попон суконных	30 по 4 руб. — 120
Скребниц железных	10
Щеток	10

Итого единовременно 242 руб. для ремонта. На поддержание пожарных инструментов — 200 руб., конной упряжи — 80 руб., на смазывание упряжи и машинных рукавов — 40 руб. Следовательно, требовалось ежегодно — 320 руб. А всего требовались расходы на сумму 562 руб.²⁹

В приложении № 5 под названием «Ведомость об амуниции на одного бутошника»³⁰ (табл. 7) представлен подробный расчет затрат на обмундирование по годам и его сроки службы.

Таблица 7

Время сроков	Звание вещей	Щетом	Что оные постройке нистоят	
			Руб.	Коп.
Без срочные	Бердыш железный с выкрашеною древкою	1	2	50
	Шапка фуражная. На будущее время строить можно из прослуживших сроки мундиров	Сукна серого по 2 руб. аршин 3 вершка	–	37½
		Подкладочного холста 1 аршин	–	15
		Медный знак	–	40
На год	Шинель серого крестьянского сукна, приводя в указную ширину по 2 руб. аршин.	4 аршина 2 вершка	8	25
	Холста подкладочного по 15 коп. аршин.	3 аршина 12 вершков	–	56¼
	За шитье		–	98
На 2 года	Мундир сукна крестьянского серого, приводя в указанную ширину по 2 руб. аршин	2 аршина 4 вершка	4	87½
	Холста подкладочного по 15 коп. аршин.	7 аршин	1	5
	За шитье		–	60
	Панталоны сверх штанов.	5 аршин 4 вершка	3	41¼
	Сукна крестьянского по 65 аршин холста подкладочного по 15 коп. аршин	5 аршин 4 вершка	–	48¾
	За шитье		–	45
На один год	Панталоны летние			
	Фланельного полотна по 1 руб. 20 коп. аршин	12 аршин	2	10
	Холста подкладочного по 15 коп. аршин	8 аршин	–	22½
	За шитье		–	45

На один год	Сукна черного на галун ³¹	1 вершок	–	18½
	Под оной холста	1 вершок	–	1½
	На 2 рубашки холста по 20 коп. аршин	13 аршин 8 вершков	2	70
	На третью деньгами		–	78
	Сапог по 2 руб. 50 коп. пара	2 пары	5	
	На шитье и смазку оных		1	
	Рукавиц с варегами ³²	1	1	20
На 4 года	Сверх того на три человека тулуп с серым крестьянским сукном	1	20	
На 1 год	Одна пара кенег	1	3	
	Итого на одного бутошника		60	59¾
	А на всех 39 человек в сложности по 60 руб. 59¾ на каждого		2 363	30¼
Ведомость об амуниции на одного тобольской пожарной команды служителя ³³				
Без срочная	Картуз черной кожи ламинированной	1	2	40
	Шапка фуражная сукна серого по 2 руб. аршин	3 вершка	–	37½
	Холста подкладочного по 15 коп. аршин	1	–	15
	Медный знак		–	40
На 8 лет	На будущее время строить оную из прослуживших сроки курток.			
	Португепя черная с пряжкой	1	1	20
На 4 года	Шинель:			
	Серого крестьянского сукна по 65 коп. аршин	12 аршин 6 вершков	8	4¾
	Холста подкладочного по 15 коп. аршин	3 аршина 12 вершков	–	56¼
	На подклад сукна	2 вершка	–	98
	На шитье нитки и пряжу		–	20
	Полушубок	1	6	
На 2 года	Китель:			
	Ревендуну по 80 коп. аршин	7 аршин	5	60
	Холста подкладного по 14 коп. аршина	12 аршин 5 вершков	1	72⅞
	На шитье нитки и деревянные		–	75

На 2 года	Куртка: Серого крестьянского сукна по 65 коп. аршин	4 аршина 14 вершков	3	16%
	На приклад сукна по 4 руб. аршин	2 вершка	–	50
	Холста на подкладку по 14 коп. аршин	5 аршин	–	70
	На шитье гаруб: воск нитки и деревяшки для пуговиц		–	60
	Двое брюк: Серого сукна по 65 коп. аршин	10 аршин 8 вершков	6	82½
	На подкладку холста по 14 коп. аршин	6 аршин 12 вершков	–	94½
	На кожу для обшивки в низу рейтуз	–	–	50
	На шитье нитки и деревяшки для пуговиц		–	45
На 1 год	Летние брюки: Фланельного полотна по 1 руб. 20 коп. аршин	4 аршина	2	70
	Холста подкладочного по 14 коп. аршин	3 аршина 12 вершков	–	52½
	На шитье, нитки, деревяшки		–	45
	На галстук с манишкой черного сукна	1 вершок		4
На 1 год	На подкладку холста	1 вершок	–	1
	На шитье нитки, и завязки из черной кожи		–	15
	На две рубашки холста по 20 коп. аршин	13 аршин 8 вершков	2	70
	На 3-ю деньгами	–	–	78
	Полусапожков смазанных по 2 руб. 50 коп. пара	2 пары	5	
	На подъемные деньгами		–	70
	На портянки шитье и смазку сапог		1	
На 1 год	Кожаных рукавиц с теплыми варегами	1 пара	1	50
	Итого на одного пожарного служителя		56	62%
	А на всех 67 человек кроме брандмейстера и машинного мастера, включая в то число помощника		3 794	12%

Далее приведена «Ведомость о потребности сумм на заведение амуниции для пожарных и прочих полицейских служителей с разделением по срокам на одного служителя и на всех вообще» (табл. 8)³⁴.

Таблица 8

	На пожарных				На полицейских бутошников			
	На одного		На 67		На одного		На 39	
Для обзаведения амуниции	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Бессрочной	2	32½	155	77½	3	42½	133	57½
8-ми годовой	1	20	80	40				
4-х годовой	15	78⅞	1 057	67⅞	29	79¼	1161	90¾
2-х годовой	21	76¼	1 458	8¾	10	72½	418	27½
Годовой	15	55½	1 042	18½	16	65½	649	54½
А всего	56	62⅞	3 494	12⅞	60	59¾	2 363	30¼

«Табель о потребной сумм на обмундирование 106 человек полицейских служителей в продолжение 10 лет»³⁵ предполагала шитье амуниции на всех полицейских служителей с 1825 г. Городская дума по указанным срокам обязывалась отпускать на эти потребности в каждый из последующих десяти лет, делая таковые отпущения в конце тех годов, когда положенные сроки службы вещам истекнут. Обмундирование предлагалось шить по этапам: с 1827 г. — 2-годовых вещей, с 1829 г. — 4-х и 2-годовых, с 1831 г. — 2-годовых, в 1833 г. — 8-ми, 4-х и 2-годовых, с 1835 г. — 2-годовых.

Таким образом, городская дума должна была изыскивать и отпускать в течение десяти лет на обмундирование одного пожарного 338 руб. 20⅞ коп. и одного будочника 323 руб. 70 коп., а на всех 106 человек 35 284 руб. 40⅞ коп. с разделом этого количества на 10 лет, причем в каждый год 3 528 руб. 44 коп. с долями.

В последнем приложении № 9 помещена «Краткая ведомость о суммах, какие обязана отпускать Тобольская градская дума на содержание полиции ежегодно и единовременно»³⁶.

На жалование чиновникам и служителям полиции, освещение, строение занимаемых ею будок и на прочие по штату № 1 — 3 725 руб.

По штату № 2 жалование и провиант всей пожарной команде — 2 811 руб. 19½ коп.

По исчислению приложения № 3 на содержание пожарных лошадей — 2 445 руб.

По исчислению приложения № 4 на заведение и содержание пожарных инструментов 242 и 320 руб.

По штату приложения № 8 на обмундирование всей полицейской команды, принимая сложную сумму из 10 лет в год, — 3 528 руб. 44 коп. с долями. Итого 242 и 12 829 руб. 63½ коп. и 13 071 руб. 63½ коп. соответственно. Надо заметить, что сумма для Тобольска была значительная.

Для иллюстрации финансового положения г. Тобольска приведем «Ведомость о доходах и расходах по городам Западной Сибири на 1833 год»³⁷ (табл. 9).

Таблица 9

Название города	Доходов с остатками от 1832 г.	Расход	Недостаток	В остатке
Тобольск	39 047.71¼	38 903.31½		144.39¾
Тюмень	22 193.87¾	22 599.94½	406.6¾	–
Туринск	4 256.75	4 324.21¾	67.46¾	–
Ялуторовск	6 418.94¾	6 418.94¾		
Курган	5 825.71	4 491.20½		1 334.50½
Ишим	6 124.30½	4 259.38		1 864.92½
Тара	6 347.16½	6 495.41	148.24½	
Тюкалинск	2 919.89	2 854.5¾		65.83¼
Березов	1 054.86¼	1 018.65		36.21¼
Всего	94 189.22	91 365.12¾	621.78	3 445.87¼

Таблица 10

**«Табель о потребных сумм на обмундирование 106 человек
полицейских и пожарных служителей в продолжение 10 лет»**

	1826 г.	1827 г.	1828 г.	1829 г.	1830 г.	1831 г.	1832 г.	1833 г.	1834 г.	1835 г.
I. На служителей пожарной команды:										
Одного	56.62 ⁷ / ₈	37.3 ³ / ₄	15.55 ¹ / ₂	53.10 ³ / ₈	15.55 ¹ / ₂	37.31 ³ / ₄	15.55 ¹ / ₂	54.30 ³ / ₈	15.55 ¹ / ₂	37.31 ³ / ₄
Всех 67	3794.12 ⁵ / ₈	2500.27 ¹ / ₄	1042.18 ¹ / ₂	3557.95 ¹ / ₈	1042.18 ¹ / ₂	2500.27 ¹ / ₄	1042.18 ¹ / ₂	3638.35 ¹ / ₈	1042.18 ¹ / ₂	2500.27 ¹ / ₄
II. На служителей полицейских бутеш- ников:										
Одного	60.59 ³ / ₄	27.38	16.65 ¹ / ₂	57.17 ¹ / ₄	16.65 ¹ / ₂	27.38	16.65 ¹ / ₄	57.17 ¹ / ₄	16.65 ¹ / ₂	2 738
Всех 39	2 363.32 ¹ / ₄	1 067.82	649.54 ¹ / ₂	2229.72 ³ / ₄	649.54 ¹ / ₂	1 067.83	649.54 ¹ / ₂	2229.72 ³ / ₄	649.54 ¹ / ₂	1 067.82
На всех 106 человек	6 157.44 ⁷ / ₈	3 568.9 ¹ / ₄	1 691.73	5787.67 ⁷ / ₈	1 691.73	3 568.9 ¹ / ₄	1 691.73	5 868.7 ⁷ / ₈	1 691.73	3 568.9 ¹ / ₄

Как видно, бюджет Тобольска был самым большим и составлял 40% от общих средств указанных в таблице городов. При этом власти распределяли доходы и расходы с остатком, пусть и небольшим. г. Курган, например, имел в остатке более 20% бюджета, а Ишим и того больше — 30%.

С целью сокращения городских расходов 18 декабря 1826 г. в распоряжении № 309 начальник отделения Главного управления Западной Сибири предлагал тобольскому полицмейстеру обходиться «полицейскому управлению вместо предполагаемых при общей управе двух частях и четырех кварталах 22 человека десятников — городскими казаками, которых Тобольский губернский совет полагал употребить для рассылки в общей управе 6 в частях по 3 и в каждом квартале по 2 человека не производя им никакого особенного довольствия»³⁸.

На это предложение Тобольский полицмейстер направил ответ следующего содержания (на документе имеется резолюция: «к делу для соображений»): «24 декабря. 1826 г. Тобольск. № 235. Тобольского полицмейстера ответ на № 309 декабря 22 дня 1826 г. № 935.

Главное управление Западной Сибири. Второе отделение.

Вследствие требования одного отделения от 18 сего декабря уведомить имею честь, что предполагаемые при Тобольской общей полицейской управе двух частях и 4 кварталах 22 человека десятников по многолюдству города и обширности города обойтись никак невозможно, разве что вместо их сверх находящихся ныне таково же количество будет находится городских казаков, которые хотя и командируются, но они обязанности десятников не занимают, а употребляются только для караула при арестантах и разных имуществах. Десятники же употребляются: к сыску по требованиям разных мест людей, к узнанию о приезжающих, к побуждению жителей к соблюдению в городе чистоты к не правлению мостовых, к повестке жителей о разных случаях при взыскании разных денег и дел производстве и прочие надобные сему надобности на которых казаков командированных в управу отвлекать никак не возможно, да и городовых казаков на сие едва будет достаточно. К тому же они и ныне с мест своих полков для разных случаев отвлекаются. При чем долгом считаю присовокупить не благоугодным будет предполагаемых иметь при управе частях

и кварталах десятников, приказать думе присылать натурою которые должны быть по выборам общества из мещанского сословия в таком случае и городские расходы сократятся, и для полицейского управления будет удобно»³⁹.

В 1827 г. сенаторы, проводившие ревизию Сибири, затребовали 1 июля в канцелярии Главного управления Западной Сибири штат Тобольской полицейской управы⁴⁰. На что 2 июля был получен ответ, что запрос находится на рассмотрении⁴¹.

А 8 сентября 1827 г. за № 228 в канцелярию Общего управления Тобольской губернии была направлено указание, что для утверждения штата полиции надо взять штаты Казанской полиции, утвержденные императором Александром I и изданные еще в 1803 г.⁴² Как свидетельствует источник, на Тобольскую полицию выделялось 16 101 руб. 63½ коп.⁴³

Таким образом, публикуемые документы и их содержание позволяют проследить, каким образом формировались полицейские управы и пожарная команда в г. Тобольске в первой трети XIX в. Приведенные в приложениях цифры позволяют определить и количество штата, и потребность в необходимом оборудовании для функционирования пожарной части и полицейской управы; также просчитана потребность в материалах для пошива обмундирования сотрудников и количество фуража, необходимого для прокорма лошадей.

При составлении смет расходов пытались их сократить за счет привлечения сверхштатных сотрудников из других учреждений, которые получали содержание по основному месту службы.

Следовательно, развитие города Тобольска, которое выражалось в расширении его границ и росте численности населения, преобладание деревянной застройки, значительный процент населения из ссыльных требовали создания новых городских служб — полицейской и пожарной.

Для сохранения исторического колорита написание отдельных слов в цитируемых документах сохранено (градские, бутошники и др.).

Примечания

¹ Солодкин Я.Г. Основатель Березова Никифор Траханиотов // Югра. 1998. № 47. С. 18—19; Он же. О датировке «поставления» Березова и Кетска // Северный регион: наука, образование, культура. 2003. № 1 (7). С. 125—127; Он же. Когда был заложен Березов? // Сибирский ист. журн. 2004. № 1. С. 38—42; Он же. Первые русские воеводы в «Сибирской земле» (1584—1586 гг.): летописные версии и их источники // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Кол. моногр. / Под общ. ред. Я.Г. Солодкина. Нижневартовск, 2014. Ч. 9. С. 27—38; Он же. К ранней истории «русской» Сибири: несколько биографических очерков // Западная Сибирь: история и современность: Краевед. зап. Нижневартовск, 2015. Вып. XIII. С. 12—20.

² ИАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17541.

³ Главноуправляющий — звание это введено учреждением министерств 1811 г. для лиц, стоящих во главе отдельной части государственного управления, с правами и обязанностями министров.

⁴ Сибирский комитет — высший законосовещательный и административный орган царской России по делам Сибири. Обычно два срока существования Сибирского комитета в литературе именуется как 1-й Сибирский комитет (1821 — 9 января 1838 г.) и 2-й Сибирский комитет (1852—1864).

⁵ Вязьмитинов, граф Сергей Кузьмич (1749—1819) — генерал от инфантерии, первый военный министр (1802—1808), с 1812 г. назначен председателем комитета министров и ему поручено заведывание министерством полиции и управление Санкт-Петербургом в 1816 г., затем получил звание Санкт-Петербургского военного губернатора.

⁶ Пестель Иван Борисович (1765—1843) — крупный чиновник конца XVIII — начала XIX вв., генерал-губернатор Сибири (1806—1818).

⁷ ИАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17541. Л. 58 об.

⁸ Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 234.

⁹ Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. 1—3.

¹⁰ Словцов П.А. Прогулки вокруг Тобольска в 1830 г. М., 1834; Он же. Письма из Сибири. М., 1826; Он же. Материалы для библиографии Тобольской губернии. 1600—1889 // Календарь Тобольской губернии на 1890 г. М., 1890.

¹¹ Голодников К.М. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины присоединения Сибири. Тобольск, 1881; Он же. Город Тобольск и его окрестности: исторический очерк. Тобольск, 1887.

¹² Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII века. М.; Л., 1946.

¹³ Рутц М.Г. Торгово-промышленное развитие и население городов Западной Сибири в первой половине XIX века. Барнаул, 2003. 351 с.

¹⁴ ИАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17541. Л. 68—70.

¹⁵ Рутц М.Г. Торгово-промышленное развитие и население городов Западной Сибири в первой половине XIX века. Барнаул, 2003. 351 с.

¹⁶ ИАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17541. Л. 68 об. — 69.

¹⁷ Название автора. — *В.М.*

¹⁸ Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С. 5; Города России в 1904 году. СПб., 1906, С. 368—371; Города России в 1910 году. СПб., 1914, С. 1022.

¹⁹ ИАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17541. Л. 71 об. —75.

²⁰ Имеются в виду две части города.

²¹ ИАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17541. Л. 78—79.

²² ИАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17541. Приложение № 2. Л. 79.

²³ Четверик = 26,25 литра. Мера емкости в России. В одном четверике 8 гарнцев, 1/8 четверти.

²⁴ Гарнец — историческая русская дометрическая единица измерения объема сыпучих тел (ржи, крупы, муки и т.п.), равная 1/8 четверика (3,2798 литра). Гарнец («горшок» по-древнерусски). В Царстве Польском употреблялся до 1849 г., разделялся на 4 кварты = 4 литра. В Галиции употреблялся до 1857 г. = 3,85 литра (по Южакову).

²⁵ Русский пуд = 16,38 кг.

²⁶ ИАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17541. Приложение № 3. Л. 80—81.

²⁷ Там же. Л. 82—87.

²⁸ Чересседельник поддерживает в правильном положении оглобли, а с ними и хомут с дугой, передавая часть их массы, а также тягового усилия на спину

²⁹ ИАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17541. Л. 86 об. — 87.

³⁰ Там же. Л. 88—92.

³¹ Галун (от фр. galon) — плотная лента или тесьма шириной 5— 60 мм из хлопчатобумажной пряжи, химических нитей, шелка, часто с армированной нитью.

³² То же, что и варежка.

³³ ИАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17541. Приложение № 6. Л. 90—92.

³⁴ Там же. Приложение № 7. Л. 93.

³⁵ Там же. Приложение № 8. Л. 94—95.

³⁶ Там же. Приложение № 9. Л. 96—97.

³⁷ Там же. Л. 217.

³⁸ Там же. Л. 98.

³⁹ Там же. Л. 99—100.

⁴⁰ Там же. Л. 101.

⁴¹ Там же. Л. 102.

⁴² Там же. Л. 103.

⁴³ Там же. Л. 195—195 об.

Глава 2

УДК 93/94

ОБЪЕМЫ ДОБЫЧИ РЫБЫ И ЕЕ ПЕРЕРАБОТКА В ЯМАЛО-НЕНЕЦКОМ ОКРУГЕ В 1939—1941 гг.

Аннотация. В разделе представлены объемы добычи рыбы в округе по годам и по районам в динамике, выявлена роль колхозов и государственных рыбозаводов в добыче рыбы. Рассмотрена переработка рыбы, описываются некоторые технологии обработки рыбы, представлена динамика консервного производства.

Ключевые слова: округ; рыбозавод; рыба; рыболовство; технология; переработка; консервный комбинат; колхоз; район.

VOLUMES OF PRODUCTION OF FISH AND HER PROCESSING IN THE YAMALO-NENETS AUTONOMOUS AREA IN 1939—1941

Abstract. Volumes of production of fish are presented in the section in the district by years and on areas in dynamics, the role of collective farms and the state fish factories in production of fish is revealed. Processing of fish is considered, some technologies of processing of fish are described, dynamics of canning production is presented.

Key words: district; fish factory; fish; fishery; technology; processing; canning combine; collective farm; area.

Накануне Великой Отечественной войны рыбная отрасль оставалась ведущей в промышленном производстве округа. Рыбное хозяйство обладало определенной структурой, в которой выделялись рыбоучастки, рыбозаводы и комбинаты. Основной государственной организацией, действовавшей на Обь-Иртышском Севере, оставался Обской Госрыбпромтрест. Поставку рыбы обеспечивали рыбозаводы, куда приезжали приемщики Рыбтреста. Закупленная рыба отправлялась на консервные предприятия. Число рабочих на рыбозаводах показывает, что это были небольшие предприятия. Рыбозаводы стремились организовывать приемные пункты в местах, наиболее выгодных с точки зрения рыбодобычи.

Работники рыбозаводов занимались мойкой и сортировкой рыбы, засолкой и отправкой.

В Ямало-Ненецком округе работали семь рыбозаводов, на которых рабочая сила, за исключением нескольких человек коренного населения, была представлена государственными рабочими. Большинство рыбозаводов было создано ссыльными крестьянами еще в начале 1930-х гг.¹ Ежегодно производилась вербовка рабочих в Тобольске. Самым крупным был Тазовский рыбозавод. Производственная деятельность Тазовского рыбозавода охватывала территорию двух административных районов: Тазовского и Пуровского.

Таблица 1

План и добыча рыбы Тазовского рыбозавода в 1940 г. (в ц)²

Год	Гослов		Колхозы		Всего	
	план	факт	план	факт	план	факт
1940	9 500	5 544	15 600	10 831	25 100	17 353

Райсоветы на время путины отправляли на рыбозаводы работников из районных организаций для обеспечения, с их точки зрения, более эффективного труда и результатов. Средние цифры по лову рыбы Обьгострестом составляли 60—70 тыс. ц в год. Это составляло 60% всей рыбодобычи Ямало-Ненецкого округа. На окружной партконференции 1939 г. отмечалась плохая работа рыбозаводов.

Условия труда и быта на рыбозаводах оставались тяжелыми. В докладной записке начальника политчасти Обьгострестреста за 1938 г. сообщалось о состоянии партмассовой работы в партийных организациях и предприятиях области. В документе подчеркивалось, что подавляющее большинство рабочих — спецпереселенцы. «У рабочих от наколов заболевания пальцев (на мойке рыбы)»³, так как работали без перчаток. Медикаментов для лечения гнойных ран не было. Зарплата рабочих на рыбных промыслах в 1940 г. составляла в Ямало-Ненецком округе от 150 до 200 руб. Трудились 8-часовой рабочий день. Снабжение рыбаков одеждой и обувью осуществляла Ямальская МПС. Ежегодно проблемы с одеждой повторялись, не хватало прежде всего специальной обуви — бродней. К путине 1940 г. в Надымском районе обувью рыбаки были обеспечены всего на 51%.

Рыбозаготовки составляли важнейшую часть всей хозяйственной деятельности в округе. Планы были очень высокими, и иногда

не выполнялись. Невыполнение плана объяснялось следующими причинами: «плохое снабжение ловцов; планы заготовок не доводились до ловцов; слабо использовались ловцы-туземцы; несвоевременный расчет; отсутствие каких-либо преимуществ у колхозников»⁴. Основным заготовителем рыбы выступал рыбный трест.

Накануне войны в Ямало-Ненецком округе Обский Госрыбтрест Наркомпищепрома СССР сохранял свои ведущие позиции. Хотя к этому времени в округе имелся Рыбколхозсоюз, но заготовками он почти не занимался. Колхозный лов занимал в общем объеме рыбозаготовок по Ямальскому округу 38,3%. В 1940 г. заготовки были выполнены на 72,9% и составили 75 767 ц рыбы. Заготовительные планы ежегодно менялись в сторону их увеличения, но объективных условий для их выполнения не было, так как они не учитывали ни возможности ресурсов водоемов, ни количество рабочих, ни производственные факторы. Всего рыбозаводы Ямала добыли: в 1938 г. — 98 935 ц рыбы, в 1939 г. — 97 983 ц, в 1940 г. — 100 667 ц⁵. Надо иметь в виду, что в эти показатели входит и рыба, закупленная у колхозов.

Начало войны внесло коррективы в развитие рыбного хозяйства края. Планы добычи возросли. Рыбаки с воодушевлением принимали повышенные трудовые обязательства.

Контрольные цифры для округа на 1941 г. по добыче рыбы составили 125 800 ц⁶.

Добычу рыбы осуществляли следующие рыбозаводы: Кушеватский, Мужевский, расположенные южнее, и группа заводов, расположенных в Заполярье: Аксарковский, Пуйковский, Шугинский, Новопортовский и Тазовский.

Таблица 2

Расположение рыбозаводов округа

Наименование завода	Месторасположение
Кушеватский	пос. Горки
Мужевский	Мужи
Аксарковский	пос. Аксарка
Пуйковский	Пуйко
Шугинский	Шуга
Новопортовский	Новый Порт
Тазовский	Таз

Тазовский рыбозавод перевыполнил государственный план 1941 г. на 104,4%. Кушеватский рыбозавод выполнил производственный план на 130%, Новопортовский — на 127%. Таким образом, из 7 рыбозаводов план выполнили 3, недодали государству 10 838 ц рыбы. Всего в 1941 г. рыбозаводы Ямала (с учетом закупленной у колхозов рыбы) добыли 110 156 ц сырца⁷.

Однако стоит подчеркнуть, что большую часть рыбы добывали все же не государственные рыбозаводы, а колхозы. В 1940 г. колхозы округа добыли 63% рыбы от всего объема рыбодобычи. На добыче рыбы участвовала во втором квартале 236 рыбацких бригад и звеньев, в третьем квартале — 283. Всего принимало участие в лове: 2 квартал — 2 779 человек, из них женщин 398; 3 квартал — 3 069 человек, женщины составляли 530 человек.

В 1941 г. колхозы добыли 68% всей выловленной рыбы. В рыбодобыче участвовал 71 колхоз, план не выполнили 23 колхоза, однако в целом по колхозам производственные задания оказались выполнены на 111,5%.

В связи с начавшейся войной рыбаки колхозов взяли на себя повышенные обязательства об увеличении уловов рыбы на 110–160%.

В общем улове добытой рыбы в ЯННО удельный вес ценных пород рыб в 1940—1941 гг. был следующим:

Таблица 3

Удельный вес ценных видов рыб в общем улове (в %)⁸

Вид рыбы	1940 г.	1941 г.
Осетр	3,4	0,9
Нельма	1,7	2,3
Сиговые	82,4	80,0
Крупный частик	16,0	9,4
Прочие	7,5	7,4
Всего	100	100

Вылов рыбы по районам округа распределился следующим образом:

Таблица 4

**Объемы уловов рыбы по районам Ямало-Ненецкого округа
в 1940-1941 гг.⁹**

Район	1940 г.	1941 г.
Тазовский	17 335	29 438
Красноселькупский	2 809	5 752
Ямальский	26 823	22 348
Приуральский	18 002	20 328
Надымский	23 632	15 813
Шурьшкарский	14 875	17 960
Всего по округу	104 476	115 700

Среди районов округа больше всего в 1940 г. добыл рыбы Ямальский район, а в 1941 г. — Тазовский. Меньше всего рыбы добывалось в Красноселькупском районе. В 1941 г. увеличились объемы подледного лова, хотя следует заметить, что не все районы обеспечили выход рыбаков на зимний лов. Планировалось использовать для подледного лова 1 505 рыбаков, фактически участвовало 1 256.

Таблица 5

Добыча рыбы в ЯННО (1939-1941 гг.)¹⁰

Год	Объем добычи рыбы (в тыс. ц)	Выполнение плана (в%)
1939	97,9	
1940	104,4	96,7
1941	115,7	99,5

Сведения, приведенные в таблице, позволяют увидеть рост добычи рыбы в 1941 г. по сравнению с предвоенным временем.

Для путины 1941 г. были характерны следующие черты:

1. Призыв в Красную Армию рыбаков еще не повлиял на количественное снижение рабочей силы в колхозах, однако привел к увеличению занятости женщин.

2. Были предприняты попытки интенсификации лова, когда в одном месте применялся лов несколькими видами орудий.

3. Начали сдавать рыбу в Фонд обороны.

4. Обнаружились недостатки в снабжении рыбаков орудиями лова, а также продуктами.

5. Не хватало плашкоутов, а также соли для отдаленных пунктов лова, имели место случаи нечестности приемщиков.

6. Началось социалистическое соревнование за перевыполнение планов рыбодобычи в условиях начавшейся войны.

Важным показателем уловов являлся его качественный состав. Химический состав мяса рыб неодинаков и подвергается значительным колебаниям, которые зависели от породы рыбы, ее возраста, от времени года вылова. Конечно, с точки зрения научных основ рыболовства, вылов должен был производиться с учетом получения наилучшего качества продукции. Так, например, у молодой рыбы мясо более водянистое, а осенняя и зимняя рыба жирнее, чем летняя. Однако ни в предвоенные, ни в военные годы и позднее, эти факторы в рыболовстве округа не учитывались.

Переработка рыбы.

Рыбные продукты — хороший источник минеральных веществ. С целью обогащения продуктов минеральными веществами сегодня рекомендуются методы обработки, направленные на комплексное использование всех частей тела рыбы, в том числе костей, в которых содержание минеральных веществ выше, чем в других тканях. Однако в те годы проблема переработки всех частей тела рыбы была весьма актуальна.

Рыбные продукты получали в результате переработки объектов рыболовного промысла (различных видов рыбы, реже морского зверя). Пищевые рыбные продукты шли в замороженном, соленом, копченом, сушеном, вяленом, консервированном виде. Медицинские рыбные продукты (рыбий жир) получали из печени тресковых и др. Кормовые и технические рыбные продукты (рыбная мука и клей) получали на консервном комбинате из отходов производства.

Основным предприятием рыбной промышленности являлась рыбоконсервная фабрика в Салехарде. В июле 1930 г. был заложен Обдорский консервный комбинат с проектной мощностью 3,5 млн банок в год. Первым руководителем строительства завода являлся Иван Александрович Кохельник. К 1931 г. были построены корпуса жестяно-баночного и консервного цехов, рыбный причал, лаборатория, запустили электростанцию и паровую котельную. 19 июня 1931 г. завод выдал первую продукцию — 935 тыс. банок консервов. Первым директором завода был назна-

чен С. Архипов. С каждым годом совершенствовалось консервное производство, осваивалось производство жестяной банки, переработка отходов. Увеличивалась мощность котельной, электростанции, морозильно-холодильного хозяйства. В 1936 г. выпустили около 4 млн банок консервов. Лучшие стахановцы довоенных лет: Русакова Ф., Ковалев Щ., Светлолобова В., Щоренская М., Колесникова А., Мотаев И., Фраш О., Чикирдина А., Мотаева П., Абакумова А. Даже на первых порах работы комбината консервы имели экспортное значение, и первые поставки исчислялись сотнями тысяч банок. Перерабатывали в основном рыбу благородных пород. Так, в 1939 г. рыбоконсервный завод участвовал во Всемирной выставке рыбной продукции в Нью-Йорке, где консервы «Нельма натуральная» получили высочайшую оценку, а также золотую медаль¹¹.

Консервное производство на Салехардском рыбокомбинате по объему было меньше, чем на Самаровском (Ханты-Мансийский округ). В 1939 г. Ямальским окрисполкомом было проведено обследование производственной деятельности консервного комбината. В акте отмечалось неодинаковое техническое оснащение производственных цехов. Так, жестяно-баночный цех, механическая мастерская и утильзавод были вполне механизированы, а вот консервный цех содержал большую долю ручного труда. «...Механизация консервного цеха в стадии рыборазделки, расфасовки и окончательной обработки банки — этикировки совершенно отсутствует. Аналогичное положение в рыбообрабатывающем цехе, где выгрузка из плашкоутов и все процессы по обработке рыбы происходят исключительно вручную»¹².

В 1940 г. производственный план для консервного комбината Обским рыбным трестом был пересмотрен в сторону увеличения. Так, по данным на 14 февраля, он составлял 3,1 млн банок, а 11 мая был уже увеличен до 3,7 млн банок¹³.

Кроме Салехардского комбината существовала Нангинская фабрика, которая действовала только летом. Она производила консервы высшего и первого сорта¹⁴, но была ликвидирована по необоснованным причинам.

Консервами называют продукт, помещенный в герметичную тару (стеклянную или металлическую), нагретый при строго определенном режиме, обеспечивающем уничтожение тех форм

микробов и их спор, которые в условиях, создаваемых внутри непроницаемой консервной тары, могли бы вызвать порчу. При этом имеются в виду такие температуры и такая продолжительность нагрева, которые не влекут за собой заметного ухудшения товарно-пищевых свойств продукта. Консервированная продукция имеет наиболее длительный срок хранения — несколько лет. Питательная ценность стерилизованных консервов иная, чем вареной рыбы, так как при стерилизации, производимой почти во всех случаях при температуре выше 100 и даже 110°, часть белковых веществ разрушается. Количество распадающихся белков колеблется около 10%. При изготовлении стерилизованных консервов несколько понижается питательная ценность рыбы, но улучшается ее сохранность, а часто и вкусовые качества.

На комбинате производили натуральные консервы из рыбы, изготавливавшиеся без предварительной тепловой обработки с добавлением и без добавления пряностей. Вырабатывали их в основном из осетровых рыб, нельмы, крупных сиговых, речного окуня, из печени налима. При производстве натуральных консервов применяли очень небольшое количество пряностей. Натуральные консервы готовили и с добавлением масла. Как и предыдущий вид, делались из рыбы без предварительной тепловой обработки с добавлением растительного масла, или свиного жира, или жира печени, в которых массовая доля отстоя в масле не нормируется. Для приготовления натуральных консервов этого вида на дно банки перед укладкой рыбы помещали по горошине черного и душистого перца, гвоздику¹⁵.

Контрольные цифры для Ямало-Ненецкого округа на 1941 г. составили по производству консервов 6 млн банок¹⁶. План производства консервов для Салехардского комбината на 1941 г. составлял 3,7 млн банок. Для выполнения производственной программы необходимо было увеличить число работающих до 826 человек, в то время как в начале года работало всего 496¹⁷. На комбинате было организовано безотходное производство. Рыбьи головы, внутренности, плавники и хвосты отправляли в утилизационный цех, где производили пищевой и технический жиры, клей и кормовую муку. Следует обратить внимание на проблему безотходного производства в рыбной промышленности СССР тех лет. Эту проблему незадолго до начала войны поднимал В. Шпарлинский, ратовавший за передовые технологии обработки

рыбы и рыбных продуктов, за их наивысшее качество, за полное и эффективное использование всех частей тела рыбы¹⁸.

Таблица 6

Выполнение производственного плана на 1 сентября 1941 г.¹⁹

Наименование продукции	Годовой план	Выполнение на 1.09	Выполнение в %
Консервы (тыс.)	3 700	2 293	61,9
Охлажденная рыба (ц)	500	309	61,8
Мороженая рыба (ц)	1 700	1 066	62,7
Соленая рыба (ц)	386	946	245
Балык (ц)	235	2	0,8
Прочие пищевые продукты (ц)	22	128	581,8
Техническая продукция (ц)	1 667	703	42,1
Брак по консервам (шт.)		17 084	

За указанный период на комбинат поступило (на 1.09.41 г.) рыбы 15 355 ц (по плану должно было поступить 22 005 ц). Следовательно, обеспеченность комбината сырцом составила лишь 69,7%. Невыполнение поставок рыбы на комбинат объяснялось тем, что стояла большая вода, поэтому рыба ловилась плохо. Сложился определенный график работы Салехардского комбината. Рыбу он принимал только 4 месяца в году. Работали на комбинате преимущественно сезонные рабочие. Общее количество работающих на 1 сентября 1941 г. составляло 870 человек. В основном это были спецпереселенцы (бессарабцы и поляки)²⁰.

Таблица 7

Производство консервов в ЯННО (1939—1941 гг.)²¹

Год	Количество консервов (тыс. банок)
1939	3191
1940	2705
1941	4235

Консервный комбинат выполнил производственный план 1941 г. на 116%²².

Выводы.

В предвоенные годы и в начале Великой Отечественной войны рыбная отрасль оставалась ведущей в экономике округа, а рыбный трест оставался единственной государственной организацией, работавшей на Ямале, в ведении которой находились 7 рыбозаводов

и 2 консервных предприятия. Сырье добывалось как государственными рабочими Обьтреста, так и колхозниками. Проблемами в деятельности Обьтреста оставались: слабая организация труда и недостаточная материальная база; отсутствие техники, примитивные способы лова; нехватка рабочих и специалистов, нерешенность социальных проблем рабочих, тяжелые условия труда.

В начале Великой Отечественной войны в рыбной отрасли начались изменения, связанные, прежде всего, с обеспечением условий для увеличения объемов рыбодобычи. До 1942 г. округ добывал ежегодно в пределах 100 тыс. ц рыбы, прирост составлял 3—5 тыс. ц ежегодно. План рыбодобычи в ЯННО в 1941 г. был выполнен на 90%. Основным перерабатывающим предприятием являлся Салехардский рыбоконсервный комбинат, производивший различные виды рыбной продукции, в том числе консервы, выпуск которых в 1941 г. составил более 4 млн банок.

Примечания

- ¹ Очерки истории Яр-Сале. Тюмень, 1997.
- ² Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. П-135. Оп. 1. Д. 276. Л. 57.
- ³ Казенное учреждение «Исторический архив Омской области» (КУ «ИсА-ОО»). Ф. 17. Оп. 1. Д. 1799. Л. 10.
- ⁴ ГАСПИТО. Ф. П-104. Оп. 1. Д. 76. Л. 23 об.
- ⁵ Там же. Ф. П-135. Оп. 1. Д. 300. Л. 2 об.
- ⁶ Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 165. Л. 29.
- ⁷ ГАСПИТО. Ф. П-135. Оп. 1. Д. 300. Л. 2 об.
- ⁸ ГАТО. Ф. Р-1787. Оп. 1. Д. 4 а. Л. 110.
- ⁹ ГАСПИТО. Ф. П-135. Оп. 1. Д. 300. Л. 2.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Легенда Ямала. Сибирские сиги. См.: <http://yamalproduct.com/about/istoriya/>
- ¹² Казенное учреждение «Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа» (КУ «ГАЯНАО»). Ф. 3. Оп. 3. Д. 23. Л. 12.
- ¹³ ГАСПИТО. Ф. П-135. Оп. 1. Д. 237. Л. 130.
- ¹⁴ КУ «ГАЯНАО». Ф. 3. Оп. 3. Д. 22. Л. 170.
- ¹⁵ Рыбные консервы. См.: <http://www.bestreferat.ru/referat-83128.html>
- ¹⁶ ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 165. Л. 29.
- ¹⁷ ГАСПИТО. Ф. П-135. Оп. 1. Д. 237. Л. 23 об.
- ¹⁸ Шпарлинский В. Задача огромного народнохозяйственного значения // Рыбное хозяйство. 1941. № 2. С. 2—5.
- ¹⁹ КУ «ИсАОО». Ф. П-17. Оп. 1. Д. 2939. Л. 46.
- ²⁰ Там же. Д. 2963. Л. 47.
- ²¹ ГАСПИТО. Ф. П-135. Оп. 1. Д. 328. Л. 5.
- ²² Там же. Ф. П-135. Оп. 1. Д. 245. Л. 13.

Глава 3

УДК 93/94

К ИСТОРИИ «НАУЧНО-КОЛОНИЗАЦИОННОГО» ОСВОЕНИЯ НЕФТЯНОГО СЕВЕРА СИБИРИ

Аннотация. Рассматриваются особенности процесса освоения российского Севера в контексте научных и политических задач, а также анализа некоторых дискуссионных вопросов оценки роли нефти в развитии края в исторической ретроспективе.

Ключевые слова: Север; Сибирь; колонизация; освоение; нефть; Самотлор; спецконтингент.

THE HISTORY OF «SCIENTIFIC AND COLONIZATIONAL» THE DEVELOPING OF OIL OF NORTHERN SIBERIA

Abstract. Discusses the features of the process of development of the Russian North in the context of scientific and political tasks, as well as the analysis of some controversial issues of assessing the role of oil in the development of the region in a historical retrospective.

Keywords: North; Siberia; colonization; development; oil; Samotlor; the they professional.

*От волшебных звездных рядов
Ярких светильников и факелов,
Снабженных нефтью и асфальтом,
Лился свет равномерно, как с неба.
Джон Милтон «Потерянный рай»*

Представление о Севере Сибири как территории колоссальных возможностей издавна не ограничивалось исключительно сырьевыми его богатствами. Хотя для царской России он, действительно, столетиями выполнял роль поставщика леса и уникальной пушнины на Запад. Вся Сибирь являла собой «terra inkognita», населенную сильными и могучими людьми, как правило, в большинстве своем не «дружившими» с законом. Даже реформатор М.М. Сперанский «отведал сибирского опального пирога», присовокупив в одном из своих писем к дочери, что, к его удивле-

нию, эта дикая территория оказалась «родиной настоящих Дон-Кихотов»¹.

Собственно научный интерес к изучению стратегических возможностей именно северных территорий был проявлен достаточно давно. Еще сосланный Алексеем Михайловичем Романовым в Тобольск хорватский ученый-энтузиаст Юрий Крижанич писал о выходе в этих краях битумных сланцев («каменного масла») как предвестников будущей нефти². Особую научно-трансформационную роль в «приращении силы и могущества» России отводил Сибири и Ледовитому океану М.В. Ломоносов. В начале XX в. Академией наук царской России, организовавшей первое научное учреждение на Печоре в селе Усть-Цильма, в целях изучения перспектив северных территорий была создана «Естественно-научная станция» с утвержденным уставом и избранным на заседании Академии наук ее первым директором³.

В ранний советский период начала 1920-х гг. было очевидно, что гарантом обеспечения государственной стабильности развития страны на перспективу становится Север. Правда, этот «континент» был практически безлюден, что отодвигало его освоение. Для вовлечения в хозяйственный оборот необходимы были значительные финансовые и материальные ресурсы, в том числе тысячи квалифицированных кадров. «Выход» был найден в 1930 г., когда глава НКВД Генрих Ягода предложил идею (успешно реализованную им впоследствии!) освоения колоссальных природных ресурсов путем размещения здесь тюрем и лагерей, в том числе колонизационных поселков⁴.

Тем самым государство на длительные десятилетия официально санкционировало процесс «грубой механистической натурализации» демографического фактора, учитывая весьма перспективную «демографическую емкость» необжитых северных территорий и прогнозируемую учеными уже тогда их исключительную экономическую перспективность. Созданный еще в самом начале 1920-х гг. Институт народов Севера, наряду с гуманитарно-просветительскими задачами занимался настолько значимыми прикладными исследованиями, предлагая правительству страны перспективные научно-практические разработки, что во многом они могли бы уже в те годы реально содействовать решению ряда серьезных экономических проблем, что, возможно, снизило бы

трагический накал как процесса коллективизации, так и репрессий 30-х гг.⁵

Начиная с 1931 г. первые потоки «спецконтингента» открыли принудительную колонизацию Севера (в основном на лесозаготовках), которая превратилась в историческую константу. Отныне в балансе рабочей силы, требуемой для освоения северных территорий страны, в том числе нижневартовской, репрессированные стали играть важную, а в ряде народно-хозяйственных программ и ключевую роль. Несколько позже местные карательные органы во избежание резкого сокращения численности рабочих рук за счет отъезда части «контингента» по истечению срока наказания, «закрепили» это население на основании специального постановления ЦИК СССР, запрещавшего выезд из мест поселения лицам, восстановленным в гражданских правах⁶.

При первичных репрессиях 1941 — января 1944 г. сопровождение депортантов возлагалось на НКВД, а расселение и хозяйственное устройство — на партийные и советские органы с соответствующим созданием областных и районных троек по приему и расселению спецпереселенцев. На станциях их встречали представители хозяйственных структур, куда они были распределены. Национальный состав депортированных был чрезвычайно пестрым: немцы, финны, русские, украинцы, молдаване, румыны и др.

«Компенсаторные», т.е. ранее уже проведенные репрессии (депортация, спецпоселения), как принудительные миграции имели целью форсирование замещения трудоспособного населения, где в силу действия экстраординарных временных факторов (в частности, начала Великой Отечественной войны) возникал острейший дефицит трудовых ресурсов. Это актуализировало процессы вторичных репрессий народов, например, немцев, финнов, калмыков и др.⁷ В ходе именно такой дважды «пролонгированной» депортации на территорию Северо-Западной Сибири было завезено более 13 513 чел.: в Ханты-Мансийский округ — 6 924; Ямало-Ненецкий — 6 589. 30 апреля 1944 г. было санкционировано вторичное переселение калмыков в северные округа в рамках трех рыбопромышленных трестов (Тобольского — 1 879, Ханты-Мансийского — 5999, Ямало-Ненецкого — 1467 чел.)⁸.

Сложность природно-климатических условий, неготовность калмыков в тех условиях хоть как-то обеспечивать себя продукта-

ми приводили к огромным жертвам среди них. Об этой ужасающей странице истории помнят современники, например, вартовчанка Н.Ф. Тюменцева (в девичестве Сорокина), хлебнувшая лиха в военные годы на заготовке рыбы⁹, а также и потомки репрессированных, стремящихся сохранить память об этапах «большого северного пути» своих предков¹⁰. Надежда Федоровна с горечью рассказывала о событиях 1943—1944 гг.: «Господи! Как они умирали. Я многого не понимала и спрашивала: “Почему и за что?” Прибыли летом на барже. В Старом Вартовске старожилы и сейчас помнят, где стоял их барак, в проулке Рыбников. Замерзали. Одежды не было. Вши заедали. (Они) не умели ни дрова заготовливать, ни топить. Когда я стала “начальником”, то не запрещала им есть рыбу на путине: “Не бойтесь меня, ешьте, только косточки не оставляйте”. Калмыки чуть ли не на руках меня носили. В поселке жили также сосланные финны, немцы. Им, конечно, было легче, Помогала ... их практичность, основательность».

Это «наследие ГУЛАГа» с его дешевизной труда, обесцениванием жизни самого человека, невзирая на лица и вклад в историю развития этой уникальной земли, минимизацией, а то и полным отсутствием расходов на «социалку» — не ушло в прошлое. Оно оказалось экономически «эффективно» и исторически востребовано в последующие десятилетия, особенно периода нефтяного освоения середины XX в. этой, по-настоящему особой Территории — со своими законами, психотипом людей и их отношением к жизни.

Как известно, именно XX век открыл неисчерпаемый потенциал сырьевых углеводородов и производственных возможностей так называемых «окраин», что стало определяющим техногенным и геополитическим фактором развития всей цивилизации. Современная «нефтяная» ретроспекция берет свое начало со второй половины XIX в., когда в августе 1859 г. в долине Западной Пенсильвании отставной полковник Дрейк нашел нефть, что положило начало не только нефтяной лихорадке, но и эпохе торжества нефти. В том числе, в царской России.

Однако подлинный триумф нефтяного освоения территорий состоялся в XX столетии на фоне разветвления трех великих детерминант — рождения нефти как величайшей из всех мировых индустрий; нефти как товара с уникальными потребитель-

скими возможностями диктата национальных и мировых стратегий борьбы за мировое лидерство и, наконец, нефти как фактора превращения мира в «общество углеводородов». Ни в одном другом бизнесе, уверен Дэниел Ергин, автор нашумевшей в свое время книги «Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть», так ярко и четко не проявлялся смысл риска и вознаграждения, влияния удачи и судьбы. «И если мы заглянем в XXI столетие, то осознаем, — подчеркивает автор, — что в нем господство в равной мере будет определяться как микропроцессором, так и бочкой нефти»¹¹. И, как показывают современные события, он не ошибся в своем прогнозе.

Сто лет спустя после открытия американского нефтяного Клондайка началось массивное освоение уникальных нефтяных месторождений Тюменского Севера. Хотя еще в Постановлении Бюро Обско-Иртышского обкома ВКП(б) от 11 июня 1934 г. «О геологоразведочных и поисковых работах» предписывалось «проверить сведения о месторождениях нефти в Самаровском и Березовском районах»¹².

Первый этап изыскательских работ в Тюменском крае пришелся на 1937—1953 гг. В начальный период они носили эпизодический характер, но с декабря 1947 г. Технический Совет Министерства геологии СССР принял решение о целесообразности бурения опорных скважин (дающих представление о разрезе верхней части земной коры) в районе среднего течения и устья Ваха¹³. Правда, северные «энергетические маршруты», о которых знают лишь единицы «хорошо информированных» современников, стали разрабатываться, по воспоминаниям Лауреата Государственной премии СССР, руководителя СУ-489 и треста «СТГМ» г. Нижневартовска Е.М. Жукова, еще в годы Великой Отечественной войны и особенно интенсивно — сразу после нее.

«Мертвая дорога» стройки № 501, о которой и сегодня мало кто из «хорошо информированных» северян что-либо знает, все еще таит свои нерассказанные трагедии. Строили ее в основном политзаклученные и штрафники, без техники, кирками, лопатами, ломami, тачками, и награда за это — кусок хлеба с треской за целый день каторжного труда. Выжить в этом аду довелось немногим. «Эта ... человеческая трагедия, не уступавшая по своей жестокости гитлеровским лагерям, ... навевала тяжелые мысли,

невольно вынуждая примерять на себе арестантский бушлат и чувствовать, как по спине бегают мурашки». «Хозяином» 501-й стройки был наделенный огромной властью подполковник В.А. Баранов, человек сильной воли и отваги, ходивший один в арестантские бараки без оружия — он пользовался на Севере авторитетом среди заключенных как человек «исключительно справедливый». Е.М. Жуков был знаком с ним еще с 1951 г., когда был командирован на строительство Цимлянского гидроузла. Именно там в один из дней по личному приказу Сталина необходимо было срочно пустить в Сальские степи воду по строившемуся еще магистральному каналу, что и было выполнено путем затопления еще работавших на канале экскаваторов¹⁴.

Второй этап освоения края (1953—1964 гг.) был связан с разведкой и получением ряда промышленных фонтанов нефти и газа, в первую очередь, Мегиона и Баграса (1959—1960 гг.). Мегионская сейсмопартия Ю.Д. Гирявенко подготовила в 1959 г. под разведочное бурение площадь под Мегионом, где заложили первую успешную скважину. В марте 1960 г. было завершено ее бурение силами бригады под руководством бывшего военного танкиста Г.И. Норкина, который «по должности был буровым мастером, а по опыту — профессором своего дела». Впоследствии именно ему и было поручено «разбуривание» в марте 1965 г. первой скважины Р-1 «Самотлорская»¹⁵.

Центральными событиями третьего периода (1965—1966 гг.) стали открытие месторождения всемирно-исторической значимости под названием «Самотлор» и создание уникального «Западно-Сибирского нефтегазового комплекса» (ЗСНГК) (1965—1990) с последующими его реформированиями и изменениями названия. Выступая в качестве организатора крупномасштабного освоения малообжитых территорий в сверхсложных природно-климатических условиях, по объемам капиталовложений, сложности решения научно-технических и социальных задач и роли в народно-хозяйственном механизме страны он не имел аналогов в мировой истории¹⁶.

Этим было положено начало не только новой «нефтяной северной парадигмы», но и возвращению к традиционным и оправдавшим себя формам «трудовой миграции». Фундаментальные изменения в крае с особой остротой потребовали срочного реше-

ния кадровой проблемы, учитывая, что в 1964—1966 гг. около половины всех «северных» рабочих составляли условно-освобожденные лица из исправительно-трудовых колоний (ИТК)¹⁷. Это создавало дополнительное напряжение в обеспечении правопорядка в стихийно возникавших СМП и «временных» поселках дорожных строителей.

Заявляли о себе и так называемые «болезни быта» в условиях отсутствия у первопроходцев самого «быта» как такого, даже на уровне регулярного завоза хлеба и продуктов питания, обогрева барачков в сумасшедшие нижевартовские пятидесятиградусные морозы. Это нередко приводило к возникновению разного рода проблем, в том числе — пьянству, хулиганству, прогулам, опозданиям и даже преступлениям. Поэтому функционировали товарищеские суды, располагавшиеся в приспособляемых помещениях, в том числе в возводимых «на скорую руку» клубах. По этому поводу среди дорожников популярной стала частушка: «В клубе дяденьку судили, / Дали дяде десять лет. / После девушки спросили: / “Будут танцы или нет?”»¹⁸.

Для решения проблемы обеспечения кадрами вводилась система оргнабора, комсомольских призывов, создания позитивно-психологического имиджа необжитых нефтеносных месторождений, особенно Самотлора, ставшего позднее настоящим «лейблом», своего рода «открытием приполярной цивилизации» — края холода, где, по словам бывшего губернатора А. Филипенко, «может, поэтому люди ... не так быстро портятся»¹⁹.

Самотлор стал первопричиной возникновения города Нижневартовска (правда, сегодня переживающего далеко не лучшие свои времена) как опорной базы промышленной, во многом «варварски грюндерской» добычи самотлорской нефти, без оглядки на людей, их проблемы, перспективы города и судьбу самого озера. Судьба Нижневартовска, как и ряда других северных городов, напрямую от зависела от геологических прогнозов, которые, по свидетельству возглавлявшего тогда Тюменский обком партии Б.Е. Щербинина, на протяжении всего десятилетия 1960-х гг. были весьма неопределенны.

Именно в эти годы районы перспективной нефтедобычи и прежде всего Самотлор становились своеобразным полигоном испытаний научно-технических новшеств. Поэтому тратить сред-

ства на пресловутую «социалку» и ненужный для нефтяного министерства город, рассматривавшийся как вахтово-временный, а тем более прислушиваться к мнению таких, как дальновидный В.И. Муравленко, с его глубинным пониманием проблемы освоения недр как сопряженной с вопросами градостроительства, обустройства городов и поселков и развитием их социальной инфраструктуры, Москва не собиралась.

Между тем «Самотлор», получивший признание как «легенда века», «нефтяная жемчужина России», «фонтаны черного золота», «нефтяной гигант первой величины», став «мировым лейблом», являл собой поистине уникальное природно-технологическое явление. Когда-то императорский жезл Екатерины Второй венчал алмаз «Шах» («Орлов»). Самотлор стал настоящим алмазом «Кохинур» (в переводе с хинди — «Гора Света») в россыпи блистательных нефтяных скважин мира двадцатого, а может, и последующих столетий.

В развернувшейся панораме настоящей битвы за энергоносители даже самые высокие посты, в том числе начальника Главтюменнефтегаза, превращались в «висельные места», особенно в случае неудач, когда их причины списывались исключительно на неугодных руководителей. «В каждой капле тюменской нефти есть сердце Муравленко», — говорили нефтяники о первом начальнике Главтюменнефтегаза, возглавлявшем его в течение 12 лет (1965—1977 гг.) и умершем в гостинице «Россия» после разговора в министерском кабинете с вновь назначенным министром Мальцевым.

В борьбе с «системой» преемник В.И. Муравленко Ф.Г. Аржанов, оказавшийся «буфером между блестящим прошлым и неизвестным будущим»²⁰, начальник объединения «Нижневартовскнефть» Р.И. Кузоваткин сломали успешно складывавшиеся карьеры, потеряли здоровье, подверглись настоящей травле. В.И. Грайфер был пятым руководителем Главка, своей жизнью подтвердившим некую «закономерность расплаты» за пребывание на этом посту²¹. «Главтюменьнефтегаз» стал в буквальном смысле штабом, где все проблемы становились «зоной личной ответственности» — от добычи нефти до обеспечения городов и поселков нефтяников продуктами питания и предметами первой необходимости (А.А. Рыбалко), решения различных социальных вопросов (С.Д. Великопольский и А.А. Михайловский). За кадро-

вые назначения отвечал В.В. Романенко, умевший видеть за профессиональным ростом потенциал человека, а стилем его руководства — перспективы отрасли.

«Энергетический эксперимент» под названием «Самотлор» оказался «уложен» в понятие «Севера» (во мн. числе) с иллюзией легкости фантастических заработков с их «длинным рублем» и нефтяным фонтаном, что, казалось, открывало перед соискателями двери быстрого карьерного роста — при фактически полном отсутствии социальной инфраструктуры!

Нефтяные богатства становились благом и проклятием территорий и населявших их народностей, не только не снимая явных диспропорций во взаимоотношениях центра и северных окраин, но и являя собой парадоксально-«диссонантную» историческую закономерность развития российской государственности в целом — фатальное стремление власти решать целый ряд масштабных геополитических проблем страны именно за счет сибирского Севера, практически ничего не давая взамен!

Традиционализм отношения центральной власти к Сибири как вотчине, как ни странно, отмечал еще в XIX в. участник российского посольства в Китае небезызвестный Ф.Ф. Вигель, проницательно замечая: «Беспечная Россия всегда смотрела на Сибирь, как богатая барыня на дальнее поместье, случайно ей доставшееся, куда она никогда не заглядывала, управление коего совершенно вверено приказчикам, более или менее искусным. Поместье всегда исправно платит оброк золотом, серебром, железом, мехами ... ; о нравственном и политическом состоянии его она мало заботится»²².

Для нижневартовской земли нефть Самотлора оказалась не «обретенным», а скорее, по Джону Милтону, «потерянным раем». Темпы натиска техногенной цивилизации, действительно, впечатляли. Этот штурм больше напоминал военные действия с приведением в полную боевую готовность всей массы разнообразной, согнанной со всей страны техники, в буквальном смысле «пропахавшей» Югорию и изуродовавшей ее в те годы почти до неузнаваемости.

Поэтому правы сегодня те руководители, кто имеют весомые профессиональные основания заявлять, что «если бы Самотлор и другие месторождения страны развивались, как положено при

цивилизованной экономике, то Западная Сибирь жила бы лучше многих нефтяных стран, тех же Арабских Эмиратов. И уже с позиций сегодняшнего дня очевидно, что, хотя Нижневартовск и считается одним из богатейших городов России, его вряд ли можно сравнить с городами Саудовской Аравии, где в пустыне созданы настоящие оазисы с искусственными водоемами, прекрасно развитой инфраструктурой и инновационными архитектурными формами, в которые органично вписался знаменитый фонтан имени короля Фадха в г. Джидда, признанный самым большим на планете, струя которого достигает высоты 320 метров²³.

С другой стороны, вспоминал один из первых руководителей «Нижневартовскнефти» Н.Д. Сергеев, «в этот край влюбляешься навсегда, и потом кажется невыносимым куда-то уехать, где-то жить. ... У первопроходцев Самотлора была полная свобода, они были богами и царями. ... Делай, что хочешь, только добывай нефть стране — такая стояла задача.... Масштабы завораживали: много нефти, огромные объемы бурения, невиданные темпы строительства, кругом огромное количество оборудования, техники. И при этом быт был катастрофически необустроен — что в городе, что на промыслах. Нет никаких дорог, главный транспорт — трактора, вездеходы, бронетранспортеры. ... Спецовки, пропитанные мазутом, да болотники — вот как тогда одевались. Суровые морозы навсегда останутся в моей памяти, как открытка из тех дней. ... А питались мы ... “что бог (и где) послал”. И при этом ... на вопрос: “Как живете, трудитесь?” — люди с улыбкой отвечали: “Нормально, все хорошо”. Это поражает, но тогда необустроенности быта просто не замечали, как что-то несущественное... Они чувствовали себя, действительно, спасителями страны, готовы были трудиться без каких бы то ни было упреков просто в нечеловеческих условиях. Я помню самых увлеченных, ярких людей, которые своим примером способны были зажечь, повести за собой — это Г. Седов, Е. Большаков, Н. Сливин, Н. Нюняйкин. Они могли находиться на Самотлоре неделями, если что-то не получалось, чтобы в конечном счете победить»²⁴. В этом был весь Нижневартовск, подтверждая собственным примером справедливость замечания первого президента компании «Трансгидромеханизация» А.К. Романова: в этом «круговороте,

сотканном из мелочей и событий, жизнь через преодоление делает из нас тех, кем мы являемся»²⁵.

В нефтеразведке существует понятие «коэффициент удачи» с его главным компонентом — анализом, идеей и перспективной концепцией в базовой проекции интуиции, веры, неукротимого желания получить фонтан нефти. Но главное — работа, работа, работа²⁶. «Нефтяные ветераны» понимают смысл сказанного: поиск и разведка нефтяных кладовых сказочно богатого Самотлорского месторождения, несмотря на современную проблемную его будущность и нерадивость «распорядителей» — нефтяных компаний-консорциумов, стала частью большой Истории, в которой цена геополитических дивидендов от добытой нефти и по сей день не вполне определена — так уникальны ее залежи и таким «запасом прочности» обладали ее покорители!

В восьмом томе «Летописи Севера», подготовленном Центральным научно-исследовательским институтом при Госплане РСФСР, констатировалось, что по самым скромным подсчетам, выигрыш от использования уникальных ресурсов севера Тюменской области оценивается в несколько десятков миллиардов рублей. И далее следовал вывод: «что свидетельствует о высокой народно-хозяйственной эффективности освоения нефти и газа». К сожалению, впоследствии эти надежды на эффективность отдачи эксплуатации природно-сырьевых богатств не оправдались и стали тайной полишинеля, о которых тогда в СССР не принято было говорить вслух: мы неэффективно «проели» с таким трудом, такой ценой и судьбами таких людей заработанные нефтедоллары!

Примечания

¹ Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне. М., 1869. С. 164.

² Еськова Н.Г. «Черное золото» России: станции истории. Тюмень, 1992. С. 5—7.

³ Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / Пер. с англ. М., 1999. С. 5.

⁴ Тенденции и перспективы социально-экономического развития северных регионов России: демография, труд, миграция, расселение (Рос. Акад. Наук, Уральское отд-е, Коми науч. центр, Ин-т соц.-эконом. и энерг. проблем Севера). М., 2012. С. 4—8, 93.

⁵ Сапожникова Н.В. Нижневартровский район — энергетическое сердце страны (вторая половина 1970-х — 1991 годы) // Алексеева Л.В. и др. История Нижневартковского района / Под ред. Л.В. Алексеевой. Екатеринбург, 2013. С. 245.

⁶ Тенденции и перспективы социально-экономического развития северных регионов России: демография, труд, миграция. С. 93.

⁷ Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 134—135.

⁸ Иванов А.С. Принудительная миграция на Север Западной Сибири (1940-е гг.) // Северный регион: Наука, образование, культура. Научный и культурно-просветительский журнал. 2015. Т. IV. № 2 (32). С. 21.

⁹ Местное время. 1997. 28 июня.

¹⁰ Манжеев М., Манджеев Д., Филимонов А. Рожденный в Советском Союзе // «История родного края в судьбах...». Альманах творческих и исследовательских работ учащихся. Излучинск, 2010. С. 38—41.

¹¹ Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. С. 15—17.

¹² Эрвье Ю.Г., Салманов Ф.К., Запывалов Н.П., Павлов Ф.В. Индия — путь к большой нефти. 1955—2005. Новосибирск. С. 27.

¹³ Еськова Н.Г. «Черное золото» России: станицы истории. С. 48.

¹⁴ Жуков Е.М. Приказано намывать. М., 1998. С. 156—157.

¹⁵ Еськова Н.Г. «Черное золото» России: станицы истории. С. 49; 16. С. 91—93.

¹⁶ Колева Г.Ю. Западно-сибирский нефтегазодобывающий район: основные этапы развития // Северные рубежи истории: Мат-лы межвуз. науч. конф. с международным участием, посвящ. 10-летию исторического фак-та СурГУ (1—3 марта 2012 г.). Екатеринбург; Сургут, 2012. С. 95; Гаврилова Н.Ю. Вклад В.И. Муравленко в социальное развитие районов нового промышленного освоения Севера Западной Сибири // В.И. Муравленко в истории становления и развития нефтегазового комплекса Западной Сибири: Мат-лы науч.-практич. конф. (18—19 мая 1997 г.). Сургут, 2007. С. 14—15.

¹⁷ Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. Очерки истории отечественной нефтяной и газовой промышленности. Тюмень, 2001. С. 66.

¹⁸ Жуков Е.М. Приказано намывать. С. 181.

¹⁹ www.hmao.wsnet.ru/governor/Guber_v/statut.htm

²⁰ Карпов В.П. В.И. Муравленко как организатор нефтяной промышленности Западной Сибири // В.И. Муравленко в истории становления и развития нефтегазового комплекса Западной Сибири. С. 10.

²¹ Славкина Мария. Валерий Грайфер. Время не ждет. М., 2009.

²² Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1892. Ч.2. С. 19.

²³ Романов А.К. Водоворот. М., 2014. С. 201; Местное время. 2000. 17 февр.

²⁴ Местное время. 2000. 17 февр.

²⁵ Романов А.К. Водоворот. С. 3.

²⁶ Эрвье Ю.Г., Салманов Ф.К., Запывалов Н.П., Павлов Ф.В. Индия — путь к большой нефти. С. 139.

Глава 4

УДК 94:316:61+316:37(571.13)

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКИХ ДОМОВ-ИНТЕРНАТОВ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ (1980-е гг.)

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в образовательном уровне сотрудников в отдельных стационарных социальных учреждениях Омской области в 1980-е гг. на примере психоневрологических домов-интернатов. Выделены основные профессиональные группы сотрудников стационарных социальных учреждений. Авторы приходят к выводу, что в структуре трудовых коллективов стационарных социальных учреждений отмечается недостаток лиц, имеющих необходимый образовательный уровень сотрудников и профессиональную подготовку.

Ключевые слова: история социальной сферы; социальные учреждения; клиенты; психоневрологические дома-интернаты; уровень образования; профессиональная подготовка.

EDUCATION AND VOCATIONAL TRAINING EMPLOYEES OF PSYCHONEUROLOGICAL HOUSES BOARDING SCHOOLS OMSK REGION (THE 1980th)

Abstract. In article changes of educational level of employees in separate stationary social establishments in the Omsk region in the 1980th on the example of psychoneurological houses-boarding schools are considered. The main professional groups of staff of stationary social institutions are allocated. Authors come to a conclusion that in structure of labor staff of stationary social institutions the lack of the faces having necessary the educational level of employees and vocational training is noted.

Key words: history of the social sphere; social establishments; clients; psychoneurological houses-boarding schools; education level; vocational training.

В условиях социальной поляризации российского общества, роста социального неравенства и распространения социальных

отклонений в нашей стране усиливается значимость деятельности стационарных учреждений социального обслуживания населения — домов-интернатов, в том числе и психоневрологических. Сегодня становится важным усиление качества профессиональной подготовки работников российских социальных служб, в частности, стационарных учреждений, повышение их профессиональной компетенции, развитие личностного потенциала. Уровень образования является значимой характеристикой профессионального облика сотрудников, в том числе и стационарных социальных учреждений. Он выявляет не только наличие у сотрудников определенных общих знаний, умений и навыков, но и качество их профессиональной специальной подготовки. Образовательный уровень серьезно влияет на эффективность выполнения сотрудниками своих профессиональных обязанностей, определяет степень их профессиональной культуры.

В контексте рассмотрения образовательного уровня сотрудников психоневрологических учреждений важным аспектом является профессиональная подготовка. Она представляет собой процесс обучения навыкам, необходимым для выполнения определенной работы, группы работ. Настоящий процесс оказывает серьезное влияние на профессиональную зрелость сотрудников и на их способность качественно выполнять свои функциональные обязанности.

В последнее время в российских исторических исследованиях усиливается интерес к региональным проблемам социальной направленности. Изучение локальных проблем, их особенностей, тенденций дает представление об общественных процессах, происходивших на микроуровне. Рассмотрение локальных тенденций и процессов позволяет выявить актуальные социальные проблемы, осмыслить их общественную значимость, лучше объяснить особенности развития социальной сферы в России. Исследование образовательного уровня сотрудников региональных стационарных домов-интернатов в разные исторические периоды, возможно, будет способствовать более глубокому пониманию актуальных проблем в организации стационарного социального обслуживания населения современной России. Поэтому в контексте реформирования социальной сферы, изменений в деятельности учреждений социального обслуживания страны, в том числе и на региональном

уровне, становится важным обращение к рассмотрению развития образовательного потенциала их сотрудников.

Заявленная тема практически не изучалась в научной литературе. Лишь в 2000-х гг. появились публикации, в которых были рассмотрены проблемы организации стационарного социального обслуживания в России, исследовался профессиональный облик сотрудников региональных стационарных социальных учреждений. Так, в статье Л.В. Топчия были изучены особенности становления системы стационарного социального обслуживания населения в России, приведены показатели численности, как стационарных домов-интернатов, так и лиц, в них проживавших, освещены условия профессиональной деятельности сотрудников¹. В рамках исследования становления и развития регионального опыта стационарного социального обслуживания в работе В.А. Филатова, А.А. Любимова рассматривались проблемы формирования кадрового состава учреждений социальной защиты Омской области². В статьях В.А. Филатова, А.В. Чичулина, А.А. Любимова освещались проблемы формирования трудовых коллективов стационарных домов-интернатов Омской области, анализировались социальные характеристики сотрудников учреждений: их профессиональная структура, образовательный уровень, возрастной состав, продолжительность трудового стажа³. Авторами названных публикаций социальный облик сотрудников психоневрологических учреждений был рассмотрен лишь на примере отдельных стационарных домов-интернатов. В работе И.И. Кротта, А.А. Любимова в контексте изучения социальной адаптации и профессиональной деятельности немцев в стационарных учреждениях Омской области была затронута и проблема уровня образования этнических немцев, работавших в них⁴. Обобщающих исследований уровня образования и профессиональной подготовки сотрудников психоневрологических стационарных домов-интернатов в рамках локальных территорий до сих пор не проводилось.

Существенную научную ценность при изучении образовательного уровня работников стационарных социальных учреждений имеют делопроизводственные материалы, особенно документы учетно-кадрового характера — списки сотрудников стационарных домов-интернатов Омской области. Они хранятся в фонде 1128 Казенного учреждения Омской области «Исторический архив

Омской области». В этих документах приведены важные данные о численности, национальном составе, партийной принадлежности, полученном образовании, длительности трудового стажа сотрудников.

Стационарные психоневрологические дома-интернаты представляют собой учреждения, предназначенные для постоянного проживания клиентов с психическими заболеваниями и отклонениями в интеллектуальном развитии, оказания им медицинской, всесторонней социально-бытовой помощи, проведения реабилитационных мероприятий. Психоневрологические дома-интернаты Омской области как стационарные учреждения в 1980-е гг. находились в ведении отдела социального обеспечения Омского облисполкома. Лица с психическими заболеваниями и отклонениями в развитии получали медицинское лечение и необходимую социально-бытовую помощь в семи стационарных учреждениях региона. К таким учреждениям относились Андреевский, Атакский, Драгунский, Омский, Пушкинский, Тарский и Такмыкский дома-интернаты, в которых на 01 января 1988 г. проживало 2 135 человек⁵.

В 1980 г. общая численность сотрудников Андреевского, Атакского, Драгунского, Тарского, Такмыкского психоневрологических домов-интернатов составляла 446 человек. Из них на долю Андреевского дома-интерната приходилось 98 сотрудников (22,3%); Атакского — 90 сотрудников (20,5%); Драгунского — 116 (24,8%); Тарского — 72 (16,4%); Такмыкского — 70 сотрудников (15,9%). К 1988 г. в силу социальных изменений, обострения ситуации в сфере занятости общая численность сотрудников стационарных учреждений для лиц с психическими заболеваниями Омской области увеличилась до 511 человек. Так, в 1988 г. в сравнении с 1980 г. заметный рост численности сотрудников был отмечен в Андреевском психоневрологическом доме-интернате — 124 человека (24,2%); в Тарском доме-интернате — 88 человек (17,2%); в Такмыкском — 86 человек (16,8%); в Драгунском — 123 человека (24%)⁶. Лишь в Атакском психоневрологическом доме-интернате к 1988 г. численность сотрудников осталась без изменений — 90 человек (17,6%)⁷.

В профессиональной структуре психоневрологических домов-интернатов можно выделить следующие группы сотрудников, ра-

ботавших непосредственно с клиентами: санитарки и санитары, медицинский персонал, администрация.

На протяжении 1980-х гг. в специализированных домах-интернатах оказывали социально-бытовую помощь, осуществляли сопровождение лиц с психическими заболеваниями санитарки и санитары. В 1980-е гг. в стационарных психоневрологических учреждениях Омской области, по-видимому, еще не были открыты отделения социального обслуживания и введены должности социальных работников. Санитарками являлись работницы, осуществлявшие уход за пациентами психоневрологических домов-интернатов, занимавшиеся уборкой жилых и лечебных помещений. Санитары, в основном, выполняли работу по сопровождению пациентов в медицинские учреждения. В 1980 г. доля санитарок в Андреевском, Атакском, Драгунском, Тарском и Такмыкском психоневрологических домах-интернатах Омской области составляла 150 человек (33,5%)⁸. Распределение санитарок в стационарных психоневрологических домах-интернатах Омской области было весьма неравномерным. В этот период времени наибольшая часть санитарок — 42 человека (26,8%) — была сосредоточена в Андреевском психоневрологическом доме-интернате. Наименьшая концентрация санитарок — 17 человек (10,6%) — была отмечена в Тарском психоневрологическом доме-интернате. На численность санитарок в стационарных психоневрологических домах-интернатах могли оказывать влияние количество обслуживаемых клиентов, материально-бытовые условия трудовой деятельности. Документы указывают, что в 1980 г. лишь в Драгунском психоневрологическом доме-интернате применялся труд мужчин-санитаров. Они в основном выполняли обязанности по сопровождению пациентов в медицинские учреждения. В доме-интернате численность мужчин-санитаров составляла всего 5 человек⁹.

К 1988 г. в пяти названных выше психоневрологических домах-интернатах Омской области наблюдалось незначительное уменьшение численности санитарок до 157 человек (30,7%). Теперь наибольшая концентрация санитарок отмечалась в Атакском психоневрологическом доме-интернате — 34 человека (21,6%); наименьшая доля санитарок — 28 человек (17,8%) — была в Тарском психоневрологическом доме-интернате. В то же время в сравнении с 1980 г. до 23 человек (почти в 5 раз!) увеличивается

численность лиц, выполнявших обязанности санитаров. Из них в Тарском психоневрологическом доме-интернате трудились 9 человек, в Андреевском — 6 человек, в Драгунском — 8 человек. Лишь в Такмыкском психоневрологическом доме-интернате доля санитаров составляла 2 человека.

Важным аспектом в характеристике профессионального облика сотрудников психоневрологических домов-интернатов Омской области является их уровень образования. В среде санитарок рассматриваемых психоневрологических учреждений Омской области в 1980 г. преобладали лица, получившие начальное образование — 78 человек (52%)¹⁰. Меньшую долю составляли санитарки, получившие незаконченное среднее и среднее образование — 55 (34,3%) и 13 (10%) человек соответственно. Весьма незначительной в психоневрологических домах-интернатах среди санитарок была доля лиц со средним специальным образованием — один человек (0,6%). Среди санитаров Драгунского психоневрологического дома-интерната начальное образование имели 3 человека, незаконченное среднее — 2 человека.

К 1988 г. среди санитарок психоневрологических домов-интернатов Омской области существенным образом возрастает доля лиц, имевших среднее образование. Их численность составляла уже 50 человек (31,8%). Наблюдается и увеличение среди санитарок лиц, имевших среднее специальное образование, — до 18 человек (11,4%)¹¹. 1988 г. их доля составляла 41 (26,1%) и 45 (28,6%) человек соответственно. Из 24 мужчин-санитаров, работавших в психоневрологических домах-интернатах Омской области, начальное, среднее специальное и незаконченное среднее образование имели по 7 человек соответственно, среднее образование — 3 человека¹².

В профессиональной структуре сотрудников психоневрологических домов-интернатов Омской области необходимо выделить и медицинский персонал. Общая численность медицинских работников психоневрологических домов-интернатов Омской области в 1980 г. составляла 57 человек, в 1988 г. — 63 человека. Представителями этой профессиональной группы проводилось наблюдение за состоянием здоровья, оказывалась медицинская помощь лицам, проживавшим в психоневрологических домах-интернатах Омской области. В среде медицинского персонала стационарных психоневрологических учреждений стоит выде-

лить врачей, фельдшеров, медицинских сестер, имевших необходимую профессиональную подготовку. Врачами являлись ведущие специалисты медицинского профиля, имеющие специальное высшее образование, осуществлявшие руководство и координацию мероприятий в рамках лечебного процесса пациентов психоневрологических домов-интернатов. В 1980 г. врачи осуществляли профессиональную деятельность в четырех из пяти психоневрологических домов-интернатов Омской области. Лишь в списке сотрудников Тарского психоневрологического дома-интерната за 1980 г. должность врача не упоминается. Возможно, в это время в доме-интернате не было специалистов с высшим медицинским образованием. В 1980 г. 5 врачей, работавших в Андреевском, Атакском, Драгунском, Такмыкском психоневрологических домах-интернатах, имели специальное высшее образование. В 1988 г. в трех стационарных учреждениях Омской области в Андреевском, Атакском, Тарском психоневрологических домах-интернатах работали четыре врача с высшим медицинским образованием. В Драгунском и Такмыкском психоневрологических домах-интернатах наличие врачей-специалистов документы не указывают.

Помощниками врачей являлись фельдшера — лица со средним медицинским образованием, которые в случае отсутствия врачей-специалистов могли осуществлять лечение пациентов. Общая численность фельдшеров в 5 психоневрологических домах-интернатах в 1980 г. составляла 12 человек; в 1988 г. — 13 человек¹³. Фельдшера, занятые в психоневрологических домах-интернатах, имели среднее специальное образование.

Показатели продолжительности трудового стажа в занимаемой должности в среде фельдшеров психоневрологических домов-интернатов Омской области в 1980-е гг. выглядели следующим образом. В 1980 г. у 10 фельдшеров продолжительность трудового стажа не превышала 5 лет; у 1 сотрудницы она составляла свыше 5 лет. К концу 1980-х гг. в профессиональной структуре фельдшеров психоневрологических домов-интернатов региона заметной становится доля сотрудников, имеющих опыт практической медицинской деятельности. К 1988 г. среди фельдшеров психоневрологических домов-интернатов уже у 6 человек продолжительность трудового стажа колебалась от 11 до 15 лет; у 6 фельдшеров

она не превышала 5 лет; у 1 сотрудницы трудовой стаж в должности фельдшера составлял 8 лет.

Непосредственные лечебные мероприятия в психоневрологических домах-интернатах осуществлялись медицинскими сестрами. Они проводили профилактический медицинский осмотр пациентов, а также лечебные процедуры лиц с психическими заболеваниями. Доля медицинских сестер в профессиональной структуре стационарных психоневрологических учреждений в 1980-е гг. колебалась от 5 до 11 человек. В общей профессиональной структуре Андреевского, Атакского, Драгунского, Тарского и Такмыкского психоневрологических домов-интернатов в 1980 г. доля медсестер составляла 41 человек (9,1%). Из 40 медсестер среднее специальное образование имели 38 человек (95%), среднее — один человек, незаконченное высшее — одна сотрудница.

В 1988 г. в пяти стационарных психоневрологических учреждениях Омской области трудились 46 медицинских сестер, из которых среднее специальное образование имели 45 человек; среднее образование — одна сотрудница.

Общее руководство и координацию деятельности всех служб домов-интернатов, в том числе и для лиц с психическими заболеваниями, осуществляли представители администрации. Численность администрации рассматриваемых психоневрологических домов-интернатов не превышала 10 человек. На один психоневрологический дом-интернат приходилось по два представителя управленческого персонала. В состав администрации дома-интерната входили директор и его заместитель. Представители администрации дома-интерната имели среднее специальное образование. В их среде выделялись лица с практическим опытом административной и организационной работы.

В структуре трудовых коллективов психоневрологических домов-интернатов Омской области стоит выделить и вспомогательный персонал. Представители вспомогательного персонала выполняли профессиональные обязанности, сопутствующие основной деятельности стационарного учреждения. В состав вспомогательного персонала психоневрологических домов-интернатов Омской области в 1980-е гг. входили работники пищеблока, сантехники, кладовщики, водители, сторожа, работники подсобного хозяйства. Общая численность представителей вспомогательного

персонала психоневрологических домов-интернатов Омской области в 1980 г. составляла 223 человека (49,8%); в 1988 г. она возросла до 257 человек (50,2%)¹⁴.

В северной части региона важным компонентом социальной сферы в 1980-е гг. являлись стационарные дома-интернаты, расположенные в Тарском районе. В начале 1980-х гг. на территории Тарского района функционировало три стационарных дома-интерната из 13 учреждений стационарного профиля, действовавших в Омской области. Стационарное обслуживание клиенты получали в Атакском и Тарском психоневрологических домах-интернатах и Екатерининском доме-интернате для престарелых и инвалидов. Психоневрологические дома-интернаты стали важной составляющей системы стационарного социального обслуживания.

В 1980 г. численность сотрудников стационарных психоневрологических домов-интернатов Тарского района составляла 162 человека — 36,9% от общей численности сотрудников психоневрологических домов-интернатов Омской области. В психоневрологическом доме-интернате, расположенном в поселке Атак Тарского района, работали 90 человек (55,5%), в Тарском психоневрологическом доме-интернате — 72 человека (44,4%)¹⁵. К 1988 г. в Атакском психоневрологическом доме-интернате в сравнении с 1980 г. численность сотрудников осталась без изменений — 90 человек (50,5%), в Тарском психоневрологическом доме-интернате произошло незначительное увеличение численности сотрудников до 88 человек (49,4%)¹⁶.

В целом в 1988 г. численность сотрудников стационарных психоневрологических домов-интернатов Тарского района увеличилась до 178 человек. Таким образом, в психоневрологических домах-интернатах Тарского района в конце 1980-х гг. было сосредоточено до 34,8% от общей численности сотрудников психоневрологических домов-интернатов Омской области¹⁷.

По уровню образования распределение сотрудников Атакского и Тарского психоневрологических домов-интернатов в 1980 г. выглядело следующим образом. Среди сотрудников психоневрологических домов-интернатов начальное образование получили 52 человека, незаконченное среднее образование — 53 человека. Доля лиц со средним и средним специальным образованием была сравнительно меньше. Она составляла 28 и 26 человек соответст-

венно. Совсем незначительной была доля лиц с высшим образованием. Его получили только 2 сотрудника, незаконченное высшее образование — 1 человек¹⁸.

К 1988 г. в психоневрологических домах-интернатах Тарского района со средним образованием насчитывалось 49 человек, со средним специальным — 53 человека. Количество лиц с начальным образованием уменьшилось до 31 человека, с незаконченным средним образованием — до 42 человек¹⁹. Сокращение численности лиц с начальным и незаконченным средним образованием, возможно, объясняется повышением профессиональных требований к сотрудникам домов-интернатов, в том числе к их образовательному уровню, развитием образовательного потенциала самих сотрудников. Доля лиц с высшим образованием в психоневрологических домах-интернатах Тарского района в конце 1980-х гг. была весьма невелика — 2 человека. Возможно, работе специалистов с высшим образованием в психоневрологических домах-интернатах препятствовали низкий уровень заработной платы, сложные условия трудовой деятельности, бытовые проблемы.

В психоневрологических домах-интернатах непосредственным обслуживанием клиентов занимались санитарки, медицинские работники. Структура образовательного уровня санитарок психоневрологических домов-интернатов выглядела следующим образом. В 1980 г. из 54 санитарок, занятых в Атакском и Тарском психоневрологических домах-интернатах, начальное образование имели 27 человек, незаконченное среднее образование получили 17 человек, среднее образование — 9 человек, одна сотрудница была с высшим образованием. К 1988 г. среди 62 санитарок психоневрологических домов-интернатов Тарского района стало меньше лиц с начальным образованием — 16 человек, доля лиц с незаконченным средним образованием составляла 16 человек²⁰.

В то же время до 22 человек, против 9 в 1980 г., возросла численность санитарок со средним образованием. Кроме того, среди санитарок появились лица со средним специальным образованием — 8 человек. Возможно, изменения в образовательном уровне санитарок были вызваны повышением общего образовательного статуса лиц, пришедших в психоневрологические дома-интернаты,

возрастанием требований к их образовательному потенциалу со стороны администрации.

В 1980 г. в психоневрологических домах-интернатах Тарского района было занято 24 медицинских работника. Среди них был лишь один врач, получивший профильное высшее медицинское образование, работавший в Атакском психоневрологическом доме-интернате. Среднее специальное образование имели 22 человека, из них доля медсестер составляла 18 человек, фельдшеров — 4 человека. Только одна медицинская сестра была с незаконченным высшим образованием²¹.

Представители медицинского персонала психоневрологических домов-интернатов получили профильное медицинское образование в Омском государственном медицинском институте (сейчас Омский государственный медицинский университет — ОмГМУ), средне-специальных учебных заведениях г. Омска, в Тарском медицинском училище. В 1988 г. общая численность медицинских работников в психоневрологических домах-интернатах Тарского района увеличилась до 30 человек. Среди них медицинских сестер было 18 человек, фельдшеров — 10 человек, специалистов с высшим медицинским образованием (врачей) — только 2 человека. Врачи-специалисты работали в Атакском и Тарском психоневрологических домах-интернатах. Среди медицинского персонала по-прежнему преобладали медицинские сестры и фельдшеры²². Возможно, в силу неблагоприятных социально-экономических условий трудовой деятельности, высокой психологической нагрузки, специалисты с высшим медицинским образованием не стремились работать в психоневрологических домах-интернатах.

В Любинском районе Омской области располагается Драгунский психоневрологический дом-интернат, находящийся вблизи поселения с одноименным названием. В 1980 г. общая численность сотрудников этого стационарного учреждения составляла 116 человек. Образовательная составляющая стала важной частью социально-профессионального облика сотрудников учреждения. В целом по уровню полученного образования сотрудники дома-интерната распределялись следующим образом: начальное — 41, незаконченное среднее — 36, среднее специальное — 18, среднее — 16, высшее — 1 человек²³.

У санитарок и медицинских работников, работавших непосредственно с пациентами учреждения, также прослеживается определенное распределение по уровню полученного образования. Из 31 санитарки стационарного учреждения незаконченное среднее образование имели 12 человек, начальное — 17, среднее — 2²⁴. Как видно из представленных цифр, 29 человек из санитарок дома-интерната не имели даже полного среднего образования. По-видимому, в рассматриваемое время работа на должностях санитарок не требовала от кандидатов определенного уровня образования, скорее всего, в большей степени ценились практические умения и навыки, приобретенные в процессе профессиональной деятельности.

В среде медицинского персонала, наоборот, требовалось необходимое специальное образование, поэтому все 13 медицинских сестер дома-интерната его имели. Причем 10 медицинских сестер прошли обучение в медицинских училищах, 2 медицинские сестры окончили специальные курсы подготовки. Три фельдшера учреждения также имели среднее специальное медицинское образование. Документы указывают, что только один сотрудник среди медицинских работников дома-интерната имел высшее образование²⁵. Возможно, удаленность этого учреждения, непростые социально-бытовые условия жизни, а также система послевузовского распределения выпускников могли оказывать влияние на то, что в среде трудового коллектива дома-интерната был лишь один человек с высшим медицинским образованием и квалификацией врача. Что, вероятно, сказывалось на качестве медицинского обслуживания его пациентов.

В 1988 г. в Драгунском психоневрологическом доме-интернате по-прежнему довольно существенной остается доля лиц с незаконченным средним образованием — 31 человек, число лиц с начальным образованием уменьшается до 23 человек, а со средним и средним специальным образованием — увеличивается до 37 и 29 человек соответственно²⁶. Настоящие цифры свидетельствуют об изменениях в образовательном уровне сотрудников учреждения, которые видны при рассмотрении отдельных профессиональных групп его сотрудников. Так, к 1988 г. численность санитарок дома-интерната немного уменьшилась и составила уже 30 человек. Градация их по уровню образования выглядела следую-

щим образом. Численность лиц, имевших неполное среднее образование, составляла только 7 человек, уменьшившись почти в 2 раза, начальное образование получили лишь 8 сотрудниц, среднее специальное — 5, а среднее — 10 (увеличилось в 5 раз!). Таким образом, в образовательном уровне сотрудников стоит отметить тенденцию к существенному его изменению: сокращается доля лиц с начальным и неполным средним образованием, в то же время растут показатели численности сотрудников со средним образованием. Кроме того, на должности санитарок учреждения поступают люди, окончившие учебные заведения средне-специальной направленности. Это свидетельствует не только о повышении общего образовательного уровня сотрудников, но и о существенных изменениях в их демографической структуре.

Анализ изученных документов показывает тенденцию смены старых поколений сотрудников, чья молодость пришлась на военные и послевоенные годы в СССР, когда отмечались определенные сложности в получении необходимого образования, обусловленные как военным временем, так и периодом послевоенного восстановления. А стратегии жизненного поведения определенной части людей были направлены в основном на трудовую деятельность (в особенности лиц с начальным образованием), осуществление которой возможно было и при минимальном образовательном уровне. В 1970-х — конце 1980-х гг. в жизнь вступают более молодые поколения, в том числе работников сферы социального обеспечения региона, у которых была иная траектория жизненных стратегий, и они имели более значимые возможности для получения определенного уровня образования. В то же время скорее всего происходит и усиление требований к кандидатам, принимавшимся на работу стационарные учреждения, в том числе и по образовательному уровню.

Стоит отметить, что территория Любинского района была местом нахождения поселений с преобладающей долей немецкого населения. При этом отметим, что до начала массовой эмиграции в 1990-е гг. немцы жили практически во всех населенных пунктах Любинского района. В Любинском районе населенными пунктами с ярко выраженным немецким населением во второй половине XX в. являлись Замелетеновка, Протопоповка, Казанка, Помогаевка, Масляновка, Смоляновка и Кочки, находившиеся в зоне

территориальной близости к дому-интернату. По данным переписи населения 1989 г., немцы занимали второе место по численности среди населения этого района. Определенная часть этнических немцев нашла сферу применения своего труда в стационарных учреждениях системы социального обеспечения, в том числе и в психоневрологических домах-интернатах Омской области. Одной из причин участия немцев в деятельности учреждений системы социального обеспечения региона является социально-экономическая маргинальность этнических мигрантов. При этом маргинальность рассматривается нами не как принадлежность к социальному «дну», а как состояние «статусного несоответствия» или «декомпозиции статусов». Следовательно, маргинальность важна как характеристика социальной структуры, а не как личностная характеристика. Социокультурные условия принимающего сообщества закрепляли маргинальный статус немецких мигрантов, для которых только деятельность в «непрестижных» сферах открывала каналы вертикальной социальной и профессиональной мобильности. Немцам, на первоначальном этапе плохо вписанным в структуру традиционных социальных ролей в новой принимающей среде, было проще проявить себя именно в этом направлении, т.е. они занимали нишу, границы которой устанавливались местными традициями и обычаями, сложившейся системой разделения труда. Кроме того, возможно, специфика профессиональной деятельности, мотивация гуманитарного характера привлекали некоторую часть этнических немцев в учреждения системы социального обеспечения региона, в том числе и в стационарные психоневрологические дома-интернаты. Названные локальные особенности явно оказывали влияние на масштабы концентрации немцев в различных сферах применения труда, в том числе и в учреждениях сферы социального обеспечения, к которым относился и Драгунский психоневрологический дом-интернат²⁷. Поэтому в Драгунском психоневрологическом доме-интернате концентрировалось наибольшее количество этнических немцев, работавших в стационарных психоневрологических учреждениях региона.

Так, в 1980 г. в этом психоневрологическом доме-интернате доля немцев составляла 77,7% от общего количества лиц немецкой национальности, занятых в психоневрологических домах-

интернатах Омской области. К 1988 г. здесь трудились до 76,3% этнических немцев, работавших в психоневрологических домах-интернатах Омской области. Из общего количества сотрудников психоневрологического дома-интерната в 1980 г. русскими были 81 человек (69,8%), а немцами — 35 человек (30,1%). При этом среди немцев женщин было 24 человека (68,5%), мужчин — 11 человек (31,4%)²⁸. В целом в Драгунском психоневрологическом доме-интернате в 1980 г. доля женщин немецкой национальности составляла 75% от общего количества сотрудниц немецкой национальности, работавших в психоневрологических домах-интернатах региона, доля мужчин — 84,6%. К 1988 г. численность сотрудников дома-интерната возросла до 123 человек, что составляло 24% от общей численности сотрудников психоневрологических учреждений Омской области²⁹. Возможно, структурные изменения в социально-экономической сфере региона во второй половине 1980-х гг. способствовали притоку новых кадров в учреждение и росту численности его сотрудников. В целом среди работавших в доме-интернате, исходя из национальной принадлежности, русских было 72 человека (58,5%), немцев — 42 человека (34,1%), украинцев — 6 человек (4,8%)³⁰. Около одной трети сотрудников интерната приходилось на лиц немецкой национальности. Из них доля женщин составляла 30 человек (71,4%), мужчин — 12 человек (28,5%)³¹. В целом к 1988 г. доля женщин-немок составляла в доме-интернате 74,3% от общего количества сотрудниц немецкой национальности, работавших в психоневрологических домах-интернатах региона, мужчин — 81,2%³².

По уровню образования в 1980 г. этнические сибирские немцы, работавшие в доме-интернате, также имели определенную градацию. Среди женщин немецкой национальности у 9 человек было незаконченное среднее образование, у 11 — начальное, у двух — среднее образование, у одной сотрудницы — среднее специальное³³. Приведенные цифры также свидетельствуют о доминировании в «женской среде» сибирских этнических немцев лиц, имевших лишь базовые образовательные знания. В распределении сотрудников по профессиональной структуре уровень образования женщин-немок тоже дифференцировался. Так, в среде санитарок численность женщин немецкой национальности составляла 9 сотрудниц. Из них четыре женщины получили только

незаконченное среднее образование, а начальное имелось у пяти. У одной медицинской сестры-немки было среднее специальное образование. Оставшаяся часть женщин немецкой национальности была занята на должностях вспомогательного персонала (повара, кухонные рабочие, кассиры), которые не были непосредственно связаны с обслуживанием пациентов. Их образовательный уровень в настоящей статье не освещается.

У 11 мужчин сотрудников Драгунского психоневрологического дома-интерната выявился относительно невысокий уровень общего образования. Так, незаконченное среднее образование имели 4 человека, начальное — 6 человек³⁴. Возможно, перечень должностей, занимаемый этими сотрудниками, позволял обходиться базовыми общими образовательными знаниями. Они работали на должностях санитаров, вспомогательных работников (шоферы, грузчики, парикмахер).

В 1988 г. из 30 женщин сотрудниц немецкой национальности у 9 человек было незаконченное среднее образование, у 8 сотрудниц — начальное образование, у 4 — среднее специальное, у 8 — среднее³⁵. Прослеживается тенденция сокращения лиц с начальным образованием и увеличения со средним. Вероятно, и в этом учреждении намечался процесс смены поколений в профессиях сферы социального обеспечения. В рамках профессиональной специализации сотрудниц немецкой национальности стоит отметить увеличение численности санитарок, чей труд был связан с непосредственным обслуживанием клиентов, до 14 человек³⁶. Из них начальное образование по-прежнему имели пять человек, незаконченное среднее — три сотрудницы, среднее — пять человек, одна санитарка получила среднее специальное образование. Здесь также видна наметившаяся тенденция изменений в образовательном уровне женщин-санитарок немецкой национальности. Сокращается численность лиц с незаконченным средним образованием, и появляются лица со средним и средним специальным образованием. Во многом эта тенденция вписывается в процесс смены профессиональных поколений в рамках деятельности учреждений сферы социального обеспечения омского региона на рубеже 1980—90-х гг.

У сотрудников-мужчин немцев по национальности (общая их численность в 1988 г. составляла в учреждении 12 человек) на-

чальное образование имели три человека, незаконченное среднее — 2, среднее специальное — 6, среднее — один человек. По-прежнему большая мужчин немцев (11 человек) исполняли вспомогательные должностные обязанности, лишь один человек работал с пациентами санитаром³⁷. В то же время и в этой среде уменьшается количество лиц с начальным и незаконченным средним образованием, в учреждение приходят лица со средним специальным образованием, либо часть сотрудников могла обучаться без отрыва от производства на заочных формах, что также свидетельствует о постепенном возрастании образовательного потенциала сотрудников.

В другом стационарном психоневрологическом учреждении — Андреевском доме-интернате, расположенном вблизи г. Омска, в 1980 г., в отличие от Драгунского, в составе трудового коллектива было больше лиц с высшим образованием — врачей, их количество составляло два человека. Среди основной части сотрудников дома-интерната незаконченное среднее образование имели 32 человека, начальное — 38, среднее специальное — 18, среднее — 6³⁸. В целом показатели уровня образования коллектива учреждения свидетельствуют о преобладании в нем лиц, получивших лишь самый общий базовый уровень знаний, но, по-видимому, владевших определенными практическими знаниями и навыками в своей профессии. Это в принципе сопоставимо со структурой образовательного уровня сотрудников других стационарных социальных учреждений Омской области. Рассмотрение образовательного уровня основных профессиональных групп сотрудников учреждения также свидетельствует о схожести происходивших в нем процессов с тенденциями, выявленными в других стационарных психоневрологических домах-интернатах. Так, из 42 санитарок дома-интерната 27 человек имели начальное образование, 12 — незаконченное среднее, 2 — среднее. Одна санитарка, как указывают документы, была неграмотной, т.е. не имела даже базовых образовательных навыков³⁹.

Структура образовательного уровня медицинского персонала дома-интерната имела свою специфику. Так, врачи дома-интерната окончили курс обучения в Омском медицинском институте. Один из них даже имел специализацию психиатрического профиля. Он прошел обучение на курсах психиатрии, при этом, как указывают

документы, имел производственное звание «Ударник коммунистического труда». По-видимому, это были специалисты, уровень образования которых в определенной степени позволял оказывать клиентам необходимую медицинскую помощь. Скорее всего, географическая близость областного центра, возможно, более приемлемые социально-бытовые условия, система профессионального распределения, позволяли в то время привлечь специалистов с высшим образованием в это стационарное учреждение. Количество врачей в этом учреждении позволяло относительно равномерно распределять профессиональную нагрузку между собой и охватить медицинским обслуживанием большее количество пациентов. Мы не располагаем данными о численности и составе пациентов учреждения на 1980 г., но есть любопытные сведения по 1986 г. Так, на 01 января 1986 г. дом-интернат был рассчитан на 325 мест, а фактически в нем проживало 339 пациентов, из них у 160 человек был статус лежачих больных⁴⁰. Как видим профессиональная нагрузка на врачей и специалистов «среднего звена» могла быть очень существенной. При рассмотрении образовательного состава других сотрудников медицинского персонала стоит отметить, что остальные 9 человек (2 фельдшера и 7 медицинских сестер) получили среднее специальное медицинское образование. Они окончили курс обучения в омских медицинских училищах № 1 и 3⁴¹. Эти учебные заведения в советское время вели достаточно активную профессиональную подготовку специалистов «среднего звена» для лечебных учреждений как Омской области, так и других регионов СССР.

К 1988 г. в образовательном уровне сотрудников дома-интерната также произошли изменения. Число лиц с высшим образованием увеличилось несущественно, до трех человек. Но, тем не менее, специалисты с высшим образованием к концу 1980-х гг. в этом стационарном учреждении сохранились. Это были два врача и техник-смотритель, вероятно, отвечавший за сохранение и эксплуатацию медицинских и производственных помещений учреждения. Среди других сотрудников начальное образование имела довольно существенная их часть — 27 человек, незаконченное среднее — 55, среднее специальное — 18 человек, среднее — 19⁴². Хотя, в сравнении с 1980 г., отмечается снижение доли лиц с на-

чальным образованием. В то же время отмечается и рост доли лиц со средним образованием.

При изучении профессиональных групп сотрудников стоит отметить следующее. Из 31 санитарки незаконченное среднее образование имели 12 человек, начальное — 11, среднее — 6, одна санитарка была со средним специальным образованием⁴³. Как видно из приведенных цифр, тенденция в образовательном уровне санитарок дома-интерната сопоставима с изменениями в других стационарных психоневрологических домах-интернатах идентичного профиля. Выявляется сокращение лиц с начальным образованием и небольшое увеличение сотрудниц со средним образованием. Численность медицинского персонала дома-интерната в сравнении с 1980 г. возросла до 14 специалистов, которые обладали необходимыми медицинскими знаниями⁴⁴. Все сотрудники: врачи, фельдшер, медицинские сестры имели как высшее, так и среднее специальное медицинское образование. Лишь одна медицинская сестра прошла подготовку на медицинских курсах. Вероятно, медицинские работники, обладавшие таким уровнем профессиональных знаний, должны были обеспечить квалифицированную и своевременную помощь клиентам стационарного психоневрологического учреждения.

Таким образом, в 1980-е гг. в психоневрологических домах-интернатах шел дальнейший процесс формирования трудовых коллективов, становления профессиональных групп, росла численность персонала учреждений, повышался его образовательный уровень. В стационарных учреждениях региона психоневрологического профиля происходил процесс «смены профессиональных поколений» за счет сокращения в трудовых коллективах численности лиц с начальным и незаконченным средним образованием, прихода в дома-интернаты более молодых сотрудников со средним и средним специальным образованием. Профессиональная подготовка части сотрудников также осуществлялась в рамках их обучения в учреждениях средне-специального и высшего образования. В то же время у отдельных категорий сотрудников домов-интернатов, в частности, санитарок и санитаров, освоение профессии происходило во время практической деятельности, за счет приобретения необходимых знаний и навыков.

Отмеченные выше тенденции имели прямое влияние на характер профессиональной деятельности сотрудников. В непростых условиях реформирования социальной сферы сотрудники психоневрологических домов-интернатов Омской области в процессе своей работы стремились обеспечить осуществление медицинских мероприятий и уход за пациентами учреждений, что являлось и остается основой для сохранения деятельности стационарных социальных учреждений в регионе вплоть до сегодняшнего дня.

Примечания

¹ Топчий Л.В. Теоретические аспекты развития социального обслуживания населения России // Социальное обслуживание. 2007. № 2. С. 11.

² Филатов В.А., Любимов А.А. Некоторые проблемы формирования кадрового состава специалистов для учреждений социальной защиты населения Омской области на рубеже XX—XXI вв. // Омские социально-гуманитарные чтения — 2009: Мат-лы II регион. науч.-практич. конф. (г. Омск, 15—16 апреля 2009 г.). Омск, 2009. С. 81—86.

³ Филатов В.А., Любимов А.А. К вопросу о профессиональном облике социальных работников Нежинского дома-интерната во II половине 1980-х гг. XX века // Социальные коммуникации и социальные науки в демократической России: Мат-лы всерос. науч.-практич. конф. (23—24 апреля 2009 г.). Омск, 2009. С. 289—293; Филатов В.А., Любимов А.А. Социально-профессиональная характеристика сотрудников стационарных учреждений для престарелых и инвалидов Омской области (80-е гг. XX века) // Омский научный вестник. 2009. № 6. С. 77—80; Чичулин А.В., Любимов А.А. К истории формирования трудового коллектива Тарского психоневрологического дома-интерната в 80-е гг. XX в. // Омский научный вестник. 2010. № 3. С. 25—27; Чичулин А.В., Любимов А.А. Развитие образовательного уровня сотрудников стационарных домов-интернатов Тарского района Омской области в 1980-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 8. Ч. 1. С. 204—207.

⁴ Кротт И.И., Любимов А.А. К вопросу о социальной адаптации и профессиональной деятельности немцев в учреждениях сферы социального обеспечения Омской области в 1980-е гг. (на примере Драгунского психоневрологического дома-интерната) // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых: Сб. науч. ст. / Под ред. В.Н. Худякова. Омск, 2011. Вып. 16. С. 20—44.

⁵ КУ ИАОО. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 1054. Л. 1; Д. 1133. Л. 5, 8, 14—15. Подсчеты авторов.

⁶ Казенное учреждение Омской области: Исторический архив Омской области (КУ ИАОО). Ф. 1128. Оп. 1. Д. 886. Л. 1—6, 8—17; Д. 917. Л. 22—24; Д. 1188. Л. 1—4, 22—32, 33—39, 40—44, 61—64; Подсчеты авторов.

⁷ Там же. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 1188. Л. 1—4, 22—32, 33—39, 40—44, 61—64; Подсчеты авторов.

⁸ Там же. Д. 886. Л. 1—6, 8—17; Д. 917. Л. 22—24; Подсчеты авторов.

- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. Д. 1188. Л. 1—4, 22—32, 33—39, 40—44, 61—64.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. Д. 886. Л. 1—6, 8—17; Д. 917. Л. 22—24.
- ¹⁴ Там же. Д. 886. Л. 1—6, 8—17; Д. 917. Л. 22—24; Д. 1188. Л. 1—4, 22—32, 33—39, 40—44, 61—64.
- ¹⁵ КУ ИАОО. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 886. Л. 15—16; Д. 917. Л. 22—24; Чичулин А.В., Любимов А.А. Развитие образовательного уровня сотрудников стационарных домов-интернатов Тарского района Омской области в 1980-е годы. С. 204—207.
- ¹⁶ Чичулин А.В., Любимов А.А. К истории формирования трудового коллектива Тарского психоневрологического дома-интерната в 80-е гг. XX в. // Омский научный вестник. 2010. № 3. С. 26.
- ¹⁷ КУ ИАОО. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 1188. Л. 1—4, 40—44; Чичулин А.В., Любимов А.А. Развитие образовательного уровня сотрудников стационарных домов-интернатов Тарского района Омской области в 1980-е годы.
- ¹⁸ КУ ИАОО. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 886. Л. 15—16; Д. 917. Л. 22—24; Чичулин А.В., Любимов А.А. Развитие образовательного уровня сотрудников стационарных домов-интернатов Тарского района Омской области в 1980-е годы.
- ¹⁹ КУ ИАОО. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 1188. Л. 1—4, 40—44; Чичулин А.В., Любимов А.А. Развитие образовательного уровня сотрудников стационарных домов-интернатов Тарского района Омской области в 1980-е годы.
- ²⁰ Чичулин А.В., Любимов А.А. Развитие образовательного уровня сотрудников стационарных домов-интернатов Тарского района Омской области в 1980-е годы.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ КУ ИАОО. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 886. Л. 1—6, 8—17; Д. 917. Л. 22—24; Л. 1—4, 22—32, 33—39, 40—44, 61—64.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Кротт И.И., Любимов А.А. К вопросу о социальной адаптации и профессиональной деятельности немцев в учреждениях сферы социального обеспечения Омской области в 1980-е гг. (на примере Драгунского психоневрологического дома-интерната). С. 20—44.
- ²⁸ КУ ИАОО. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 886. Л. 1—6, 8—17; Д. 917. Л. 22—24; Л. 1—4, 22—32, 33—39, 40—44, 61—64.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ КУ ИАОО. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 1054. Л. 1; Д. 1133. Л. 5, 8, 14—15. Подсчеты авторов.

⁴¹ КУ ИАОО. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 886. Л. 1—6, 8—17; Д. 917. Л. 22—24; Л. 1—4, 22—32, 33—39, 40—44, 61—64.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Любовь Васильевна — профессор кафедры истории России Нижневартовского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

Букренева Ксения Геннадьевна — директор МБОУ «СОШ № 7» г. Ханты-Мансийска, кандидат исторических наук

Книжников Вячеслав — студент 3 курса бакалавриата (профиль «История») Нижневартовского государственного университета

Любимов Андрей Александрович — доцент кафедры истории, социально-экономических и общественных дисциплин филиала ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» в г. Ишиме, кандидат исторических наук, доцент

Митрофанов Виктор Владимирович — профессор кафедры «Гуманитарные и естественнонаучные дисциплины» филиала «Южно-Уральского государственного университета (НИУ) в г. Нижневартовске, доктор исторических наук, доцент

Прищеп Александр Иванович — профессор кафедры истории России Сургутского государственного университета ХМАО — Югры, доктор исторических наук, профессор

Сапожникова Наталия Васильевна — профессор кафедры истории России Нижневартовского государственного университета, доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент

Солодкин Яков Григорьевич — заведующий научно-исследовательской лабораторией региональных исторических исследований Нижневартовского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

Цысь Валерий Валентинович — заведующий кафедрой истории России Нижневартовского государственного университета, профессор, доктор исторических наук, доцент

Цысь Ольга Петровна — научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории региональных исторических исследований Нижневартовского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

Чичулин Александр Владимирович — доцент кафедры гуманитарных дисциплин и правоведения (Филиал федерального го-

сударственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Омский государственный педагогический университет» в г. Таре), кандидат исторических наук

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел 1

ЮГОРСКАЯ ЗЕМЛЯ ДО НАЧАЛА XX в.

- Глава 1. О ДВУХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВРЕМЕНИ ЕЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К МОСКОВСКОМУ ГОСУДАРСТВУ 9
- Глава 2. К РЕКОНСТРУКЦИИ СОСТАВА СЛУЖИЛЫХ «МИРОВ» БЕРЕЗОВА И СУРГУТА В КОНЦЕ XVI — НАЧАЛЕ XVII в.20
- Глава 3. СТРОИТЕЛЬСТВО НИЖНЕ-ВАРТОВСКОЙ ЦЕРКВИ ВО ИМЯ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В 1913—1917 гг.33

Раздел 2

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ ОКРУГ В СОВЕТСКУЮ И ПОСТСОВЕТСКУЮ ЭПОХИ

- Глава 1. ТРУДОВОЙ И БОЕВОЙ ПОДВИГ ЖИТЕЛЕЙ НИЖНЕВАРТОВСКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945 гг.)53
- ГЛАВА 2. РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПИТАНИЕМ ДЕТДОМОВЦЕВ, ЭВАКУИРОВАННЫХ ИЗ ЛЕНИНГРАДА В ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОКРУГ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ70
- Глава 3. К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА И СПЕЦТЕХНИКИ В ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ РАБОТАХ К ОСВОЕНИЮ САМОТЛОРСКОГО НЕФТЕГАЗОВОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ79
- Глава 4. СОЦИАЛЬНОЕ ОБУСТРОЙСТВО ТЕРРИТОРИИ ХМАО — ЮГРЫ В ГОДЫ ЕЕ НЕФТЕГАЗОВОГО ОСВОЕНИЯ (1960—90-е гг.)91

РАЗДЕЛ 3
ЮГРА И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ

Глава 1. ОБ УСТРОЙСТВЕ ПОЛИЦИИ И ПОЖАРНОЙ КОМАНДЫ В ГОРОДЕ ТОБОЛЬСКЕ.....	121
Глава 2. ОБЪЕМЫ ДОБЫЧИ РЫБЫ И ЕЕ ПЕРЕРАБОТКА В ЯМАЛО-НЕНЕЦКОМ ОКРУГЕ В 1939—1941 гг.	145
Глава 3. К ИСТОРИИ «НАУЧНО-КОЛОНИЗАЦИОННОГО» ОСВОЕНИЯ НЕФТЯНОГО СЕВЕРА СИБИРИ.....	155
Глава 4. ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКИХ ДОМОВ-ИНТЕРНАТОВ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ (1980-е гг.)	167
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	189

Научное издание

ПЯТЬ СТОЛЕТИЙ ЮГРЫ

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Коллективная монография

Часть VI

Редактор *Т.А. Фридман*
Технический редактор *Т.А. Фридман*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 06.10.2016
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 12,13
Тираж 300 экз. Заказ 1757

Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru